

ВЕСТНИК

МГГУ им. М.А. Шолохова

Sholokhov Moscow State University
for the Humanities

2
2014

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Москва
2014

УДК 800
ISSN 1992-6375

2.2014

Издается с 2002 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский
государственный
гуманитарный
университет
им. М.А. Шолохова

ПИ № ФС 77–19007
от 15.12.2004 г.

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18

Интернет-адрес:

www.mgoru.ru
Подписной индекс
36733
в основном каталоге
Роспечати

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
им. М.А. Шолохова

Серия «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

Редакционная коллегия

Н.Д. Котовчихина – *гл. редактор*,
Т.Ю. Журавлева – *зам. гл. редактора*,
Т.А. Ерофеева – *отв. секретарь*,
Е.И. Диброва, Л.И. Шевцова,
Н.А. Литвиненко, Р.Б. Сабаткоев,
А.С. Калякин

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых журналов и изданий ВАК

Электронная версия журнала:
www.mgoru.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Касперова Л.Т.*
Лексико-семантический анализ ключевых слов «слепой»
и «музыкант» в повести В.Г. Короленко «Слепой музыкант» 5
- Смирнова Н.В.*
Механизмы расщепленной референции
(на материале рассказов В. Набокова) 9
- Сорокина Г.А.*
Буддийские коннотации в романе В. Набокова
«Лаура и ее оригинал» 16

ЛИНГВИСТИКА

- Барышева С.Ф.*
Фоностилистический потенциал сегментных звуковых средств. 23
- Веремьева К.М.*
Топонимы как один из видов пространственных индикаторов
в английском языке 30
- Ерофеева Е.А.*
Парадигматические и синтагматические возможности
непроцессуальных признаков фразеологических единиц 35
- Кузнецова А.Н.*
Этимологический аспект лингвокультурологического анализа
фразеологических единиц. 42
- Кузьмина М.А.*
Роль обращения в реализации функциональной
смысловой зависимости 48
- Ландер Ю.А.*
Опыт типологии дистантной релятивизации 55
- Себряк А.Н.*
Особенности неофициальных имен собственных
в афроамериканском этносе. 78

<i>Сигал К.Я.</i> Об одной инновации XX в. в сфере русских сочинительных союзов	82
<i>Lavine J.E.</i> Anti-Burzio Predicates: From Russian and Ukrainian to Icelandic	91
МЕТОДИКА	
<i>Калякин А.С.</i> Модель иноязычной подготовки студентов, обучающихся по направлению «Туризм»	107
<i>Рудковская А.В.</i> Формирование психокогнитивной компетенции при обучении устному последовательному переводу	111
НАШИ АВТОРЫ	118
CONTENTS	120
ПАМЯТКА АВТОРУ	125

Л.Т. Касперова

Лексико-семантический анализ ключевых слов «слепой» и «музыкант» в повести В.Г. Короленко «Слепой музыкант»

Статья посвящена выявлению особенностей реализации семантических доминант «слепой» и «музыкант» в повести В.Г. Короленко «Слепой музыкант». В работе анализируются одноименные лексико-грамматические семантические поля (в терминологии Е.И. Дибровой) и специфика представления содержательных компонентов изучаемых семантических доминант в тексте.

Ключевые слова и фразы: семантическая доминанта, ключевое слово, лексико-семантическая структура ключевого слова, лексико-грамматическое семантическое поле, повесть В.Г. Короленко «Слепой музыкант».

В повести (по определению самого писателя – этюде) В.Г. Короленко «Слепой музыкант» название произведения образуют семантические доминанты – ключевые слова *слепой* (доминанта, реализующая частично общекультурный концепт «Слепота») и *музыкант* (соответственно – концепт «Творчество»). Под *семантической доминантой* художественного текста мы понимаем ключевое слово, относящееся к идейно-тематическому уровню произведения.

Первая тема (таблица 1) связана с общекультурным концептом «Слепота», который реализуется в произведении частично (см., например, об иных смыслах этого концепта работу К.А. Богданова [1]). В религиозной традиции в первую очередь говорится о духовной слепоте. «Слепота – болезнь... Как о Божьем наказании может также идти речь о временной слепоте (ср. Деян. 13:11) или о слепоте в переносном значении, т.е. о неспособности оценить ситуацию правильно и действительно ее встретить (ср. 4 Цар. 6:18). Чаще всего понятие “Слепота” и применяется в переносном

сном смысле для обозначения ограниченности познания. Этот образ, особенно в Новом Завете, стоит на первом плане и характеризует самообман (ср. Откр. 3:17), а также заблуждение и закостенелость, препятствующие обращению...» [2, с. 403].

Таблица 1

Тема	Идея	Концепт	Ключевое слово	ЛГСП
Слепота физическая и душевная	Прозрение – это умение преодолеть эгоизм (даже если он может быть оправдан личным несчастьем), возможность научиться чувствовать чужое горе, воспринимать и ценить жизнь во всех ее проявлениях.	«Слепота»	Слепой	<i>Слепой; слепец; слепорожденный; слепенький; слепенький; слепота; зрение; зрячий / незрячий; прозрение; глаза; видеть / не видеть; глядеть / не глядеть и пр.</i>
Творчество	Цель талантливого творчества – в умении преодолеть эгоистическую сосредоточенность на собственных переживаниях, почувствовать и передать людям всю полноту жизни.	«Творчество»	Музыкант	<i>Музыкант; музыка; мелодия; напев; нота; импровизация; музыкальный; экстаз; перебивы; звуки; фортепиано; дудка; скрипка; смычок; бандура и пр.</i>

В «Словаре сюжетов и символов в искусстве» Д. Холла отмечено: «*Завязанные глаза*, символ моральной и духовной слепоты, отсюда мрак греха и невежества» [6, с. 242]. «*Слепорожденный, Исцеление Слепоты...* Христос исцеляет двух слепых... <...> ...Христос просто касается глаз одного из них; второй при этом падает перед ним на колени, ожидая своей очереди. В этом эпизоде видели символ человеческой духовной слепоты, спасти от которой и явился на землю Христос» [6, с. 512–513].

Тема слепоты реализуется в тексте этюда эксплицитно, посредством лексического повтора прямой номинации, являющейся ядром лексикограмматического семантического поля (ЛГСП) [4, с. 261] «Слепой» – прилагательного *слепой* (*Семейство, в котором родился слепой мальчик, было немногочисленно*), субстантива *слепой* (*Мир, сверкавший, двигавшийся и звучащий вокруг, в маленькую головку слепого проникал главным образом в форме звуков, и в эти формы отливались его представления*), а также ряда однокоренных слов, образующих центр ЛГСП: существительных *слепота* (*По натуре он был очень живым и подвижным ребенком, но месяцы или за месяцами, и слепота все более налагала свой отпечаток на темперамент мальчика*), *слепец* (*Поздней осенью, по дороге, занесенной снегами, к великому удивлению всех в усадьбе, панич неожиданно вернулся с двумя слепцами в нищенской одежде*) и прилагательным/субстантивом *слепорожденный* (– Я (Эвелина. – Л.К.) думаю, что... он (Петрусь. – Л.К.)

считает теперь, что... все слепорожденные злые...), слепенький (слипенький) (– Я (Егорий. – Л.К.) думал – вы насмех... посмеяться над слепеньким. – Подайте слепеньким... р-ради Христа).

Кроме того, тема слепоты реализуется в тексте такими лексическими единицами, как *глаза, зрение, зрячий/незрячий, видеть / не видеть (глядеть / не глядеть), прозрение (исцелиться).*

Слово *слепой* употребляется в тексте в двух лексических значениях.

1. Прямое. 'Лишенный зрения, способности видеть, *противоп.* зрячий' [5, с. 136] 'Невишной, темный, незрячий, безокий, безочный, невидущий, безглазый, кто не видит, лишен света, очей, зрения, потерявший чувство видения' [3, с. 228]. Поскольку повествование ведется о слепорожденном человеке, частотность употребления слова в прямом значении велика (*слепой мальчик, слепой ребенок, слепой (суб.): Мать сначала не могла себе представить, чтоб ее слепой ребенок мог ездить верхом...; Слепой, по обыкновению, сидел рядом с своею подругой около матери.*

2. Переносное. 'Действующий не рассуждая, не отдающий себе отчета в своих действиях. || Совершаемый без рассуждений, безотчетно, под действием выработанной привычки или под действием какого-либо чувства, состояния, аффекта и т.д. || Действующий, проявляющийся стихийно' [5, 136]. 'Духовно, нравственно или научно незрячий; непросвященный, ослепленный убеждениями, страстью, безрассудством' [3, с. 228]. *Это уже не одни стоны личного горя, не одно слепое страдание.*

Если в первых главах этюда слово *слепой (слепота)* употребляется только в прямом значении, то по ходу развития сюжета, связанного с взрослением героя, в отдельных эпизодах оно приобретает «двойное» значение, прямое и переносное одновременно. Ярким примером такого употребления является эпизод со слепыми звонарями на колокольне. Егорий – слепорожденный, как и главный герой. В контексте повести *слепорожденный* – «не знающий света, с мрачной душой, сосредоточенный на своем горе, озлобленный». Роман – потерявший зрение в детстве – помнит свет и потому воспринимает жизнь с благодарностью. Повествуя о встрече Романа, Егория и Петруся на колокольне, автор специально противопоставляет первого двум другим героям, называя слепыми только их, а Романа – исключительно по имени. *Эвелина, неслышно ступая в темноте, сошла уже до половины первого прохода, когда за ней раздались уверенные шаги обоих слепых, а сверху донесся радостный визг и крики ребят, кинувшихся целою стаей на оставшегося с ними Романа.* Имплитную «двузначность» слова *слепой* можно наблюдать и в разговоре героев: – *Кто здесь?* – *спросил затем звонарь. – Я... – Ты тоже слепой? – Слепой. А ты давно ослеп?* – *спросил Петр. – Родился таким...*

Ключевое слово *слепой* связано и с бинарной оппозицией «Свет» – «Тьма», отражающей концептуальное знание и реализующейся в тексте такими лексическими единицами, как *мрак, тьма, темнота, темный, потемнеть* и соответственно – *свет, луч, яркий* – в их прямых и переносных значениях. Стремление к Свету – органическое влечение человека. «Глаза, – сказал кто-то, – зеркало души». *Быть может, вернее было бы сравнить их с окнами... И вот, в одном из таких звеньев, слепом мальчишке, роковая случайность закрыла эти окна: жизнь должна пройти вся в темноте. Но значит ли это, что в его душе порвались навеки те струны, которыми душа откликается на световые впечатления? Нет, и через это темное существование должна была протянуться и передаться последующим поколениям внутренняя восприимчивость к свету. Его душа была цельная человеческая душа, со всеми ее способностями, ...и в темной душе мальчика жило неутолимое стремление к свету.* Жизнь послала ему испытание: он должен преодолеть сосредоточенность на собственном недуге, обиду на Бога и судьбу (*Та самая рука, которая лишила меня зрения, когда я еще не родился, вложила в меня эту злобу... Мы все такие, рожденные слепыми*). Но герой сумел преодолеть в себе эгоистическое себялюбие, помог ему в этом Максим, «инвалид с добрым сердцем»: – *Я хотел, чтобы ты почувствовал чужое горе и перестал так носиться со своим...*

Финал произведения связывает обе темы – слепоты и творчества – воедино: *И перед глазами встало синее небо, и яркое солнце, и прозрачная река с холмиком... Или в его мозгу зародились фантастическими призраками неведомые горы... Кто знает? Максим опустил голову и думал: «Да, он прозрел... На место слепого и неутолимого эгоистического страдания он носит в душе ощущение жизни, он чувствует и людское горе, и людскую радость, он прозрел и сумеет напомнить счастливым о несчастных...».* Таким образом, общекультурные концепты, преломляясь в авторском сознании, реализуются в художественном тексте посредством ЛГСП ключевых слов – семантических доминант.

Библиографический список

1. Богданов К.А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб., 2001.
2. Большой путеводитель по Библии / Ред., пер. с нем. Г. Габинского. М., 1993.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М., 1982.
4. Диброва Е. И. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. В 2-х ч. Ч. I. М., 1998.
5. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1988.
6. Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. М., 1996.

Н.В. Смирнова

Механизмы расщепленной референции (на материале рассказов В. Набокова)

Расщепление референции рассматривается как отличительная особенность неклассического повествования. На материале рассказов В.В. Набокова проанализированы такие способы расщепления референции, как нарушение логических связей в содержательной структуре текста, семантизация дейктических оппозиций, расширение радиуса действия показателей персуазивности, введение в текст повествовательной инстанции автора-творца.

Ключевые слова: расщепленная референция, универсум художественного текста, дейктические оппозиции, персуазивность.

В отличие от референции прямых речевых актов, в которых универсум признается действительный мир, обладающий независимым бытием, референция художественного текста опирается на универсум объектов, задаваемый субъектом посредством языковых средств. По мнению Р.О. Якобсона, «примат поэтической функции над референциальной не уничтожает референцию, но делает ее неоднозначной. Неоднозначное сообщение находит соответствие в расщеплении адресанта, в расщеплении адресата и, более того, в расщеплении референции» [цит. по: 1, с. 426].

Под расщепленной референцией в настоящей работе понимается одновременная отнесенность текстовых номинаций к несовместимым системам объектов. Феномен расщепленной референции провоцирует возникновение коммуникативной неопределенности, которая проявляется в невозможности для читателя установить четкие координаты конструируемого мира произведения. Категория определенности/неопределенности, характеризующая в естественном языке противопоставленность конкретно-референтного употребления имени выражению, относящему стоящий за ним объект к классу подобных, в рамках литературного произведения распространяет сферу воздействия на весь универсум художественного текста. Референциальная неопределенность является одним из доминантных дифференциальных признаков неклассического повествования, для которого характерно возрастание текстовой энтропии. Универсум неклассического нарратива представляет собой нестабильное образование, что предполагает формирование альтернативных (возможных) миров внутри мыслимого мира произведения.

Для демонстрации механизмов расщепленной референции использованы рассказы В.В. Набокова – одного из признанных создателей неклассического повествования. По мнению исследователей творчества писателя, инвариантом поэтики В.В. Набокова является двоемирие. Внутренняя альтернатива мира художественного произведения трактуется через введение различного рода оппозиций: реального и воображаемого мира (Ю.И. Левин); эмпирического и потустороннего мира (V.E. Alexandrov); реального и символического мира (M.T. Naumann); видимого и идеального мира (D.B. Johnson); мира «я» и мира «не-я» (J.W. Connolly); мира действительности и мира искусства (В. Ходасевич, A. Field, P. Stegner, D. Stuart) и др.

Конструирование автономных пространств (миров) в рамках единого текста затрудняет, а иногда и делает невозможным непротиворечивое соотнесение присутствующих в тексте номинаций с обозначаемыми ими объектами. Стратегия читательского восприятия произведений В.В. Набокова, направленная на осуществление авторской интенции, должна выстраиваться, исходя из вероятного соприсутствия в тексте альтернативных систем объектов.

В рассказах В.В. Набокова выделяется ряд доминантных приемов конструирования несовместимых систем объектов, ведущего к включению механизмов расщепленной референции.

1. Нарушение логических связей в содержательной структуре текста. Опосредованный характер соотнесенности художественного текста с реальным миром предполагает, однако, что внутренний мир произведения «строится по законам логики, он внутренне целесообразен и логичен» [3, с. 303]. Синтезирование в сознании читателя содержательной структуры текста в значительной мере опирается на фоновые знания. Система представлений реципиента о допустимых связях между явлениями действительности может вступать в конфликт с конструируемой в тексте последовательностью событий, противоречащих друг другу.

Принцип алогизма как прием порождения расщепленной референции реализован В.В. Набоковым в рассказе «Посещение музея». Основным направлением, по которому проводится нарушение логических связей, является организация пространственно-временного континуума. Представленный в инициальном предложении локализатор *вблизи Монтизера* вступает в явное противоречие с последующим немотивированным переключением пространственной референции путем введения цепи локализаторов *где-то на Мойке или на Фонтанке, а может быть и на Обводном канале*. Немотивированным переключением является потому, что перемещение повествователя в его персонажной ипостаси из первого географи-

ческого пункта во второй происходит в результате простой экскурсии по музею, расположенному в Монтизере.

Абсурдность внутреннего мира произведения порождает бессмысленность на уровне референции, находящую крайнее выражение в провале акта соотнесения представленной в тексте развернутой дескрипции с обозначаемым ею объектом: *Я должен сперва посоветоваться с мэром, который только что умер и еще не избран*. Несовместимость сфер локальной референции приводит к невозможности построения непротиворечивой картины универсума художественного текста. Попытка разрешить конфликт пространственных координат путем помещения одной из них в сферу сознания повествователя заранее обречена на неудачу в силу того, что описываемые в тексте события преподнесены как реальные, причем имевшие место в прошлом. В финальном абзаце рассказа вводится грамматическая форма будущего времени, создающая иллюзию прямого речевого акта: *Не стану рассказывать ни о том, как меня задержали, ни о дальнейших моих испытаниях*. Подобное переключение режима повествования способствует возникновению эффекта непосредственной коммуникации, в которую вовлекается читатель, и, следовательно, провоцирует его предположить соблюдение говорящим принципа кооперации, реализующегося, в частности, в постулате истинности. Признание установки повествователя на достоверное воспроизведение событий заставляет читателя пребывать в состоянии внутреннего конфликта, вызванного нарушением принципа логической организации мыслимого мира произведения, ведущего к включению расщепленной референции. Разрыв логических связей как прием конструирования противоречивых систем объектов внутри универсума художественного текста ведет к аномальности текста, однако эта аномальность основывается на апелляции к бытовой логике и создается в результате использования лингвистически правильных высказываний, передающих при этом противоречивое содержание.

2. Семантизация дейктических оппозиций. В естественном языке дейктические оппозиции типа *тут/там, теперь/тогда, этот/тот* формируются в зависимости от их соотнесенности с фигурой говорящего. В процессе речевого акта, характеризующегося сменой говорящего субъекта, дейктические элементы поочередно «присваиваются» коммуникантами, что приводит к смене стоящих за шифтерами объектов реального мира. Мимолетность, или ситуативность, референции дейктических элементов, порождаемая зависимостью от условий произнесения конкретного высказывания, требует для успешного акта соотнесения их с обозначаемыми объектами релятивизации к субъекту речи.

Под семантизацией дейктических слов понимается преодоление ситуативного характера референции за счет приобретения постоянного значения, которое не ориентировано на подвижные координаты говорящего. Организация семантизированных дейктических элементов в оппозиции позволяет использовать их в качестве приема конструирования альтернативных пространств в художественном тексте. Релевантность данного приема для поэтики В.В. Набокова была отмечена в монографии Д.Б. Джонсона, установившего, что амбивалентность тематической структуры романа В.В. Набокова «Приглашение на казнь» на поверхностном уровне манифестируется дейктической оппозицией *тут/там*, члены которой обозначают соответственно реальный и идеальный миры [4, с. 161–163]. Семантизация дейктической оппозиции *этот/тот* представлена в рассказе В.В. Набокова «Возвращение Чорба».

Оппозиция *этот/тот* выполняет функцию создания автономных референциальных пространств, по которым распределяется корпус конструируемых в тексте объектов. Экспликация субъекта дейксиса, роль которого в нарративе может исполнять либо повествователь, либо персонаж, приводит к парадоксальному результату: координатором оппозиции *этот/тот* в рассказе «Возвращение Чорба» является умерший персонаж – жена заглавного действующего лица. При этом объекты, находившиеся с указанным персонажем в непосредственном контакте, определяются как *те*, а шифтер *эти* охватывает систему объектов, задействованных в текущем повествовании, на момент которого ее смерть является свершившимся фактом.

Преодоление парадоксальности дейктических отсылок может быть осуществлено путем приписывания подобной разметки пространства центральному персонажу – Чорбу, выступающему в ряде фрагментов текста как субъект сознания и наблюдатель: *...когда Чорб вошел за ним в номер, то сразу узнал, ... что это та самая комната, где он провел с женой первую совместную ночь; В ту ночь он ее только поцеловал в душку, – больше ничего.* Однако действие дейктической оппозиции распространяется и на те участки текстовой событийности, в которых главный персонаж не принимает участия. В частности, в диалоге Келлера с супругой: – *Этот человек не в своем уме. Как он смеет, если она больна, завозить ее опять в эту гнусную гостиницу* – неосведомленность персонажей относительно смерти дочери исключает возможность использования шифтера *тот*, что подчеркивает их причастность исключительно наличному бытию.

Независимость референции шифтеров от положения говорящего субъекта, демонстрируемая фиксированным характером соотносительности указанных элементов со стоящими за ними системами объектов, обусловлена их семантизацией, проявляющейся в регулярном приписывании шифтеру

этот значения ‘актуального эмпирического мира’, а шифтеру *тот* – ‘идеального мира, присутствующего в наличном бытии как воспоминание’.

Использование семантизированной дейктической оппозиции *этот/тот*, реализующей противопоставление несовместимых хронотопов, является конструктивным приемом, формирующим автономные пространства внутри универсума художественного текста, что обуславливает двойственный характер соотносительности номинаций с объектами. Таким образом, действие дейктической оппозиции способствует актуализации механизмов расщепленной референции.

3. Расширение радиуса действия показателей персуазивности. Центральное положение в сфере субъективной модальности занимает персуазивность – категория, выражающая оценку говорящим объективного содержания предложения с точки зрения его достоверности/недостоверности.

Показатели персуазивности в перволичном повествовании могут выступать в качестве миропорождающих операторов, приводя к возникновению альтернативных пространств внутри художественного универсума. Данный прием использован В.В. Набоковым в рассказе «Тerra incognita», представляющем собой перволичный нарратив с инклюзивным повествователем, из чего следует, что именно повествователь является субъектом всех эгоцентрических элементов, в том числе выразителей модальных значений. Показатели персуазивности (*быть может, кажется, вероятно*) вводятся на протяжении всего рассказа. Значение недостоверности, вносимое вводными компонентами, усиливается с помощью включения модальной частицы *как бы*, выражающей условное предположение: *Грегсон взмахивал сачком, проваливался по бедра в парчовую жижу, и громадная бабочка, хлопнув атласным крылом, уплывала от него через камыши, туда, где в мерцании бледных испарений туманными складками ниспадала как бы оконная занавеска; Меня же гораздо больше пугало другое: слева от меня, – всегда почему-то слева, – время от времени поднималось из болота, кренясь среди повторяющихся камышей, как бы подобие большого кресла, а в действительности – странная, неповоротливая, серая амфибия, название которой Грегсон отказывался мне сообщать*. Если в начальных фрагментах текста показатели персуазивности могут быть проинтерпретированы как средство выражения неуверенного знания повествователя, то по мере развертывания произведения они распространяют радиус действия на все объективное содержание текста. Значение недостоверной оценки говорящим положения дел во внутреннем мире произведения перерастает в конфликт значений реальности/ирреальности, таким образом, показатели персуазивности фактически захватывают сферу значений объективной модальности, что приводит к

понятийной катастрофе. Расщепленная референция находит свое крайнее выражение в невозможности однозначного отнесения повествователя к одному из представленных в тексте миров, поскольку отношение мысли к действительности, передаваемое показателями субъективной модальности, выдается за свойства самой действительности, в результате чего происходит раздвоение мыслимого мира произведения.

В рассказе «Terra incognita» наблюдается распространение радиуса действия показателей персуазивности с фрагмента высказывания до текста в целом, при этом происходит семантическая трансформация, связанная с переключением релятивизированного к субъекту значения неуверенного знания на объективно-модальное значение ирреальности, способствующее формированию альтернативных возможных миров внутри художественного универсума.

4. Введение в текст повествовательной инстанции автора-творца. Включение создателя произведения в структуру текста ведет к разгерметизации мыслимого мира произведения, поскольку автор-творец является тем субъектом, к которому релятивизирован художественный универсум, представляющий собой результат его эпистемического допущения. В результате возникает парадоксальная ситуация: текстовая событийность подвергается двойному опосредованию, а структура субъектов художественного произведения расширяется за счет дифференциации инстанций автора-творца и фактического автора, поскольку внутренний мир произведения априори не может включать реального создателя.

На разрушении иерархии реального мира и мыслимого мира произведения, вызванном включением автора-творца в структуру текста с одновременным вводом креативной рамки, построен рассказ В.В. Набокова «Королек» (подробнее см. статью другую нашу работу [2]). В начальном фрагменте рассказа о присутствии субъекта речи свидетельствует ряд языковых средств: дейктические элементы (*тем, этим, теперь, отсюда, по сей час*), императив (*поторопитесь*), вводный компонент (*скажем*), вопросительная конструкция: *Собираются, стягиваются с разных мест вызываемые предметы, причем иным приходится преодолевать не только даль, но и давность: с кем больше хлопот, с тем кочевником или с этим – с молодым тополем, скажем, который рос поблизости, но теперь давно срублен, или с выбранным двором, существующим и по сей час, но находящимся далеко отсюда? Поторопитесь, пожалуйста.* Содержательная структура вводного абзаца эксплицирует начальную стадию творческого акта, в силу чего заявленный субъект идентифицируется как создатель произведения. Выражаемое формами глаголов настоящее время позволяет представить процесс созидания мыслимого мира

произведения как синхронный по отношению к восприятию читателя. С введением персонажей фигура автора-создателя уступает место третьеличному нарративу, построенному на формах прошедшего времени глагола.

Субъект – создатель произведения – вводится вновь в финальном абзаце рассказа, причем на этот раз он представлен перволичным местоимением: *Мой бедный Романтовский! А я-то думал вместе с ними, что ты и вправду особенный...* Вводимая вместе с фигурой творца креативная рамка, характеризующая содержательную сторону устройства текста, в данном случае совпадает с формальной рамкой. Если в начале рассказа был представлен процесс созидания мыслимого мира произведения, то в финале описывается его распад: *Теперь все кончено. Собранные предметы разбредаются опять, увы.*

Присутствие автора-создателя в тексте приводит к расщеплению единого референциального пространства и формированию автономных систем объектов, в силу того что творец не может располагаться в одном измерении с созданными им персонажами. Ввод автора-творца в художественный текст позволяет сфокусировать внимание читателя на самом процессе текстопорождения, а также способствует обнажению статуса мыслимого мира произведения, представляющего собой продукт творческой воли субъекта.

Использование приемов расщепления референции способствует характерному для поэтики В.В. Набокова стиранию грани между вымыслом и действительностью. Универсум художественного произведения за счет нарушения принципа непротиворечивости распадается на автономные системы объектов, что приводит к расщепленной системе соотношений между номинациями и обозначаемыми ими референтами.

Библиографический список

1. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 1990. С. 416–434.
2. Смирнова Н.В. Экспликация креативной рамки как способ построения художественного универсума // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: Сб. ст. по материалам всероссийской конференции молодых ученых. Вып. 6. Нижний Новгород, 2007. С. 309–313.
3. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). М., 2013.
4. Johnson D.B. Worlds in Regression: Some Novels of Vladimir Nabokov. Ann Arbor, MI, 1985.

Г.А. Сорокина

Буддийские коннотации в романе В. Набокова «Лаура и ее оригинал»

Статья посвящена анализу всех примеров буддийских коннотаций в неоконченном романе В. Набокова «Лаура и ее оригинал».

Ключевые слова: Набоков, роман «Лаура и ее оригинал», буддийские коннотации в творчестве В. Набокова.

Творческая биография В. Набокова, «американского писателя, родившегося в России», как он сам писал о себе, достаточно хорошо исследована как на Западе, так и в России. Наше внимание привлекает последний, неоконченный, а потому загадочный роман «Лаура и ее оригинал». Здесь мы обнаруживаем размышления писателя о религиозно-философских идеях Востока, об индуизме и буддизме.

Этот роман Набоков начал в 1975 г. в Швейцарии и писал его вплоть до весны 1977 г. Писатель заносил текст на каталожные карточки, которые всегда находились при нем. В конечном итоге он заполнил 138 карточек. Это обстоятельство чрезвычайно важно для понимания особенностей изложения набоковского материала. Перед смертью писатель распорядился уничтожить рукопись, однако вдова и сын покойного сохранили ее, и после долгих колебаний Дмитрий Владимирович Набоков решил издать этот роман, который он считал квинтэссенцией творчества отца. Публикация состоялась в 2009 г. одновременно в США, Великобритании, России и других странах. Русский перевод сделан Геннадием Барабтарло.

В тексте романа в разделе «Приложения, Подсобные материалы» на карточках 108 и 109 размещен текст, свидетельствующий о размышлениях писателя об индуизме и буддизме.

На карточке 108 читаем:

*Оксфордский словарь английского языка
Нирвана задувает (гасит)
вымирание, исчезновение. В теологии
буддизма – вымирание... и растворение
в верховном духе.
(нирванное объятие Брахмы)
бонза = буддийский монах
бонзастырь, бонзастыри
учение о буддийском воплощении*

*Брахманство = растворение в божественной сущности
Брамизм
(все это постулирует верховного бога)* [4, с. 127–128].

Обращение писателя к словарным дефинициям является свидетельством его интереса и стремления постичь базовые идеи индуизма и буддизма. Анализ содержания конспективных записей Набокова по этой проблематике, возможно, позволит нам наметить некий вектор его размышлений над восточными религиозно-философскими идеями. Однако, в связи с высказыванием самого писателя о том, что задуманные им сочинения, как и ранее написанные, «будут... следовать системе, в которой второй (главный) сюжет переплетается с поверхностным и полупрозрачным – или же помещается позади него» [2, с. 185–186], трудно себе представить, какое место в романе могло бы быть отведено этим идеям. Попытаемся далее исследовать конспект писателя.

Идея нирваны как особого высшего типа существования является общей для индуизма и буддизма. Нирвана понимается как «наличие особого состояния, высшего состояния, в котором страдание отсутствует и которое поэтому аттестовано как *парима сукха* (высшее блаженство)» [5, с. 307].

Согласно традиции, Будда прекратил свое земное существование, уйдя в нирвану. Этот психотехнический опыт Будды имеет огромное значение для понимания всей буддийской доктрины. «В буддизме значение акта нирваны столь же велико, как и распятие Иисуса Христа в христианстве» [1, с. 8].

Индуизм рассматривает освобождение как слияние с персонифицированным богом (Брахмой), а буддизм – переход сознания в состояние абсолюта. Судя по всему, понимание этой идеи и нашло отражение в записях Набокова. Таким образом, набоковский текст на указанных карточках свидетельствует о том, что писателя интересовала проблема, которая является ключевой как для индуизма, так и для буддизма.

На карточке 109 характер и суть записи текста – «нирвана = самовымирание», «лично[стно] существовании [я?]» [4, с. 128] – указывает на то, что писатель фиксирует суть буддийской концепции «я». Буддизм признает человеческое «я» в качестве иллюзорного конструкта, порождаемого сознанием. Этот аспект является чрезвычайно важным для понимания буддийского учения, также как и представление о «буддийском воплощении» – вопрос, занесенный писателем на карточку 108.

Предлагаемая расшифровка этого тезиса, несомненно, означает, что Набоков достаточно глубоко изучал такие понятия, как *карма*, *закон кармы*, *реинкарнация*, *колесо бытия*, *цикл рождений-смертей*, которые

считаются стержнем буддийского учения. Сюда же по смыслу фразы следует отнести и замечание с карточки 109: *высвобождение из круга воплощений*. В этом, как известно, состоит осознанная цель всех буддийских практик – прервать цепь рождений-смертей и достичь нирваны, суть которой в буддизме понимается как освобождение. На той же карточке читаем: *Буддизм: блаженное духовное состояние* [4, с. 128]. По всей вероятности, речь идет о продолжении тезиса о нирване – высшем внеличностном бытии, состоянии покоя и блаженства.

Следующее замечание Набокова является, судя по всему, итогом его изучения разветвленной религиозной мифологии Востока, о чем он, в частности, пишет на карточке 109:

*Религиозная ахиня и мистицизм восточной мудрости.
Второсортная поэзия мистических мифов* [Там же].

Действительно, внешнее восприятие, т.е. восприятие с позиции внешнего, непосвященного наблюдателя, изучающего сложнейший комплекс космогонических представлений брахманизма, индуизма и буддизма, вполне может вызвать эффект «религиозной ахинии и мистицизма» особенно у человека, воспитанного в рамках рафинированной западной культуры. В этой сложной символической картине мира свое место занимают также многочисленные боги, божества, защитники веры, демоны, духи с их характерными атрибутами и признаками. Следует также отметить, что, согласно буддийской доктрине, Будда Шакьямуни и все будды предшествующих мировых периодов имели определенные знаки-отметины. Кроме того, в буддизме существует представление о силах и свойствах, т.е. о сверхъестественных способностях Будды, отражающих его высочайшие умственные и духовные качества. Наряду с этим в буддизме тщательно разработано описание способностей и сил просветленных существ – бодхисатв. Существует детальная иконография Будды, кроме того, его присутствие может быть изображено в виде различных символов и атрибутов, например, священное Колесо Закона, трон, следы босых ног, реликварий... Все эти символические особенности, воспринимаемые представителями индуизма и буддизма как органические и естественные, нашли свое отражение в этической и ритуально-обрядовой области.

В указанных набоковских строках достаточно отчетливо прочитывается признание восточной философской мудрости, с одной стороны, а с другой – неприятие той формы, в которую облачены эти религиозно-философские идеи – «второсортная поэзия мистических мифов».

Далее обратим внимание на слова карточки 108:

*бонза = буддийский монах
бонзастырь, бонзастыри* [Там же].

Само слово *бонза* пришло из французского *bonze*, в свою очередь входящего к японскому *bodzu*, обозначающего «монах», «священник» (в том числе и буддийский) в странах Азии. Интересен набоковский неологизм *бонзастырь*, употребленный писателем в значении «буддийский монастырь». Эти записи наводят на мысль о том, что Набоков изучал модель общинной организации жизни буддийского монастыря. С этими записями, возможно, перекликается и следующее замечание на карточке 137: *Пуп [мой] меня никогда особенно не интересовал* [4, с. 129]. Это ироничное высказывание, несомненно, отсылает нас к довольно распространенному представлению о медитационной восточной практике, во время которой практикующий медитирует, сосредоточивая свое внимание на пупочной чакре.

Итак, образ жизни и поведения буддийских монахов, особенности медитативного созерцания и сверхспособности, обретаемые практикующим адептом, – так можно реконструировать предмет размышлений Набокова. Может быть, именно эту йогическую психическую всерхспособность имел в виду писатель, фиксируя на карточке 137 следующее:

*Самоуничтожение мыслию
чувство, что таеешь
Envahissement восхитительного растворения (что за чудесное,
точное существительное!) [Там же].*

Envahissement переведено как «накатывание». Эта мысль становится более понятной, если следовать комментарию и связать эту запись с карточкой 122: *Мне случайно открылось искусство усилием мысли избыть свое тело, свое бытие, самый свой разум. Мыслию отделаться от мысли – что за роскошное самоубийство, какая сладостная самоликвидация! <...> ...приступаешь к самоуничтожению, тогда первое, что испытываешь, это все усиливающееся чувство, что таеешь, начиная от ног и далее вверх* [4, с. 113]. Продолжение этого текста находим на карточке 123: *Ставя опыт на себе самом, с тем чтобы выбрать наиболее приятный способ умереть. <...> Все дело как раз в том, чтобы уметь прекратить эксперимент и возвратиться из опасного странствия целым и невредимым, как скоро обучающийся само-истреблению овладеет этим таинственным искусством. <...> ...он научился переключать себя на нейтральную передачу, т.е. в состояние безвредного транса, и выводить себя из него решительным рывком неусыпной воли* [Там же, с. 114].

На основании этого текста можно сделать предположение, что Набоков в романе хотел отразить некоторые аспекты особого, медитативного ухода из жизни, что действительно существует у практикующих адептов

высокого уровня на Востоке. Художественное воплощение этой практики мы находим в фильме современного корейского режиссера Ким Ки Дука «Весна, лето, осень, зима... и снова весна».

Различные аспекты смерти находятся в центре внимания писателя судя по тому, что один из ранних пробных вариантов названия романа был «Dying Is Fun». Переводчик и комментатор Г. Барабтарло отмечает здесь возможность разве что истолковательного перевода на русский язык, как, например, «Веселая смерть» [2, с. 133–134]. Сам Набоков о смерти своей героини пишет: *потрясающая смерть* [4, с. 125].

Г. Барабтарло также отмечает, что в этом неоконченном романе «настоящая личная линия жизни здесь – линия смерти» [2, с. 139]. Размышляя о проблеме смерти в романах Набокова в целом, Барабтарло говорит о том, что «у Набокова никогда не бывает, чтобы читателю показывалась самая смерть крупным планом» [Там же, с. 185]. Этому принципу писатель, по-видимому, хотел следовать и в романе «Лаура», где он избрал весьма экзотичный, основанный на восточных психотехниках, способ умирания для своих героев.

Эту мысль Набоков развивает на карточке 107: *Процесс самораспада, производимый усилием воли <...> Учиться пользоваться энергией тела для того, чтобы привести его к саморазложению. Жизнеспособность поставлена тут с ног на голову* [4, с. 108].

На самом деле, в творческой переработке писателя «с ног на голову» поставлено представление о сути и цели восточных духовных практик. Их целью, как известно, является достижение высшего духовного состояния путем прохождения по определенным ступеням-этапам: мудрости, соблюдения обетов, сосредоточения. По мере прохождения этих ступеней у практикующего исчезают аффекты (влечения, страсти, привязанности) как основы всех страданий, в результате чего и достигается нирвана. Герой же Набокова, обуреваемый страстями, якобы достигает некоего мастерства в области медитации и совершает, как можно понять из текста, не только самоубийство, но и использует какой-то весьма изощренный психический способ убийства своей жены. «Можно предположить, что здесь в некотором смысле подразумевается Пигмалион наыворот: ваятель, превращающий живую Галатею в мрамор» [2, с. 182].

В этой части Набокову удалось достаточно тонко передать психологическое ощущение медитации и состояние медитирующего. Однако при этом довольно сложно совместить с идеями буддийского учения нигилизм и агрессивность героя, облаченные в мистическую форму. Известно, что буддизм, как и индуизм, утверждает целостность мира, единство человека со всем универсумом. Образ Филиппа Вайльда (главного

героя), хотя и весьма скупо очерченный, достаточно отчетливо демонстрирует противоречие между гуманистической сущностью истинного буддизма и восприятием восточной мистики в ее специфическом западном понимании. В буддизме благо всех живых существ рассматривается как принцип, как высшая форма отношения человека к окружающему миру, в качестве идеала поведения и образа мыслей буддиста. При этом обретение так называемых психических сверхспособностей также служит реализации данного принципа. В противовес этому набоковский герой, обретший через медитацию некие психические возможности, демонстрирует лишь свое эго, погруженность в страсти, сладострастное смакование чувств и ощущений. Упоминание же Набоковым слов «буддийский монах», «бонза» наводит на мысль о практике самоконтроля, самодисциплины, выработке самообладания, духовной щедрости и нравственности, которые входят в комплекс монастырской подготовки, воспитания и образа жизни буддистов. По-видимому, эти аспекты также могли быть предметом изучения Набокова, однако они не получили своего развития в материалах романа.

Судя по этим материалам, в буддийских коннотациях произведения на первый план выступают внешние стороны буддизма, которые обычно производят вполне определенный эффект в западном обществе – эффект, основанный на поиске и ожидании экзотического, необычного, мистического при встрече с иной культурой. Изображение мистического часто происходит за счет упрощения и вульгаризации внутренней сути буддийских идей. Именно это можно отнести и к роману «Лаура». Однако следует обратить внимание на то, что здесь автором сконструирован особый способ некоего «идеального» убийства и самоубийства, основанного на буддийских психотехниках, что могло бы стать интересным и неожиданным поворотом в развитии сюжета.

Материалы романа, представшие в виде карточек, в полной мере отражают творческий метод писателя, обозначенный как «игры, основанные на комбинаторике» [3, с. 278], «эстетические игры» [Там же, с. 279], которые Набоков часто использовал в своих произведениях, и мы согласимся с этим.

Отметим и то, что использование Набоковым в его прихотливой игре ума разного рода сверхспособностей, обретенных через восточные учения, для реализации целей и задач героев романа, сегодня – широко распространенный прием в литературе и особенно в кино. Фрагменты этого романа являются одним из свидетельств того, что в западной культуре буддийские модели способны наполняться многими, подчас неожиданными, смыслами.

Не ясно, верны ли наши догадки и предположения, а, следовательно, и наши комментарии относительно идей буддизма в романе. «Мы не знаем главного: геометрии неосуществленной книги, ее обводных и соединительных каналов» [3, с. 279]. Однако на основе представленных материалов романа, имея в распоряжении только некоторые размышления и творческие замыслы писателя, мы можем сформировать собственное представление о том, что в этой геометрии идеи Востока и, в частности, буддизма занимают значительное место.

Библиографический список

1. Андросов В.П. Будда Шакьямуни и индийский буддизм. М., 2001.
2. Барабтарло Г. «Лаура» и ее перевод // Набоков В. Лаура и ее оригинал. СПб., 2010. С. 131–189.
3. Диенеш Л. Гайто Газданов. Владикавказ, 1995.
4. Набоков В. Лаура и ее оригинал. СПб., 2010.
5. Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб., 2007.

С.Ф. Барышева

Фоностилистический потенциал сегментных звуковых средств

В статье описываются сегментные ресурсы фоностилистики и их функции в двух речевых сферах: бытовой речи (неподготовленной) и художественной речи (подготовленной). Представлена классификация звуковых вариантов и модификаций, обладающих фоностилистическим потенциалом. Описаны функции, выполняемые данными единицами в бытовой речи и двух видах художественной речи: сценической речи и в художественном чтении.

Ключевые слова: фоностилистика, варианты и модификации звуков, бытовая и художественная речь.

Фоностилистика – наука о функционировании звуковых средств. Предметом фоностилистики являются два аспекта функционирования: 1) инвентарь звуковых средств, обладающих фоностилистическим потенциалом; 2) функции звуковых средств. Соответственно можно выделить два раздела фоностилистики: ресурсы фоностилистики и фоностилистические значения единиц звучащей речи. Каждый из этих разделов включает корпус сегментных и просодических средств.

Задачей данного исследования является описание ресурсов и значений сегментных фоноединиц в двух речевых сферах: бытовой речи (неподготовленной) и художественной речи (подготовленной).

Обозначим корпус сегментных ресурсов фоностилистики.

I. Из нейтральных звуковых реализаций фоностилистическим потенциалом обладают орфоэпические варианты:

1) хронологические (старшая и младшая норма), а именно – варианты старомосковского произношения гласных, согласных и их групп;

2) варианты орфоэпических подсистем: фонетические особенности заимствованных слов, топонимов, служебных слов и др.

II. В категории «стилевые варианты» стилистические значения могут приобретать разговорные произносительные варианты, прежде всего всевозможные эллипсисы звуков и их сочетаний.

III. Из нелитературных произносительных явлений в стилистических целях используются:

- 1) явления просторечной фонетики;
- 2) явления диалектной фонетики;
- 3) «нерусский акцент» с чертами какого-либо иностранного языка;
- 4) нарушение правил чтения или современных фонетических законов (правил позиционного чередования звуков).

IV. Стилистически обусловленными могут быть различные модификации звуков.

V. Стилистические коннотации способны выражать «неканонические» звуки.

Рассмотрим функционирование этих единиц в бытовой и художественной речи.

Наблюдение над бытовой речью показывает, что основная функция данных единиц в этой сфере – это передача стилистических коннотаций «шутливо» и «иронично», а основной прием – языковая игра. Приведем примеры.

1. Нейтральные варианты: а) хронологические варианты, а именно «старшие» (старомосковские) нормы: *Это было скáзо[шн]о!*; б) варианты орфоэпических подсистем, в частности, подсистемы заимствованных слов: *Полюбуйся на мой [по]ртрét* (о фотографии) – с оттенком иронии. Или: *Цветаева – это п[о]эт!* – с оттенком торжественности, значимости.

2. Из разговорных вариантов стилистически релевантными являются прежде всего случаи разнообразного эллипсиса. Например, [здрáс'т'и три:] (шутливо: *Здравствуйте, товарищи!*) или: *Я / [тэк-скэ'т'] / изви-няюсь...* (смущенно: *так сказать*).

3. Нелитературные варианты:

а) явления просторечной фонетики:

- вставка лишнего звука: Э[н]тот [в'ју]ноша мне знаком;
- замена звука: *Тоже мне п[ры]нцéсса!*;
- ненормативные ассимиляции: [чи]чáс! (сейчас);

б) явления диалектной фонетики: *Надо на рынок. Óво[шшы] (овощи) закончились!*;

в) прямое нарушение правил чтения, например: *Он у нас не то[г]о!* Или нарушение законов позиционного чередования звуков: [щаз], *разбежался!* (экспрессивно, с оттенком раздражения или недовольства).

4. Модификации звуков.

Исчерпывающий список модификаций гласных и согласных звуков представлен в монографии «Фонетика спонтанной речи» [2]. Из многочисленных случаев модификаций звуков нужно выделить те, которые являются осознаваемыми носителями языка и могут использоваться в «стилистических» целях. По нашим наблюдениям, осознаются только те модификации, которые вызваны усилением артикуляции и, соответственно, используются как экспрессивное средство:

а) подчеркнуто четкая артикуляция звука, сверхнапряженность произношения, например, утрированное иканье: *Я тебе* [н'и-ч'и-вó] *не скажу!*; это один из способов усиления экспрессивности;

б) удлинение звука в ударном слоге: *Да ты* [што:]!; при этом «удлинение может выражать совершенно разные эмоции: негодование ([y:]жас, *Лиза*); нетерпение (*Н[у:]?!*); удивление ([о:]й, *что это?*); ирония, возмущение (*Ты* [ч'о:], *совсем, что ли?*); недовольство (*да отвал[и:] ты*); умиление (*Смотри, глазки потупила! О-о-о!*)» [2, с. 65]; то же у согласных: «[ф:у] (презрение), [ч:]ерт (досада), [ш':]ас; к[л:]асс (восторг), к[аз':]ёл (злость, досада); [д:]урак» [2, с. 65];

в) произношение звука «с придыханием», т.е. «с резким взрывом и сильным придыханием после него (после сильного взрыва продолжается выход воздуха) в позиции конца слова перед паузой после гласного» [Там же, с. 30]; может быть и в позиции перед гласными: «[каз'ол] (злость, раздражение); *Да [к]ак ты смеешь!*; [п]ошел ты!» [Там же]; в отличие от удлинения звука, придыхание выражает, по-видимому, только отрицательные эмоционально-оценочные коннотации.

5. Неканоничные звуки.

Под неканоничными звуками понимаем звуки, несвойственные звуковой системе русского языка в целом. В эмоционально-оценочной функции используются: а) междометия-аффрикаты (губно-губная [пф!], губно-зубная [т'фу]) (выражение презрения); б) гортанно-носовые звуки, обозначаемые на письме как *мда* или *нда* (выражение иронии, отрицательной оценки); в) особый «шелкающий» звук, образуемый кончиком языка (выражение досады или раздражения); г) билабиальный щелевой согласный в междометии *вау!* (выражение радости, удивления).

Далее рассмотрим виды и функции фоностилистических средств в художественной речи. Художественная речь – это речь подготовленная, воспроизводящая написанный текст и ставящая цель создания образа и эмоционального воздействия на слушателя. Художественная речь существует в двух формах: сценическая речь и художественное чтение. Материалом для анализа послужили спектакли Малого театра, МХАТ

им. М. Горького, Театра на Таганке, театра «Современник». Особенности художественного чтения рассматриваются на примере чтения С. Безрукова, Е. Миронова, И. Саввиной.

В художественной речи в измененной функции используются следующие виды произносительных вариантов.

1. Хронологические: варианты старомосковского произношения гласных, согласных и их групп (старшая норма). По нашим наблюдениям, эти варианты выполняют в художественной речи, по крайней мере, две функции.

Стилизации старомосковского произношения в сценической речи. Так, в пьесах А.Н. Островского современные актеры используют такие старомосковские нормы, как смягчение [р] перед твердыми губными и заднеязычными (*артикул* *пé[р']вый*), твердое произношение заднеязычных в основах прилагательных (*губéрнс[кэй] город, на вся[кэй] случай*), произношение буквосочетания *чи* как [шн] (*клюд[шн']ица, гóрни[шн]ая*), твердое произношение согласного постфикса (*развелó[с], подвигáю[с], не бóй[сэ]*) (примеры из спектаклей Малого театра).

Создания «торжественного» звучания речи: в монологе царя Креона в «Антигоне» (Театр на Таганке) звучат варианты окончания прилагательных на *-[кэй]*.

2. Произносительные особенности заимствованных слов.

Из «арсенала» фонетических явлений данной подсистемы в сценической речи используются:

а) нередуцированный безударный [о]: Т. Доронина в роли Гурмыжской (МХАТ им. М. Горького) в пьесе «Лес» А.Н. Островского для создания образа жеманной стареющей женщины произносит: *играть [ко]мéдию, [ко]медиáнты, такой [ко]стióм, актер [про]винциáльный, пр[оэ]кт;*

б) носовые гласные: *фин[ã]нсы* (там же).

3. Разговорные явления.

В спектакле «Мамапапасынсобака» (театр «Современник») для стилизации современной разговорно-непринужденной речи актеры в бытовых диалогах произносят варианты с эллипсисами звуков: [а-ч'ó] (*а что*), [ващэ] (*вообще*), [пóа'л] (*понял*), [в'йэл] (*видел*), [т'э] (*тебе*), [т'эá], [т'а] (*тебя*).

4. Нелитературные явления.

Просторечные и диалектные.

В сценической речи – это один из основных способов социальной характеристики персонажа. Например, актер Малого театра в роли Счастливецва окает, тем самым характеризуя его как актера из провинциально-го города: [хорóшó], *художества св[о]и́, честная [ко]мпáния, сделайте [одо]лжéние.*

Прямое нарушение фонетических законов.

В обеих сферах художественной речи есть случаи сознательного нарушения законов позиционного чередования гласных и согласных звуков. Так, безударные гласные «проясняются» в гласные полного образования. Данное явление чрезвычайно частотно в художественном чтении, особенно в позиции конца слова, такта, фразы: *И внял я нѣб[а] сод[р:á:] гá[н'йэ] //* (Е. Миронов читает «Пророк» А.С. Пушкина). В чтении С. Безруковым «Маленького принца» А. Сент-Экзюпери: *Пождá[лэста] // нарисуй барашик[а³] // Нарисуй друго[ва³] // Вот такого мне и над[а] // Как ты думаешь много он ест травы? // Ведь у меня дома всего очень мá:л[а] //*. Показателен неожиданный [а] на месте ожидаемого [э]: *Т[а:]к / я познакомил[с'а] /* (очень медленно:) [с:] *Маленьким / принц[а³]м //*. Проясняются гласные и в других позициях, особенно при замедленном произнесении: *Так неужели ж[э] это [н'эс'э]рьѣзно[йэ] дело.*

В сценической речи, в отличие от художественного чтения, виды прояснений гласных разнообразнее: помимо названных, есть примеры своеобразного «оканья» и «яканья» с разной функциональной нагрузкой. Актеры Малого театра в пьесах Островского при замедленном темпе произносят: [по]зáвтракаем, [пошóл вон] (*пошел вон*), [м'а]кúна.

В обоих видах художественной речи нарушаются нормы позиционного чередования согласных. Примером нарушения чередования по способу образования может быть произнесение актрисой МХАТ им. М. Горького слова *мужчина* как му[ш'ч']úна с «игривой» звуковой интерпретацией. Е.В. Крисанова в статье «Фонетические портреты А. Ахматовой и Б. Пастернака» отмечает, что Борис Пастернак, читая свои стихи, произносил звонкие согласные на конце слова перед паузой и перед глухим согласным. При этом «знаменательно, что названное отступление от орфоэпической нормы происходит с разной интенсивностью при авторском чтении стихов и прозы. Возможность некодифицированного отсутствия оглушения перед паузой или не перед звонким шумным в прозе реализована в 18% случаев (6 раз из 34), а в стихе – в 43% случаев (21 раз из 49), то есть в 2,5 раза чаще» [1, с. 165].

5. Виды модификации звуков.

Утрированно-четкое произношение звуков.

Так, для чтецкой манеры С. Безрукова характерно утрированно четкое произнесение гласных верхнего подъема: *Есл[и] кри́кн[и]т рать с[в'э] – тá – я...* (С. Есенин). Или: *Дáж[ы] // так[йи] цв[и]тý // у которых и[ы] нý ?* (А. Сент-Экзюпери).

Из согласных звуков подчеркнуто четкая артикуляция характерна для взрывных согласных, аффрикат и дрожащего [р], чаще в позиции конца

слова или фразы в целом. У взрывных увеличивается фаза выдержки и подчеркивается фаза взрыва (у аффрикат удлиняется щелевая фаза). *Он больше не мог говори[тʰ – четко] ///* (чтение С. Безрукова). *Не спится мне. Такая лунно[сʰтʰ – очень четко]!* (чтение С. Безрукова). Показателен в этой связи пример отрыва утрированно произнесенного конечного согласного в отдельный слог: *Он вдру-[к] / разрыдался.*

Е. Миронов читает «Пророка» А.С. Пушкина в замедленном темпе и очень экспрессивно, во многом за счет утрированно четкой артикуляции конечных согласных слов. Приведем пример с подобной артикуляцией (утрированные согласные затранскрибированы и выделены) и отражением некоторых других чтецких особенностей: *И га[т] морск[й:х] /* (очень медленно:) *под – водный* (сдавленно:) [хó:т].

Аффрикатизация взрывных согласных.

За счет этого повышается экспрессивность чтения: [Та:к^x] / *я сделал еще одно важное открытие* (чтение С. Безрукова).

Удлинение гласных и согласных.

Это ведущее звуковое фоностилистическое средство художественного исполнения стихов и прозы современными чтецами. Приведем примеры чтения трех исполнителей, зафиксировав удлинение звуков и исключив все остальные фонетические исполнительские средства.

С. Безруков («Гой ты, Русь, моя родная» С. Есенина):

Гой ты / [р:]усь мо[я:] // [р:]одная //

Хаты / в ризах образ[а:] //

Не вид[а:]ть конца и к[р:]а – [я:] //

Только [с:]инь сосёт гла[з:] //

Е. Миронов («Пророк» А.С. Пушкина):

Пир[с:]тáми легкими как с[ó:]н /

Моих зини[ц:] / коснулся óн //

Отверзлись вещи зеницы //

Как у испуга[н:]о́й орлицы /

Моих уш[é:]й коснулся óн /

И [й:]х наполнил [ш:]ум / и зв[о:]н //

И внял я н[э:]ба сод[р:]а[á:]нье //

И горний [а:]нгело[ф:]ло[л'ó:]т //

И г[а:]д морск[й:]х / подводный х[ó:]д //

Ия Саввина («Шла война к тому Берлину» Б. Окуджавы):

Мату[ш:]ка / ударил выстрел //

Пошатнулся твой сынок /

Опрокинулся на [с:]пину //

И о[с:]тыл / среди осин //

Как видим, при чтении растягиваются как гласные звуки (ударные и безударные), так и согласные (щелевые [с], [ш], [ф], обе аффрикаты, дрожащий [р]). Долгота аффрикат создается за счет продления щелевой части: *Наконе[ц^е] ко мне вернулся да[r:] речи* (С. Безруков). Основные функции увеличенной длительности звука – эмоциональное выделение слова и компенсация быстрого темпа.

Использование «шумовых» составляющих.

Актеры и чтецы активно используют экспрессивный полусшепот и шепот, шумный вдох, придыхание, «гортанный шум» конечного или начального заднеязычного щелевого.

Ия Саввина:

Мáту[шкэ – шепотом, медленно] / (громко:) *поплачь по сыну* //

Е. Миронов:

Духовной жаждою томим //

В пустыне мрачной я влачúл[с'эс – глухо] //

И шестикрылый серафим //

На перепутье мне явúл[с'э – глухо] //

Выводы.

1. Анализ функционирования всех перечисленных средств в двух речевых сферах (художественной и нехудожественной (бытовой)) позволяет выделить следующие фоностилистические функции сегментных единиц:

а) коннотативная функция – выражение звуковыми средствами эмоциональных коннотаций; основная речевая сфера – бытовая речь; используется весь арсенал фоностилистических средств;

б) художественно-изобразительная функция – «изображение» (стилизация) звуковыми средствами какого-либо типа речи; основная речевая сфера – сценическая речь; используются орфоэпические варианты (хронологические и варианты подсистем), стиливые и нелитературные варианты;

в) выделительно-экспрессивная функция (выделение слова в логическом или экспрессивном плане); используется во всех речевых сферах (особенно в художественном чтении); основное средство – модификация звуков.

2. Важным считаем то, что происходит специализация фонетических выразительных средств внутри художественной речи: хронологические, разговорные, нелитературные варианты активно используются в сценической речи, модификации звуков – в художественном чтении.

Библиографический список

1. Крисанова Е. В. Фонетические портреты А. Ахматовой и Б. Пастернака (консонантизм) // *Philologica*. 1998. Т. 5. № 11/13. С. 155–175.
2. Фонетика спонтанной речи / Под ред. Н.Д. Светозаровой. Л., 1988.

К.М. Веремьева

Топонимы как один из видов пространственных индикаторов в английском языке

В статье показано, что изолированная и разноуровневая фиксация в языке пространства выступает в качестве обязательной части языкового инвентаря – слов-индикаторов конкретизированного пространства. Особое внимание уделено гидротопонимам.

Ключевые слова: пространственный индикатор, топонимика, топоним, гидротопоним, единица вокабуляра, имя собственное, имя нарицательное, языковой инвентарь.

Наше восприятие пространства, осознание пространства и представление о пространстве с необходимостью включают в себя некоторые пределы. Воспринимать, осознать и мысленно представить себе бесконечную, ничем не ограниченную величину человек не может. Пространство является для него данностью, вне которой он себя не мыслит, и в своих отношениях с пространством человеку требуются как минимум две психологические опоры. Это, во-первых, субъект сознания – «Я», всегда помещающий себя в центре идеального пространства, и противостоящая субъекту граница (или границы), которая замыкает пространство вокруг него. Это изначально пространственные слова – они применимы во всех случаях, когда предмет сообщения получает пространственную интерпретацию, и употребляются при описании самых разных типов пространств.

Обыденное понимание пространства отдает приоритет топологическим свойствам. В обыденных описаниях пространства это проявляется как на макроуровне – уровне семантики текста, так и на микроуровне – уровне семантики слов и конструкций, служащих средствами кодирования пространственных свойств и отношений. На макроуровне мы наблюдаем отсутствие в описаниях пространства точных количественных характеристик размера объектов, расстояний между ними, угловых мер и т.п. На микроуровне «топологичность» обыденного понимания пространства более всего проявляется в семантике пространственных предлогов, которые идеализируют пространственные характеристики объектов и схематизируют отношения между ними, абстрагируясь как от специфической формы и величины объектов, так и от расстояния между ними.

Пространство, как одна из форм бытия материи, не может не найти своей изолированной и, главное, разноуровневой фиксации в языке. Будучи выражено как лексической, так и грамматической системой языка, пространство изначально выступает в нем в виде обязательной части языкового инвентаря – той части, которая пронизывает и организует язык на уровне речи. Это касается, в первую очередь, слов-индикаторов конкретизированного пространства (типа собственно топонимов, гидротопонимов и астротопонимов).

Как известно, существуют некоторые типичные случаи «переходов» из нарицательных имен в собственные и, наоборот, из собственных в нарицательные. Существует деление собственных имен на ономастику, т.е. совокупность личных имен, и топонимику – совокупность географических названий (физико-географических, т.е. названий гор, равнин, морей, рек, и т.д., и политико-географических, т.е. названий стран, колоний, областей, городов и прочих населенных пунктов). Языковая судьба физико-географических и политико-географических названий может быть разной.

Что касается перехода имен собственных в нарицательные, для ономастики и топонимики большой разницы нет. Сюда можно отнести такие соотношения как «место» – «изделие», «имя изобретателя» – «изделие» (например, имя *MacIntosh* «переходит» на его изделие – *макинтош*; название города *Бостон* «переходит» на название шерстяной ткани *бостон*; название места – испанского порта *Jeres* – на вино, которое там изготавливают: *херес*) [3, с. 68]. Топонимические имена собственные чаще всего переходят в нарицательные по соотношению «место» – «изделие», например, *шевиот* – *Cheviot* (горы в Шотландии) и т.д.

Если переход собственных имен в нарицательные не является обязательным, а зависит от конкретной ситуации и проявляется при необходимости, то переход нарицательных в собственные – это регулярное явление; все собственные имена (любого типа, за редкими исключениями придуманных кличек) в прошлом – нарицательные, и это играет разную роль в топонимике и ономастике.

Топонимические названия, созданные древнейшим населением данных мест, обычно сохраняются в веках; если даже на данной территории «народы сменили народы», то название рек, гор, долин обычно остаются. Для коллектива, впервые так или иначе называвшего данный объект, это было обычное нарицательное слово, но для всех последующих это название становится «кличкой», т.к. значение слова уже не понимается, но номинативная способность этого слова остается.

Топонимы, являясь частью языкового материала, имеют ряд отличительных признаков, среди которых следует отметить следующие:

1) изначально условный характер их введения в язык, когда само общество устанавливает некую договоренность для их называния, а после эти слова употребляются в речи;

2) конкретность наименования;

3) орфографическое оформление – написание с заглавной буквы;

4) грамматическое оформление топонимов, которые при назывании местности, расположенной на суше, могут допускать (*the Alps, the Black Hills, the Riviera, the Sahara, the Kara-Kum* и т.д.) или не допускать (*Capitol Hill, Death Valley, Silicon Valley* и т.д.) использования определенного или неопределенного артиклей.

Бывает, что само наименование может относиться к весьма отдаленному времени, в связи с чем для его понимания необходим специальный этимологический словарь, в ходе которого сопоставляется современная и историческая структура слова и выявляются изменения в лексическом и морфемном строении слова.

Итак, топонимы образуют огромную группу имен собственных – географические названия. В связи с таким большим количеством топонимов следует упомянуть и о том, что существуют сложности, связанные с их фиксацией на разных языках и переводом с языка на язык. На этот пласт лексики обращается особое внимание, т.к. топонимика имеет огромное прикладное значение: она важна для географов и картографов, составителей различных атласов и путеводителей. Топонимика интересует этнографов и антропологов, для которых является иногда единственным свидетелем о прежних границах расселения племен и народов. В этом же плане она привлекает и историков. Без помощи исторической и сравнительной лингвистики невозможно установить принадлежность названия к тому или иному языку, а без знания фонетики нельзя правильно передать звучание иностранного топонима на своем родном языке. Но для лингвистов такие исследования являются вспомогательными и выполняются в интересах специалистов в других областях знания. Описания топонимов – это типичные описания языковых знаков в их назывательной функции: составители топонимических списков хотя и опираются на помощь лингвистов, но основное внимание уделяют перечислению наименований и их соотносительности с обозначаемыми объектами.

С точки зрения лингвистики, топонимика разрешает две важные проблемы: 1) выяснение правильного происхождения названия (анализ его различных фонетических изменений, влияние, которое было на него оказано – здесь просто необходима помощь этнографов и истории); 2) правильное транскрибирование в современном переводе с другого языка.

В последнем случае имеют место быть противоречия между традиционным обозначением топонимов в языке и его научно обоснованной транскрипцией.

Что же касается гидротопонимов, то они обладают теми же основными признаками и функциями, что и собственно топонимы, но в отличие от собственно топонимов в английском языке им очень часто свойственно обязательное сочетание с определенным артиклем (*the Thames, the Volga, the Nile, the Amazon, the Severn, the Mississippi* и т.д.).

До сих пор не найдено полного и точного определения для местного географического термина. Так, к примеру, Н.В. Подольская считала, что основной функцией географического термина является называние разновидностей географических объектов, а местный термин она определяла как «слово диалектной аппелятивной лексики, обозначающее разновидность географической реалии» [2, с. 112].

В ряду местных географических терминов особое место занимает народная гидрографическая терминология, служащая для обозначения различных водных объектов: исток – *river-head*, лиман – *estuary*, затон – *back-water* и т.д.

Поскольку гидрографическая лексика – часть местного географического термина, то она обладает теми же основными признаками и функциями, что и терминология географическая. Однако есть и существенные различия между географической и гидрографической терминологиями. Последняя, в отличие от географической, легче оптимизируется (т.е. переходит в имена собственные) и дольше сохраняется в языке. Благодаря этому она содержит в себе большую культурно-историческую информацию. Местные географический термин проживает длительную историю, прежде чем становится именем собственным. По мнению В.А. Никонова [2, с. 113], и в пространстве, и во времени имя собственное и нарицательное далеко не совпадают.

Прежде чем стать топонимом, термин проживает целую жизнь как имя нарицательное. Лишь в определенные периоды он становится названием. Географические термины принимают активное участие в формировании топонимических систем, особенно на начальных этапах их становления.

Местные географические термины активно пользуются словообразовательными средствами: суффиксами, приставками, сложением слов, сложением основ, присоединением определений и т.п. Они, превращаясь в топонимы, видоизменяются, например, если река дает свое название населенному пункту, то часто в этом случае приобретает уменьшительную (деминутивную) форму.

Изучение гидрографической терминологии в составе общей географической терминологии важно для познания древнейших исторических судеб того или иного народа, его языка, процессов миграции и колонизации. Водные источники всегда играли значительную роль в жизни народа, являясь древнейшими путями сообщения и торговли. Если учесть, что водные объекты, как правило, хронологически устойчивы и сохраняются веками, то ценность изучения гидрографической терминологии трудно переоценить. Важно и другое: процесс номинации гидрографического объекта закреплен в языке. Историко-семантический анализ этого процесса может способствовать реконструкции древних представлений человека об окружающем мире.

Географические термины, в том числе и гидрографические, играют исключительно важную роль в формировании топонимов и гидронимов. Особого внимания заслуживает тот факт, что многие из географических терминов сохранились к настоящему времени только в топонимии. В ряде случаев термин выступает в качестве ключевого слова в названии – лишь это помогает с достаточной точностью установить этимологию и семантику географического названия.

Гидрографическую терминологию можно классифицировать следующим образом: 1) обозначение притоков реки и ее рукавов (ручей – *brook*, ключ – *source* и т.д.); 2) наименование верховьев и низовьев реки (устье – *mouth*, верховье – *river-head* и т.д.); 3) обозначение специфических видоизменений речного русла (меандр реки) (старицы – *former river-bed* и т.д.); термины, обозначающие понятие «залив» (затон – *back-water*, губа – *bay*).

Историко-семантический подход к описанию гидрографической терминологии дает возможность показать весь комплекс значений и оттенков каждого из анализируемых терминов, позволяет проследить историю возникновения и отмирания значений, установить причины и хронологию семантических изменений и показать место каждого конкретного термина в процессе формирования языка географической науки. Такой подход дает возможность также определить место терминов в современном языке географической науки и в литературном языке.

Библиографический список

1. Кошечая И.Г. О тройной сегментации времени и пространства // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2013. № 2. С. 64–67.
2. Лагутина О.В. Понятие географической и гидрографической терминологии // Русская речь. 2005. № 2. С. 112–118.
3. Реформатский А.А. Введение в языковедение / Под ред. В.А. Виноградова. М., 1999.

Е.А. Ерофеева

Парадигматические и синтагматические возможности непроцессуальных признаков фразеологических единиц

В статье рассматриваются морфологические и синтаксические возможности непроцессуальных признаков фразеологизмов с учетом их семантических параметров. Выделяются типы морфологических фразеопарадигм, составляющие единую шкалу убывания членов фразеопарадигмы. Анализируются случаи обязательного и факультативного распространения фразеологизмов указанного типа.

Ключевые слова: непроцессуальный признаковый фразеологизм, морфологическая фразеопарадигма, синтагматика.

В сфере непроцессуальной признаковой фразеологии выделяется группа фразеологизмов со значением непроцессуального признака действия (адвербиальная фразеология), иначе – непроцессуальные признаковые фразеологические единицы (НПФЕ).

В современной фразеологии существует ряд подходов к исследованию фразеологических единиц фиксированного типа с точки зрения их грамматической структуры. Лингвисты акцентируют внимание на процессе их общей депарадигматизации (Ф.Г. Гусейнов), указывают на отсутствие парадигмы у единиц, употребляющихся в функции обстоятельств и несогласованных определений (А.И. Молотков, Н.М. Шанский), отмечают неизменяемость предложно-субстантивных идиом (М.Ф. Палевская) или описывают процесс «онаречивания» субстантивных фразеологизмов, который приводит к изоляции падежной формы в условиях постоянного употребления фразеологизмов с глаголами одного и того же семантического круга (Р.В. Семенкова). Вместе с тем языковой материал позволяет говорить о существовании и активных тенденциях в развитии парадигматических форм у фразеологизмов, традиционно считающихся неизменяемыми.

В статье принимается понимание парадигмы фразеологической единицы как видоизменения несловообразовательного характера, выполняющего синтаксическую функцию средства связи фразеологизма с другими словами в предложении (А.М. Чепасова, Л.И. Ройзензон, Е.И. Диброва, Б.С. Шварцкопф и др.). К фразеоформам непроцессуальных признаков фразеологических единиц относятся морфологические формы грамматически главенствующего компонента фразеологизма: *под башимак*

(Вин.п.) – *под башмаком* (Тв.п.), *из когтей* (Род.п.) – *в когти* (Вин.п.) – *в когтях* (Пр.п.).

Морфологическая парадигматика непроцессуальных признаков фразеологизмов представлена следующими типами фразеопарадигм. Неполная фразеопарадигма – это парадигма с неполным набором фразеоформ, обладающих тождественным фразеологическим значением, но различными морфологическими значениями: *под башмак* (Вин.п.) – *под башмаком* (Тв.п.) «в полную зависимость» – «в полной зависимости», *в голову* (Вин.п.) – *в головах* (Пр.п.) «в то место или около того места, куда, ложась, кладут голову» – «в том месте или около того места, куда, ложась, кладут голову».

Фиктивная фразеопарадигма – парадигма из коррелятивных по форме фразеологизмов, которые не обладают в современном русском языке адекватным фразеологическим значением, однако генетически связаны с одним и тем же лексическим значением компонента-этимона. Члены фиктивной фразеопарадигмы являются в синхронии самостоятельными единицами: *до костей* (Род.п.) «очень сильно, насквозь, совсем (промокнуть, промерзнуть и т.п.)» – *на костях* «ценою гибели огромного количества людей, огромных жертв (строить, воздвигать, создавать и т.п. что-либо)»; *до иголки* (Род.п.) «абсолютно все, ничего не упуская, до мелочей (описывать, перечислять, припоминать и т.п.)» – *на иголки* (Вин.п.) «на мелкие расходы (давать, получать и т.п.)».

Анализ морфологической парадигматики показывает, что необходимо разграничить два различных грамматических явления: морфологическую вариантность и морфологическую парадигматику. В работе В.Л. Архангельского «Устойчивые фразы в современном русском языке» нет расчленения грамматической вариантности и формообразования ФЕ. Исследователь рассматривает формы фразеологизмов типа *грудная жаба* (*грудная жаба*, *грудной жабы*, *грудной жабе* и т.д.) как совокупность морфологических вариантов [1, с. 129]. Составители «Фразеологического словаря русского языка» также не всегда последовательны в описании вариантов и членов морфологической парадигмы. Вариантные формы *на место* (*к месту*) зафиксированы как разные единицы [7, с. 245, 246]; в то время как парадигматические формы одной и той же ФЕ *в головы* (Вин.п.) – *в головах* (Пр.п.) [Там же, с. 113, 114] зарегистрированы в разных словарных статьях. Следует также отметить, что «Словарь современного русского литературного языка» не регистрирует фразеоформы непроцессуальных признаков фразеологизмов. В словаре фиксируется только одна форма: *в бегах*, *под каблуком*, *на мертвой точке* и др. В разговорной речи и художественных текстах широко употребительны две

формы этих фразеологизмов: *под каблук* (*Попав под каблук жены, Кукуев гордо заявил: «Она без меня шагу ступить не может!»*¹), *с мертвой точки* (*Мы и не предполагали, что на следующий день одна дурацкая случайность сдвинет нас с мертвой точки*).

Последовательное разграничение членов морфологической парадигмы и морфологических вариантов ФЕ было предложено Е.И. Дибровой в монографии «Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке». Объективными грамматическими критериями различения неполной парадигмы и морфологических вариантов являются, во-первых, синтагматические связи ФЕ и, во-вторых, сохранение предлогом его категориального значения [2, с. 127].

В содержание понятия неполная парадигма НПФЕ включаются следующие дифференциальные признаки: 1) тождество фразеологической семантики фразеоформ; 2) различие морфологической (падежной и/или числовой) семантики фразеоформ; 3) различная синтагматика фразеоформ; 4) двоякая роль предлога во фразеоформах: конструктивная и синтаксическая.

Неполная фразеопарадигма включает несколько частных подпарадигм, организованных противопоставлением фразеоформ по одному или нескольким грамматическим значениям: падежная подпарадигма, числовая подпарадигма, падежно-числовая подпарадигма.

Именная падежная подпарадигма представлена двумя видами единиц, которые соответствуют двум диахроническим этапам развития фразеологической единицы. Во-первых, это парадигмы, члены которых утратили внутреннюю форму и перешли в класс сращений, и, во-вторых, парадигмы, фразеоформы которых сохранили свою внутреннюю мотивацию и входят в состав ФЕ-единств. Подпарадигмы 1-го вида характеризуются отсутствием внутренней мотивации, семантикой интенсивности, развитием у фразеоформ падежных значений, являющихся периферийными в сравнении с единицами свободного употребления. Например, *до ушей* «очень сильно (краснеть, вспыхнуть и т.п.)» – *по уши* «очень сильно (влюбиться, увлечься и т.п.)». Подпарадигмы 2-го вида обладают следующими дифференциальными признаками: наличие внутренней мотивации, сохранение грамматического значения исходного лексического этимона, выражение значения локативности/направленности. Например, НПФЕ *на дно* (Вин.п.) «в общество опустившихся людей» – *на дне* (Пр.п.) «в обществе опустившихся людей» имеет имплицитную сему «низ».

Появление новых фразеоформ во фразеопарадигмах 2-го вида связано с теми возможностями, которые заложены в присущих этим фразеологиз-

¹ Примеры разговорной речи взяты из Национального корпуса русского языка.

мам грамматических значениях. Э. Косериу отмечал: «Говорящий может не знать традиционной нормы; или в этой норме может отсутствовать необходимая ему в данном случае модель, и тогда он строит свои высказывания в соответствии с возможностями системы» [5, с. 189]. На развитие парадигматических форм анализируемых ФЕ оказывают влияние такие факторы, как падежная система русского языка в противопоставленности определенных падежных значений, семантика фразеологической единицы, синтагматика фразеологизма.

Морфологическое значение падежа определяет границы («пребывание» – «направление») фразеоформ, в то время как семантика НПФЕ наполняет грамматическую конструкцию конкретным содержанием.

Семантика НПФЕ оказывает двоякое влияние на развитие парадигматических форм: а) пространственное значение (НПФЕ в параметре *Loc*, *Dir*, *Dist*¹) фразеологизма способствует его формоизменению; б) иные семантические значения фразеологизма снижают степень его возможного формоизменения. Например, ФЕ *на огонек* (этимологически значение Вин.п. «направление») сочетается с глаголами перемещения *забрести* и т.п., но имеет значение «мимоходом», что препятствует становлению фразеопарадигмы.

Синтагматические связи фразеоформ достаточно устойчивы. Для них характерна сочетаемость с глаголами определенных лексико-семантических групп. Можно отметить следующие закономерности сочетаемости фразеоформ НПФЕ.

1. НПФЕ в Род.п., Вин.п., Дат.п. (репрезентанты семантических параметров *Dir* и *Dist*_{*Dir*}) сочетаются: а) с глаголами однонаправленного движения: *бежать на край света*, *бросить в ноги*, *вынести на свежий воздух*; б) с глаголами, входящими в лексико-семантическую группу (ЛСГ) «изменение состояния»: *уйти на покой*; в) с глаголами, входящими в ЛСГ «исчезновение/появление»: *исчезать с горизонта*; г) с глаголами ЛСГ «приобретение»: *взять на заметку*.

2. НПФЕ в Тв.п. и Пр.п. (репрезентанты семантических параметров *Loc* и *Dist*_{*Loc*}) сочетаются: а) с глаголами неоднонаправленного движения: *пробираться на цыпочках*; б) с глаголами, входящими в ЛСГ «расположение в пространстве»: *селиться у черта на куличках*; в) с глаголами, входящими в ЛСГ «появление где-л.»: *показаться под самым носом*; г) с глаголами, имеющими значение «пребывание»: *жить на покое*; д) с глаголами, входящими в ЛСГ «обладания и принадлежности»: *держаться в руках*.

¹ О семантической параметризации НПФЕ см. исследование Е. Ерофеевой [3].

Таким образом, основной объем группы глаголов, сочетающихся с фразеоформами неполной фразеопарадигмы, составляют единицы со значением «местонахождение/направление».

Можно говорить о шкале убывания членов фразеопарадигмы (полная паради́гма – неполная паради́гма – остаточная паради́гма – нулевая паради́гма), а также о случаях обратного процесса – процесса развития у ФЕ, как правило, в разговорной речи или в художественном тексте, фразеоформ, не отмеченных в «Фразеологическом словаре русского языка» [7] (нулевая паради́гма – остаточная паради́гма).

Описание НПФЕ в линейной последовательности знаков включает: 1) характеристику функционирования ФЕ в определенных синтаксических конструкциях (синтаксическая синтагматика); 2) квалификацию лексико-семантических потенциалов ФЕ, во многом определяющих те синтаксические связи, которые существуют между языковыми единицами (лексико-семантическая синтагматика).

Синтаксическая синтагматика анализируемых фразеологизмов выражается: 1) в сочетательных возможностях с глаголами-предикатами, при этом ФЕ является зависимым членом синтаксической связи; 2) в сочетательных потенциалах с существительными и прилагательными (местоименные слова, являясь субститутами существительных и прилагательных, не составляют особую форму зависимых членов ФЕ), где ФЕ выступает как главный элемент сочетания.

Для семантико-синтагматической характеристики ФЕ прежде всего важна способность иметь при себе зависимые синтаксические формы, т.е. выступать в качестве активного, доминирующего члена синтагмы. С этой точки зрения в сфере НПФЕ выделяется группа единиц (около 24%), обладающих обязательной/факультативной связью с зависимыми формами. Анализ данной группы фразеологизмов включает следующие параметры: форма и значение распространителя, под которым понимается грамматически зависимая синтаксическая форма; количественный состав распространителей; обязательность/необязательность распространителя.

В качестве распространителей НПФЕ выступают падежные и/или предложно-падежные формы существительных и прилагательных.

Распространители НПФЕ в форме существительных имеют следующие разновидности:

1) НПФЕ + (Prep)¹S{gen}: *на отшибе* (от кого; чего), *под лапой* (у кого; кого) и др.; 2) НПФЕ + (Prep)S{dat}: *под нос* (к кому; кому), *в когти*

¹ Скобки обозначают факультативность данного структурного члена синтагмы.

(к кому; кому) и др.; 3) НПФЕ + PrepS{instr}: *на уровень* (с кем), *в ладу (ладах)* (с кем) и др.

По своему лексико-грамматическому значению (преобладает значение принадлежности лицу) распространители-прилагательные образуют коррелятивные формы с распространителями-существительными: *с голоса* (кого; чьего), *из уст* (кого; чьих), *по пятам* (кого; чьим). Исключение составляют фразеологизмы, для которых обязательна синтагматика с атрибутивным элементом, имеющим значение качественности, типа *под соусом* (каким), *в свете* (каком).

Количественный состав распространителей НПФЕ выражается в пределах от одного до трех (что зарегистрировано в словарных статьях). Выделяются фразеологизмы, сочетающиеся: а) с одним распространителем: *в тягость* (кому); б) с двумя распространителями: *на руки* (кому; чьи); в) с тремя распространителями: *по пятам* (кого; за кем; чьим).

В сфере анализируемых фразеологизмов разграничиваются единицы, не употребляющиеся без распространителей, и единицы, способные существовать как с распространителями, так и без них. В первом случае можно говорить об обязательной синтаксической синтагматике НПФЕ, во втором – о факультативной синтагматике. Обязательные распространители НПФЕ выполняют функцию информативно восполняющих членов синтагмы: *на руках* (у кого; чьих) «на попечении, иждивении содержания (быть, находиться, оставаться и т.п.)». Распространители данных единиц сообщают необходимую информацию о лице/лицах, в обществе которого/которых, на попечении которого/которых происходит то или иное действие, с которым связана та или иная ситуация.

Факультативные распространители НПФЕ зависят от коммуникативной направленности высказывания, от стремления говорящего/пишущего подчеркнуть, уточнить какую-либо информацию. Так, наиболее частотными значениями факультативных распространителей являются: а) указание на совместность действий с каким-либо определенным лицом: *бок о бок* (с кем), *плечо в плечо* (с кем) и др.; б) уточнение расположенности объекта относительно чего-либо: *дверь в дверь* (с чем); *на отшибе* (от чего) и др. Например, НПФЕ + PrepS{gen}: *Тригорское лежало на отшибе. Начальство редко сюда заглядывало* (С. Довлатов).

От единиц с факультативной синтагматикой, проявляющейся регулярно, следует отличать НПФЕ с окказиональной синтагматикой, приводящей к определенным семантическим сдвигам в значении фразеологизма. Например: *Реставратор настоящий творец только тогда, когда держит себя в строгой узде допустимого и не позволяет себе «творить» красотей* (С. Лихачев).

Наличие обязательных/факультативных распространителей обусловлено не только грамматическими возможностями фразеологизма, но и особенностями его лексико-семантической структуры. Специфика лексико-семантической синтагматики устойчивых единиц проявляется в том, что только фразеологизмы определенных семантических параметров могут иметь зависимые формы. Так, не зарегистрировано употребление распространителей у НПФЕ-интесивов, потому что они наиболее абстрактны по своей семантике и в их функцию входит лишь значение усиления или ослабления процессуального признака, в то время как распространители НПФЕ указывают на внешние атрибуты протекания действия. Наиболее частотным является употребление распространителей при локативах и квалитативах, которые сочетаются с глаголами «лексически ослабленными» и которые, «не обозначая действия, выражают разного рода отношения между предметами: пространственными, партитивные, поссесивные и другие или сообщают о существовании или состоянии предмета» [4, с. 159]. Возникает семантическая цепочка: синсемантизм глагола предопределяет обязательность распространителя (непредикативного) члена, в роли которого выступает НПФЕ. Однако и семантика фразеологизма отличается коммуникативной неполнотой, т.е. оказывается недостаточной, чтобы выразить осмысленное сообщение, что, в свою очередь, приводит к обязательному распространению НПФЕ. Например, *находиться в лапах* (зависеть) требует обязательного распространителя (от кого-чего); *становиться в тягость* (тяготить) требует распространителя (кому).

Типология синтагматики НПФЕ может быть представлена в виде схемы (рис. 1).¹

Рис. 1

¹ Пунктирными линиями указывается зависимость лексико-семантической и синтаксической синтагматики НПФЕ.

Синтагма включает, таким образом, предикат + непредикативный член (НПФЕ) + распространитель непредикативного члена, синтаксическая связь между которыми является обязательной в силу синсемантической природы первых двух членов. Анализ лексико-семантических свойств предиката и непредикативного члена позволяет при дальнейшем рассмотрении создать классификацию, в которой будут учтены все возможные случаи сочетаемости НПФЕ определенных семантических параметров с распространителями.

Библиографический список

1. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов-н/Д., 1964.
2. Диброва Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов-н/Д., 1979.
3. Ерофеева Е.А. Параметризация непроцессуальных признаковых фразеологических единиц в современном русском языке: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.
4. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
5. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 143–343.
6. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М., Л., 1950–1965.
7. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1978.

А.Н. Кузнецова

Этимологический аспект лингвокультурологического анализа фразеологических единиц

Данная статья посвящена этимологическому аспекту лингвокультурологического анализа фразеологических единиц как средства выявления особенностей национальной ментальности. Объектом данного наблюдения является определение способов пополнения фразеологического фонда английского языка на основе фразеологических единиц, входящих в фразео-семантическое поле «Трудовая деятельность».

Ключевые слова: фразеологическая единица, этимология, лингвокультурологический анализ.

Этимологический подход в изучении лексики и фразеологии языка дает богатый материал для изучения лингвокультурологических особенностей того или иного языкового сообщества. Связь фразеологии и культурно-национальных традиций доказана. Однако чтобы получить объективные данные относительно национального сознания сквозь призму фразеологии, необходим этимологический анализ фразеологических единиц для подтверждения их этнической языковой принадлежности.

Объектом исследования в данной статье выступают фразеологические единицы (ФЕ) английского языка, принадлежащие фразео-семантическому полю «Трудовая деятельность» и являющиеся средствами интерпретации культурно-символических представлений, присущих обыденному менталитету носителя языка. Предметом исследования являются указанные ФЕ, рассматриваемые через призму этимологического анализа с точки зрения сохраняющегося/видоизменяющегося в них их культурно-символического смыслового опыта.

ФЕ образуются в процессе развития языка путем переосмысления свободных синтаксических сочетаний и абстрагирования их от частного, конкретного значения, и закрепляются в употреблении в обобщенно-переносном значении. Отмечено, что в языке закрепляются те идиоматические выражения, которые народ ассоциирует с определенными культурно-национальными эталонами и стереотипами, воспроизводя характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет.

За последнее время написано много работ по фразеологии в лингвокультурологическом плане. А.П. Василенко предлагает функционально-параметрическое описание семантики фразеологических единиц при изучении фразеологии языка. К данной методике относится, в том числе и детальное изучение лингвокультурологического параметра семантики фразеологизмов как «способа этнического комментария внутренней формы, потому что именно в образном основании заключено национальное видение окружающей действительности, представленная устойчивой единицей и называемая фразеологической картиной мира» [1].

Этимологический анализ как составляющая лингвокультурологического анализа представляется неотъемлемым звеном изучения фразеологического пласта в языке. Исследуя фразеологизмы, лингвисты подходят к данному явлению с учетом его двойственной природы. Содержание фразеологической единицы в момент ее порождения принадлежит истории. В тоже время данная нематериальная сторона языковой единицы

существует как четкая образно-ассоциативная структура, влияющая на синхронное функционирование фразеологизма и его трактовку в лексической системе языка.

Факты из области этимологии способствуют полному лингвистическому анализу при описании семантической структуры фразеологизма. Это делает возможным также выявить первоначальную внутреннюю форму, которая может быть скрыта в современном языке. Одним из важнейших источников фразеологизмов является профессиональная речь. Большое число оборотов, многие из которых являются терминами, употребляясь метафорически, вышли за пределы профессионального употребления.

Необходимо упомянуть о том, что лингвисты говорят о различных способах возникновения фразеологизмов в языке, указывая как на источники пополнения фразеологического фонда языка, такие как заимствования, художественная литература, цитирование из Библии, так и на способы формирования фразеологизмов в ходе исторического развития языка (перенос значения и изменения значений словосочетаний, аллитерация, использование архаизмов, метафорическое использование словосочетаний и отдельных компонентов в их составе, т.е. семантические способы). Этимологический анализ фразеологических единиц при учете данных способов становится более полным и теоретически осмысленным.

Перенос значения терминологических сочетаний представляет нам живой пример, связанный с историей средневековой Англии. Чтобы предотвратить случаи захоронения живых людей, на руку покойника стали крепить ниточку, которая выходила наружу и крепилась к колокольчику. Очнувшийся «покойник» мог привлечь внимание человека, который специально нанимался, чтобы слушать колокольчики на кладбище ночью. Так появилось выражение *the graveyard shift* (дословно – «кладбищенская смена»), а в дальнейшем это стало общим обозначением для любой работы в ночную смену с полуночи до восьми утра [5].

Следующий способ формирования фразеологических единиц, встречающийся довольно часто, – изменение значения свободных словосочетаний. Слова, ранее имевшие свободное употребление, переходят в разряд *set expressions* и, теряя свою мотивированность, приобретают иное значение. К примеру, устойчивое выражение *bring home the bacon* в современном английском языке означает «зарабатывать на жизнь». Этимологию вышеупомянутой фразеологической единицы проследим, обратившись к историческим условиям крестьянского быта средневековой Англии [Там же]. Мясо (*bacon*) являлось атрибутом обеспеченности, и, если удавалось раздобыть его, являлось предметом гордости. Бекон подвешивался на крюк на видном месте, чтобы гости могли видеть зажиточность семьи.

Метафора как языковое средство часто встречается в формировании фразеологизмов-соматизмов и фразеологизмов-зоонимов. Фразеологизм *elbow grease* обозначает усердный ручной труд: *You need to use some elbow grease*. Фразеологизм имеет шуточный смысл, заключающийся в том, что для достижения успеха в некоторых занятиях надо приложить особые усилия. Слово *grease* намекает на использование смазки для механизмов, облегчающей работу.

Фразео-семантическое поле «трудовая деятельность» содержит группу фразеологизмов-зоонимов. Одной из семантических характеристик данной группы является ее экспрессивность, где коннотативная окрашенность фразеологической единицы предстает как одна из ее функций. Все зооморфизмы являют собой результат метафорического переосмысления свойств того или иного животного в сравнении с человеческой сферой деятельности.

«Совмещение в содержании ФЕ номинативных и эмоционально-оценочных элементов позволяет носителям языка использовать ФЕ для передачи не только логического содержания мысли, но и образного представления о чем-либо, а через последнее и для выражения эмоционального выражения к предмету мысли» [3].

Например, выражение *to work like a dog* сформировано при помощи образной метафоры. Данный фразеологизм с компонентом зоонимом, можно полагать, происходит от «Turnspit Dog» – специальной породы собак, выведенной для того, чтобы крутить мельничные колеса. Эта порода упоминается в «William Bingley's Memoirs of British Quadrupeds» (1809) под именем «Turnspete» [6].

Экспрессивность данных фразеологизмов может быть представлена различными языковыми способами, включающими употребление метафоры, сравнения, аллитерацию. В.Н. Вокуров, рассматривая данные средства языковой выразительности, участвующие в формировании экспрессивности фразеологизма, выделяет «качественные, количественные и качественно-количественные экспрессивные единицы» [2].

В количественных фразеологизмах подчеркивается высокая степень проявления признака денотата: *to work like a racing dog* (очень упорно работать).

Значения качественных фразеологизмов сформированы с помощью дополнительных смысловых оттенков, исходящих из особенностей употребляемого образа. В основном данная группа состоит из компаративизмов, таких как *as busy as a bee*; *work like a horse*.

Конотативность качественно-количественных фразеологизмов складывается из сем интенсивности действия и высокой степени проявления

признака предмета или действия: *horse and foot* (всеми силами, изо всех сил), *hammer and tongs* (работать дружно).

Библия сыграла неоценимую роль в формировании фразеологии не только в английском языке. Изречения из Писания прочно вошли в язык. Одно из самых, пожалуй, известных высказываний, ставших интернациональными, – *earn one's living by the sweat of one's brow* (зарабатывать свой хлеб в поте лица) встречается и в литературе, и в разговорной речи.

Исследуя данное фразео-семантическое поле и рассматривая термин «фразеология» в широком смысле, мы также включаем в него фразеологизмы со структурой простого и сложного предложения (поговорки и пословицы). Некоторые из них построены на основе нереальных ассоциативных образов (*A cat in gloves catches no mice*), другие используют образы повседневной жизни (*Quick at meat, quick at work*). Но подавляющее большинство паремий английского языка, связанных с трудовой деятельностью, носят нравоучительный характер, что составляет 24% от всех отобранных фразеологических единиц в данной сфере. В результате анализа и классификации отобранного лексического материала (327 фразеологических единиц) с опорой на их этимологический аспект были сформированы следующие группы: 1) пословицы и поговорки нравоучительного характера (22%); 2) реальные ассоциативные образы (18%); 3) быт, традиции и окружающая действительность (17%); 4) соматизмы (15%); 5) фразеологизмы с компонентом зоонимом и фразеологизмы, связанные с жизнью животных (8%); 6) профессиональная сфера (8%); 7) библеизмы и фразеологизмы, связанные с религией (5%); 8) клише (3%); 9) нереальные ассоциативные образы (3%); 10) заимствования из античной литературы (1%) (рис. 1).

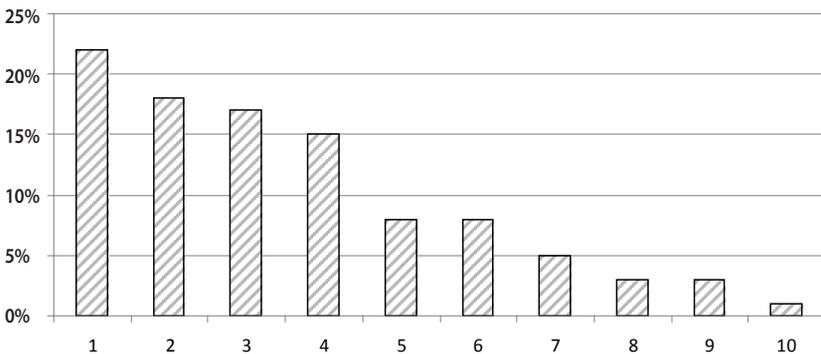

Рис. 1. Фразеологические единицы, составляющие фразео-семантическое поле «Трудовая деятельность»

Наиболее многочисленными являются группа фразеологизмов, сформированных на основе быта, традиций и окружающей действительности (17%), а также поговорки и пословицы нравоучительного характера (22%).

Изучение фразеологического пласта любого языка позволяет решить сразу две задачи. Во-первых, изучая ее как факт современного литературного языка, мы учимся мыслить образами носителя изучаемого языка. Использование фразеологизмов в речи англичанина является совершенно естественным явлением. Носитель английского языка порой употребляет лексическую единицу, не думая о том, что использует в своей речи фразеологический оборот. Считается, что идиоматический багаж культурного носителя языка составляет не менее 5000 выражений [4].

Во-вторых, изучая фразеологию как отражение национальных реалий, мы постигаем уникальность культуры народа. «Лингвокультурный комментарий фразеологизмов позволяет видеть скрытые, не самоочевидные особенности воплощения культурных сущностей во фразеологизмах» [1]. Этнокультурная ценность фразеологизма может быть раскрыта посредством выявления культурных смыслов, заложенных в семантике фразеологизма, т.е. мифов (мифологем), архетипов, ритуалов, стереотипов, поверий, обычаев, эталонов и т.п. знаков национальной культуры народа. Культурные смыслы заключены во внутренней форме фразеологизмов, являющейся образным основанием для формирования фразеологических единиц языка.

Библиографический список

1. Василенко А.П. Аспекты семантики фразеологизмов (на материале русского и французского языков): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011.
2. Вокуров В.Н., Основы стилистики фразеологических единиц. М., 1983.
3. Лескина С.В. Русские и английские фразеологизмы пейоративной семантики как отражение языковой картины мира: Монография. Челябинск, 2009.
4. Seidl J., McMordie W. English Idioms and how to Use Them. Oxford University Press, 1998.
5. Sherwood-таверна. Литературно-исторический форум. URL: <http://forum.sherwood-tavern.net/viewtopic.php?id=> (дата обращения: 15.12.2013).
6. Turnspit_Dog // Wikipedia. The free Encyklopedia. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Turnspit_Dog (дата обращения: 15.12.2013).

М.А. Кузьмина

Роль обращения в реализации функциональной смысловой зависимости

В статье обращение рассматривается как речевой элемент, участвующий в реализации функциональной смысловой зависимости внутри речевых ситуаций микротематического и текстологического плана, дается описание трансформаций форм обращения в рамках выбранных примеров. Также проводится анализ увеличения или уменьшения количественной доли признака эмоциональности, вносимого с помощью употребления обращения в пространство диалога, и его влияния на семантическую окраску конкретного акта коммуникации.

Ключевые слова: обращение, функциональная смысловая зависимость, вокативное предложение, речевая ситуация, коммуникативное пространство.

Обращение, рассматриваемое как одна из форм вокативных предложений, которые согласно теоретической концепции, предложенной И.Г. Кошевой, оформляются не по языковым, а по речевым моделям синтаксической организации [1, с. 246], соответственно, как единица речи принимает непосредственное участие в реализации функциональной смысловой зависимости внутри коммуникативного пространства. Таким образом, возникает необходимость в определении роли обращения в реализации данной зависимости, что определило цель статьи. Из поставленной цели вытекают задачи проведения подробного анализа функционирования обращения в рамках функциональной смысловой зависимости.

Под понятием *функциональная смысловая зависимость* подразумевается кодовое выражение авторской идеи, раскрываемое в компонентах речи разного уровня [5, с. 30]. Данная зависимость определяется как функциональная, поскольку находит свое проявление именно в речи, т.е. там, где имеет место акт коммуникации [4, с. 23]. Функционирование зависимости как смысловой обусловлено тем фактом, что выбор употребляемых единиц должен быть адекватным по отношению к выражаемому участку объективного мира. Наконец, она определяется как зависимость, поскольку строится на основе зависимого вычитания той единицы, которая требуется по смыслу, из всего множества оставшихся, приобретающих в этом плане отрицательный характер [3, с. 14].

В таком ракурсе особенно важен факт реализации конкретизированного типа лексики в обращении через функциональную смысловую зависимость, поскольку именно этот тип лексики представлен наибо-

лее расширенным вариативным набором лексических единиц, имеющих потенциальную возможность употребления в качестве обращения [8, с. 76]. В речи на первый план выходит выбор автором высказывания одной формы, которая становится положительной по отношению ко всем остальным возможным формам, противопоставленным ей как неназванные и отрицательные. Так, если адресант выбирает какую-либо форму обращения к адресату, то она становится положительной («+») относительно всех остальных потенциальных форм обращения, рассматриваемых как отрицательные («-»).

Необходимо отметить, что выбор лексической единицы, выступающей в речи в качестве обращения, обусловлен дополнительным влиянием экстралингвистических факторов, определяющих степень возможности выбора конкретной формы. Так, форма *old boy* не является уместной, если адресат незнаком адресанту, старше его по возрасту, выше по социальному статусу, также это обращение не может быть использовано по отношению к адресату женского пола. Кроме этих факторов на выбор формы обращения накладывается влияние речевой ситуации. Так, выше-названный вариант обращения может быть включен в неформальную дружескую беседу при отсутствии негативной направительной информации по отношению к собеседнику.

Рассмотрим следующий пример:

JACK (sententiously) That, my dear young friend, is the theory that the corrupt French Drama has been propounding for the last fifty years [11, с. 259].

В данном случае положительной становится форма *my dear young friend* – «+», остальные возможные формы для данной речевой ситуации: *my dear fellow, dear boy, my dear Algy, old boy, Algy, etc.* рассматриваются как отрицательные «-» по отношению к первой форме обращения. Все остальные формы обращения также могли бы быть уместны в данном высказывании с точки зрения факторов, определяющих выбор обращения: адресант и адресат являются близкими друзьями одного возраста, социального статуса. Форма обращения *my dear young friend* в данном случае наиболее отвечает интенции автора, поскольку содержит оттенок назидательности, цель выражения которого отражена в ремарке (*sententiously*).

Итак, действие функциональной смысловой зависимости заключается в отборе определенного смыслового компонента, который подлежит выражению и наиболее адекватно отражает явление действительности. С одной стороны, данный отбор носит функциональный характер, поскольку он предназначен для целей коммуникации, а с другой – выступает в качестве зависимости, т.к. основывается на зависимом вычитании из

множества характеристик предмета или явления тех, которые подлежат отражению [2, с. 41].

Специфический характер выбора лексем для обозначения обращения в той или иной речевой ситуации представляет собой отображение целевой установки автора, что реализует смысл действия функциональной смысловой зависимости, основная цель которой состоит в выборе из набора синонимичных моделей тех, благодаря которым на речевом уровне реализуется идентификация определенного объекта действительности.

В обращении функциональная смысловая зависимость может реализовываться на протяжении некоторой части пьесы, например, мизансцены, внутри которой раскрывается речевая ситуация микротематического плана. В таком случае мы говорим о развитии функциональной смысловой зависимости внутри коммуникативного пространства, которое располагается в горизонтальной плоскости пространства драматургического произведения.

Рассмотрим пример из пьесы Р.Б. Шеридана «Соперники» – эпизод, когда Лидию знакомят с потенциальным женихом капитаном Абсолютом, но она еще не знает, что капитан Абсолют и ее возлюбленный Беверлей – один и тот же человек. В данной речевой ситуации присутствуют непосредственные участники, миссис Малапроп и сэр Энтони Абсолют, которые обмениваются репликами в диалоге, и косвенные участники, Лидия и капитан Абсолют, которые присутствуют на сцене, но не вступают в диалог.

Миссис Малапроп и Сэр Энтони Абсолют пытаются оказать давление на Лидию и капитана Абсолюта с помощью употребления оскорбительных форм обращения с целью заставить их согласиться с решением о помолвке. Употребление таких форм обращения представляет контраст с нейтральными обращениями, соответствующими ситуации и статусу коммуникантов, которые адресуют друг другу миссис Малапроп и сэр Энтони Абсолют (рис. 1).

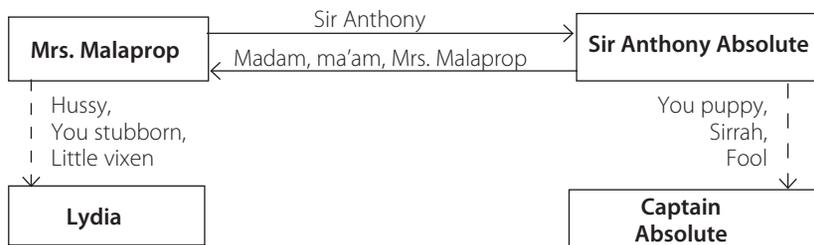

Рис. 1

Функциональная смысловая зависимость в обращении может раскрыться также на протяжении всей пьесы, внутри речевой ситуации текстологического плана. Коммуникативное пространство в таком случае расширяется по вертикальной плоскости внутри драматургического произведения.

С этой точки зрения интересен пример трансформации обращения на протяжении пьесы Гарольда Пинтера «День рождения». Мы можем проследить за переходом от официального обращения до фамильярного, что связано с изменением качества взаимоотношений между героями пьесы. В данном случае речь идет о герое по имени Стэнли Веббер, постояльце отеля, и вновь прибывшем незнакомце Голдберге.

GOLDBERG ... Eh, Mr. Webber, what do you say?...

↓

GOLDBERG You hurt me, Webber. You're playing a dirty game.

GOLDBERG ... Webber, you're a fake....

GOLDBERG Webber! Why did you change your name?

↓

GOLDBERG Stanley, a drink for your guest. Stanley. (STANLEY hands a glass to LULU.) Right. Now raise your glasses. Everyone standing up? No, not you, Stanley. You must sit down.

GOLDBERG Lift your glasses. Stanley – happy birthday.

↓

GOLDBERG How are you, Stan?

(Pause)

Are you feeling any better?

(Pause)

What's the matter with your glasses?

GOLDBERG What do you think? Eh, boy?

GOLDBERG Well, Stanny boy, what do you say, eh?

GOLDBERG Still the same old Stan. Come with us. Come on, boy.

Форма обращения становится вспомогательным средством для выражения идеи автора. В первой части имеет место нейтральная модель обращения, соответствующая правилам этикета Т (Mr.) + LN, затем обращение по фамилии, что, как известно, свидетельствует о меньшей степени официальности, а употребленное в одностороннем порядке подчеркивает некоторую фамильярность по отношению к адресату. В рассматриваемом случае многократное употребление данной модели помогает создать напряженную атмосферу действия. Употребленная далее форма обращения еще в большей степени снижает официальность, появляется обращение по имени (FN), что соответствует ситуации общения, т.к. речь идет

о вечеринке по случаю дня рождения, где обычно присутствуют хорошо знакомые люди. В завершении пьесы степень официальности в обращении исчезает, появляются формы обращения, свойственные близким друзьям, когда Стэнли уговаривают уехать, пытаются продемонстрировать искренне дружеское отношение.

Таким образом, функциональная смысловая зависимость раскрывается в обращении как в формализованной структуре, выполняющей роль сигнала о привлечении внимания собеседника и имеющей в тексте различные возможности проявления. При изъятии обращения смысл высказывания не меняется, но вносится неясность относительно его направленности. Рассмотрим следующую реплику:

LADY BRACKNELL Pardon me, you are not engaged to anyone. When you do become engaged to someone, I, or your father, should his health permit him, will inform you of the fact. An engagement should come on a young girl as a surprise, pleasant or unpleasant, as the case may be. It is hardly a matter that she could be allowed to arrange for herself... And now I have a few questions to put to you, Mr Worthing. While I am making these inquiries, you, Gwendolen, will wait for me below in the carriage [11, с. 264].

На сцене в момент произнесения данной реплики находятся: леди Брэкнелл, Гвендолен и Джек Уординг. Адресатами высказывания могут быть либо Гвендолен, либо Джек. Во втором случае можно понять, что Леди Брэкнелл просит подождать в экипаже Гвендолен, т.к. Гвендолен – дочь Леди Брэкнелл и они приехали вместе. Тогда мы можем сделать вывод, что в первом случае адресатом является Джек, поскольку пока Гвендолен будет ждать в экипаже, леди Брэкнелл задаст ему несколько вопросов. Итак, благодаря контексту мы можем предположить, к какому именно адресату относится данное высказывание, но, несмотря на это остается некоторая неясность, которую устраняет присутствие обращения. Таким образом, контекст как речевая ситуация, в которой имеет место коммуникация, лишь косвенно отображает направленность на адресата и обращение необходимо для внесения ясности. Эксперимент, при котором из данной фразы вынесены обращения, демонстрирует возможность функционирования обращения как самостоятельного структурного элемента речевой организации, поскольку при выводе обращения не меняется смысл высказывания, но изъятие обращения лишает текст его исходной психологической эмоциональной направленности на положительную, нейтральную или негативную реакцию со стороны получателя информации. Обращение выступает как формализованный расширитель конструкции, являясь показателем сужения речевого пространства в рамках конкретной речевой ситуации, не меняя структуры самого высказывания. Отсутст-

вие формы обращения в высказывании снимает акцент коммуникативной ориентации, нейтрализует направленность именно на конкретного адресата, т.е. в таком случае адресат определяется через речевую ситуацию.

Обращение передает эмоциональную направленность содержания следующего ниже диалога и оказывает влияние на его семантическую окраску. Так, нейтральные формы обращения реализуются в коммуникативном процессе, соответствующем правилам речевого этикета.

DUMBY Good evening, Lady Stutfield. I suppose this will be the last ball of the season?

LADY STUTFIELD I suppose so, Mr Dumby. It's been a delightful season, hasn't it? [11, с. 21].

При этом признак эмоциональности нейтрализован и количественно может быть выражен как единица. Употребление форм обращения подчеркивает направленность коммуникации на определенного адресата. Данная направленность может переходить в сторону положительного «+» или отрицательного «-» проявления признака эмоциональности, что соответственно приводит к убыванию или возрастанию количественной доли эмоциональной составляющей коммуникации [6, с. 86].

LORD DRALINGTON How do you do, Lady Windermere? [offering to shake hands]

LADY WINDERMERE How do you do, Lord Darlington? ...

*LORD DRALINGTON ... I should like **you** to take me very seriously, Lady Windermere, **you** more than anyone else in my life* [11, с. 6–9].

В данном примере конструкция обозначения адресата – графическое выделение автором местоимения второго лица, обозначающего слушающего (*you* – Lady Windermere – *you*), указывает на увеличение количественного компонента эмоциональности с избыточным указанием на адресата [7, с. 64]. В таком случае нейтральность формы обращения смещается в сторону положительной направленности со стремлением говорящего продолжать коммуникацию с данным адресатом и наличии его заинтересованности в положительном эффекте от общения:

Нейтральность признака → Положительность признака.

В следующем примере отмечается противоположная ситуация.

HIGGINS. ...Put out the lights, Eliza, and tell Mrs Pearce not to make coffee in the morning: I'll take tea. ...

HIGGINS. ... Anything wrong?

LIZA (breathless). Nothing wrong – with you. I've won your bet for you, havnt I? Thats enough for you. I don't matter. I suppose.

HIGGINS. You won my bet! You! Presumptuous insect. I won it. What did you throw those slippers at me for?

LIZA. *Because I wanted to smash your face. I'd like to kill you, you selfish brute* [9, с. 93].

В данном примере изначально нейтральная форма обращения переходит в отрицательно направленную с увеличением количественного компонента эмоциональности в сторону отрицательности признака:

Нейтральность признака → Отрицательность признака.

Процесс смещения признака эмоциональности может быть представлен в виде схемы (рис. 2).

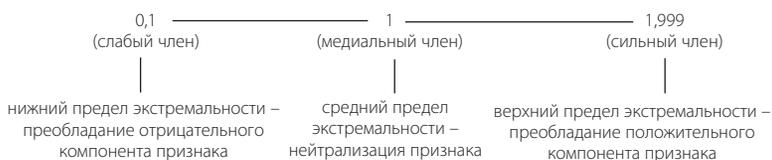

Рис. 2. Смещение количественной доли признака эмоциональности в обращении

В соответствии с поставленной целью мы можем сделать следующие выводы:

1. Функциональная смысловая зависимость раскрывается в обращении как в формализованной структуре, выполняющей роль сигнала о привлечении внимания собеседника и имеющей в тексте различные возможности проявления.

2. На уровне обращения функциональная смысловая зависимость может иметь горизонтальное расширение, например, внутри некоторой части текста, и вертикальное – на протяжении всего текста.

Таким образом, обращение выступает как элемент, участвующий в реализации функциональной смысловой зависимости, являясь формализованной структурой, основной функцией которой в речи является указание на адресата, передавая при этом имплицитные значения, выражение которых становится целью адресанта. Формы обращения приобретают в тексте неоднородные возможности проявления в различных речевых ситуациях, что оказывает влияние на семантическую окраску коммуникативного пространства диалога, отображая увеличение или уменьшение количественной доли признака эмоциональности для конкретного акта коммуникации.

Библиографический список

1. Кошечая И.Г. Стилистика современного английского языка. М., 2011.
2. Кошечая И.Г. Текстоборазующие структуры языка и речи. Изд. 2-е. М., 2012.
3. Кошечая И.Г. Уровни языкового абстрагирования. Киев, 1973.
4. Кошечая И.Г. О соотношении форм и значений внутренней и внешней речи // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2013. № 4. С. 18–24.

5. Кошечкина И.Г. Функциональная смысловая зависимость как универсальная основа построения художественного произведения // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Лингвистика». 2011. Т. 2. № 6. С. 30–33.
6. Свиридова Л.К. Перевод как обязательное выражение категории тождества // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2013. № 2. С. 80–86.
7. Свиридова Л.К. Повтор как одна из речевых форм категории тождества в драматургии // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Лингвистика». 2011. Т. 2. № 6. С. 63–66.
8. Pinter H. *The Birthday Party* // *The Birthday Party and The Room*. Two plays by Harold Pinter. NY., 1961.
9. Shaw G.B. *Pygmalion*. *Caesar and Cleopatra*. СПб., 2008.
10. Sheridan R.B. *The Rivals and the School for Scandal*. Boston and NY, 1891.
11. Wilde O. *The Importance of Being Earnest and Other Plays*. Oxford, 2008.

Ю.А. Ландер

Опыт типологии дистантной релятивизации¹

В работе рассматриваются относительные конструкции, в которых мишень релятивизации располагается в сентенциальном актанта полипредикативной конструкции, и предлагается типология подобных конструкций, основанная на изменении/сохранении морфосинтаксиса вложенной и матричной клауз и на изменении/сохранении отношений между клаузами в задействованной полипредикации.

Ключевые слова: полипредикативные конструкции, относительные конструкции, дистантная релятивизация.

Релятивизация – построение относительных конструкций – обычно представляется как операция, которая устанавливает соответствие между некоторой ролью в зависимом предложении, именуемой мишенью, и

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-04-00282 «Типология морфосинтаксических параметров») и в значительной степени основано на одной из частей диссертационной работы [3], хотя и отличается от нее в некоторых интерпретациях. Автор признателен рецензенту статьи за замечания и исправления; в то же время вся ответственность за ошибки лежит исключительно на авторе. Используемый материал частично собирался в рамках проектов, поддержанных РФФИ (проект № 11-06-00481а «Корпусное исследование морфосинтаксиса удинского языка»), РГНФ (проект № 06-04-00194а «Синтаксис полисинтетического языка») и ФФЛИ (проект № А-23 «Полевое исследование диалектов адыгских языков»).

одной из ролей в матричном (главном по отношению к зависимому) предложении [13; 27; 33]¹. Так, в примере 1 устанавливается соответствие между подлежащим относительного предложения и прямым дополнением матричного предложения:

(1) *Приведи собаку, которая меня укусила.*

В русском языке мишень релятивизации может эксплицитно выражаться относительным местоимением. В языках мира в маркировании мишени могут участвовать также резюмтивные местоимения (местоимения, у которых не специфицирована релятивная функция), показатели, специально маркирующие группу как группу мишени, особый порядок слов, причастные формы сказуемого и «пробел» (гэп) – отсутствие группы мишени там, где она ожидается. Кроме того, иногда релевантная роль в относительном предложении вычленяется без использования морфосинтаксических средств, так что релятивизация оказывается семантически ориентированной: например, в примере 2 релятивизуемая роль выводится из лексической семантики вершины. Впрочем, противопоставление семантически ориентированной релятивизации конструкциям, в которых роль выводится на основании морфосинтаксической информации, по видимому, не является четким [1].

(2) удинский язык (НАХСКО-ДАГЕСТАНСКАЯ СЕМЬЯ)²

amdar-χo	k:oj-a	qaj-bak-ala	č:at:-ast:a
человек-PL	дом-DAT	возвращаться-LV-FUT2(PTCP)	период-AD
‘во время, когда люди возвращались домой’			

¹ Такое представление отвечает прототипу релятивизации, но встречаются относительные конструкции, которые ему не удовлетворяют. Так, например, иногда в матричной или подчиненной предикациях задействуются не одна роль, а несколько [2; 3, с. 327–332, 417–426; 13, р. 66–68]. Устанавливаемое соответствие нередко описывается как кореферентность, но в отдельных случаях (например, при квантификации матричной именной группы, как в *каждый человек, который идет в зоопарк*) оно к кореферентности не сводимо.

² Унификация примеров в работе проведена лишь частично, в рамках одного языка. Соответственно, во многих случаях мы ориентируемся на трактовку данных авторами описаний и не даем собственную интерпретацию даже там, где она, на наш взгляд, выглядит естественно с учетом данных других языков. Сокращения в морфологических глоссах: A – агент; ABL – аблатив; ABS – абсолютив; ACC – аккузатив; ACT – активный залог; AD – адессив; ADV – адвербиалис; AOR – аорист; APPL – аппликатив; ART – артикль; ATT – атрибутивный показатель; AUX – вспомогательный глагол; BV – бенефактивный залог; CAUS – каузатив; CMP – комплетив; CNJ – субьюнктив; COM – комитатив; COMP – показатель клаузуального подчинения; DAT – датив; DEF – определенность; DEM – указательное местоимение; DIR – директив; DU – двойственное число; DYN – динамичность; ERG – эргатив; FUT – будущее время; FUT2 – второе будущее время; GEN – генитив; ICMP – инкомплетив; IMP – императив; IMPERS – имперсонал; INCL – инклюдив; INF – инфинитив; IO – непрямой объект; IPFV – имперфектив; IRR – ирреалис; IV – инструментальный залог; LNK – линкер; LOC – локативный преверб; LV – служебный глагол (составная часть сложного предиката); MOD – модальное будущее; MSD – масдар; NEG – отрицание; NFUT – небудущее; NMZ – номинализация; NOM – номинатив; O – объект; OBL – показатель косвенно-

Как в типологической, так и во внутриязыковой перспективах разные синтаксические позиции в разной степени подвержены релятивизации [27; 28]. Наиболее релятивизуемы ядерные актанты, в то время как глубоко вложенные позиции (например, посессор, объект сравнения и т.д.) выступают как мишени значительно реже. Тем не менее, если само относительное предложение является сложноподчиненным, мишень не обязана располагаться в наименее вложенной из его предикаций. В примере 3 релятивизуемая роль относится к инфинитивному сентенциальному актанту глагола *быть* (здесь с отрицанием в значении ‘нельзя’). В таких случаях мы будем говорить о релятивизации из вложенной предикации¹, или дистантной релятивизации (ср. английский термин *long-distance relativization*).

(3) удинский язык (НАХСКО-ДАГЕСТАНСКАЯ СЕМЬЯ)

a^hχi^l-a^hχun i-bak-es nu=bak-ala sa säs-en
далеко-ABL слышать-LV-INF NEG=быть-FUT2(PTCP) один звук-ERG
me äjit-mov-o=ne p-i
PROX слово-PL-DAT=3SG говорить-AOR

‘Голосом, который нельзя услышать издали, она сказала такие слова...’

Дистантная релятивизация связана со сложностями в построении и восприятии [20; 21]. Кроме того, вложенные клаузы не однородны в том, что касается способности их партиципантов выступать в качестве мишени: отдельные предикации, в первую очередь, фактивные сентенциальные актанты, относительные предложения, косвенные вопросы, чаще предстают как синтаксические острова (составляющие, части которых недоступны для релятивизации), чем другие. В этой работе, однако, нас будут интересовать не столько ограничения на относительные конструкции с мишенью во вложенной клаузе, сколько классификация и типология допустимых конструкций дистантной релятивизации.

Мы будем опираться на небольшое количество языков и ограничимся обсуждением исключительно релятивизации из сентенциальных актантов. Это объясняется тем, что литература не часто касается дистантной

го отношения; P – предлог; PART – партитив; PASS – пассивный залог; PFV – перфектив; PL – множественное число; POSS – посессив; PR – посессор; PRET – претерит; PROG – прогрессив; PROX – близкий демонстратив; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; PTCL – частица; PTCP – причастие / причастная функция; RE – рефактив; REAL – реалис; REL – показатель релятивизации; RFL – рефлексив; RFUT – относительное будущее время; S – субъект; SG – единственное число; TR – переходность; VENT – вентив; WH – «wh-согласование». Числа указывают на лицо. Знак «⇒» в адыгских языках маркирует границы лексических частей глагольного и именного комплексов, в прочих языках – примыкание клитик.

¹ Под вложенной предикацией далее имеется в виду клауза, вложенная в относительное предложение. Верхней предикацией, в свою очередь, ниже называется главная клауза полипредикации, образующей относительное предложение.

релятивизации, а имеющиеся описания, как правило, не затрагивают конструкции с вложенными обстоятельственными предикациями.

Параметры варьирования

Нас будут интересовать три параметра, по которым варьируют свойства относительной конструкции при релятивизации из синтаксического актанта.

Наложение на морфосинтаксис вложенной предикации ограничений, связанных с ролью мишени (полное или частичное маркирование релятивизуемой роли во вложенной предикации). О наличии таких ограничений свидетельствуют, например, особые правила, касающиеся глагольных форм, а также использование во вложенной клаузе многих средств определения мишени, перечисленных в начале статьи. Сложности в трактовке возникают в отношении конструкций с резюмированными местоимениями (ср. пример 4, в котором функцию резюмиativa выполняет объектный суффикс при глаголе ‘посылать’) и пробелами (пример 5, в котором в синтаксическом актанте не выражено подлежащее). В принципе, появление местоимений и опущение именных групп мишени может трактоваться не как признак относительной конструкции, но как результат работы дискурсивных правил, непосредственно не связанных с релятивизацией. С учетом этого далее собственно резюмированные местоимения и опущение именных групп при отсутствии других ассоциируемых с вложенной клаузой способов определения мишени не интерпретируются как наложение морфосинтаксических ограничений, хотя не исключено, что для разных языков этот вопрос должен решаться по-разному¹.

(4) ТОКАБАКИТА (АВСТРОНЕЗИЙСКАЯ СЕМЬЯ)

teqe si doo ku ala-ngani-a sa kwai
 один PART вещь 1SG.NFUT обещать-TR-3.O IRR 1SG.FUT
 fale-a kau
 послать-3SG.O VENT

‘некто, что я обещал, что пошлю тебе’ [35, p. 1099]

(5) ИНДОНЕЗИЙСКИЙ (АВСТРОНЕЗИЙСКАЯ СЕМЬЯ)

orang yang Bill harap ___ akan mem-beli baju
 человек REL Билл надеяться FUT АКТ-купить одежда
 untuk-nya
 для-3SG

‘человек, такой что Билл надеется, что он купит себе одежду’

[11, p. 69]

¹ В зависимости от языка использование резюмированных местоимений в относительных конструкциях может быть грамматикализовано в разной степени, что должно влиять и на их теоретическую интерпретацию.

Наложение на морфосинтаксис верхней предикации ограничений, связанных с ролью мишени. В ряде языков, обсуждаемых в следующем разделе, релятивизация актанта вложенной клаузы сопровождается изменениями формы верхней предикации. Ср. пример из бесленеевского диалекта кабардино-черкесского языка, где в верхней клаузе появляется специальный релятивный префикс – признак относительной конструкции¹:

(6) БЕСЛЕНЕЕВСКИЙ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКИЙ (АБХАЗО-АДЫГСКАЯ СЕМЬЯ)

fəz-wə sə-z-de-ʔarəq^wə-n-wə
 женщина-ADV 1SG.ABS-REL.IO-COM-помогать-MOD-ADV
 sə-z-x^wə.je=ze.pə.tə-r
 1SG.ABS-REL.IO-хотеть=постоянно-ABS
 ‘женщина, которой я всегда хочу помочь’

Изменение синтаксических отношений между вложенной и верхней предикациями. При дистантной релятивизации относительное предложение – по определению полипредикативная конструкция. Соответственно, вариативность может быть связана с тем, меняются ли свойства полипредикации, когда она «вставляется» в относительную конструкцию.

Существует немало языков, которые используют относительные или резюмирующие местоимения и не меняют отношения между верхней и вложенной предикациями. Таковы, в частности, дистантные конструкции с относительными местоимениями в английском и русском языках (ср. пример 7 и его перевод), а также конструкция с резюмирующими местоимениями в языке були (пример 8). Естественно, использование обычных стратегий не исключает особенностей при выражении дистантной релятивизации: так, в були во вложенной клаузе обязательны резюмирующие местоимения в подлежащей позиции, которые вне дистантной релятивизации отсутствуют.

(7) АНГЛИЙСКИЙ (ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СЕМЬЯ)

That is [the girl who Nina thinks John kissed].
 ‘Вот девушка, которую Нина думает, что Джон поцеловал’.

[39, p. 40]

(8) БУЛИ (НИГЕР-КОНГОЛЕЗСКАЯ СЕМЬЯ)

[nuɔ-wa:y ti Àtìm wē:nī àyĩn *(wa) s^wà
 мужчина-REL COMP Атим говорить что он иметь
 ná:mú lá] kpī yá
 корова:DEF PTCL умирать SMP
 ‘Умер мужчина, такой что Атим сказал, что у него есть корова’.

[25, p. 60]

¹ В целом кабардино-черкесская система релятивизации более или менее аналогична адыгейской, описываемой в статье далее.

В некоторых языках изменений в отношении верхней и вложенной предикаций не происходит и в отсутствие относительного местоимения или резумптива; ср. японский пример 9, а также удинский пример 3. Впрочем, такие конструкции, по-видимому, нередко семантически ориентированы¹, так что грамматикализованность ограничений, связанных с синтаксической структурой, здесь снижается.

(9) японский (АЛТАЙСКАЯ СЕМЬЯ)

[kare ga kai-ta koto] ga yoku shir-are-te-iru
 он NOM писать-PST NMZ NOM хорошо знать-PASS-PROG-AUX:PRS
 bun
 статья

‘статья, такая что то, что он ее написал, широко известно’ [31, p. 241]

Однако в ряде языков релятивизация партиципанта подчиненной клаузы требует особой полипредикативной конструкции. Судя по представленным в литературе данным, такая ситуация имеет место в первую очередь (но не исключительно; см. кельтский материал ниже) в отсутствие резумптивных и относительных местоимений.

Данные

Турецкий язык (тюркский, алтайская семья) [6; 18].

В турецком языке есть два основных причастия, которые возглавляют предшествующие относительные предложения: *объектное причастие* и *субъектное причастие*². Относительные предложения предшествуют вершине.

Объектное причастие – в действительности номинализация, маркированная суффиксом *-DİK*, – используется прежде всего при релятивизации участников ситуации за исключением подлежащего. Подлежащее обычно (хотя и не всегда) оформлено как посессор: оно маркируется родительным падежом и индексируется в сказуемом релятива посессивными суффиксами. Ср.:

(10) турецкий (тюркский, алтайская семья)

Receb-in getir-diğ-i haber
 Реджеп-GEN приносить-NMZ-3SG.PR новость
 ‘новость, которую принес Реджеп’

[19, p. 75]

Субъектное причастие, оформленное суффиксом *-(y)An*, появляется преимущественно при релятивизации подлежащего (пример 11), но также и когда подлежащее отсутствует (в безличных конструкциях) или

¹ См., например, обсуждение японского материала в работе Y. Matsumoto [36] и удинского в статье Ю. Ландера и М. Даниэля [1].

² Помимо этих двух причастий, в причастной функции используются и другие формы, которые, тем не менее, могут выступать и как сказуемые независимых предложений [19, p. 38ff].

«инкорпорировано» (стоит не в генитивной форме, а в немаркированной [6, p. 25–26]; пример 12):

- (11) ТУРЕЦКИЙ (ТЮРКСКИЙ, АЛТАЙСКАЯ СЕМЬЯ)
kabağ-ı yi-yen yılan
тыква-ACC есть-PTCP змея
‘змея, которая съела тыкву’ [Там же, p. 22]

- (12) ТУРЕЦКИЙ (ТЮРКСКИЙ, АЛТАЙСКАЯ СЕМЬЯ)
bacağ-ı-nı anı sok-an kız
нога-3SG.PR-ACC пчела жалить-PTCP девочка
‘девочка, чью ногу ужалили пчелы’ [Там же, p. 26]

Согласно мнению Chr. Barker, J. Hankamer, J. Moore [6], при дистантной релятивизации принципиальным фактором, влияющим на выбор причастия, оказывается роль вложенной клаузы в верхней предикации.

1. Если вложенная предикация – подлежащее или подлежащее в верхней предикации отсутствует, выбирается субъектное причастие – независимо от того, какой партиципant релятивизован во вложенной предикации; например, в примере 13 в качестве мишени выступает прямое дополнение субъектного сентенциального актанта, но появляется субъектное причастие:

- (13) ТУРЕЦКИЙ (ТЮРКСКИЙ, АЛТАЙСКАЯ СЕМЬЯ)
kasab-ın kes-tiğ-i-ni söyle-diğ-iniz-e
мясник-GEN резать-NMZ-3SG.PR-ACC говорить-NMZ-2PL.PR-DAT
inan-ıl-an et
верить-PASS-PTCP мясо
‘мясо, такое что считается, что ты сказал, что мясник его порезал’ [Там же, p. 27]

2. В прочих случаях наблюдается номинализация на *-DİK*; так, в примере 14 относительное предложение возглавляет объектное причастие, при том что релятивизации здесь подвергнуто подлежащее сентенциального актанта – объекта верхней предикации¹.

- (14) ТУРЕЦКИЙ (ТЮРКСКИЙ, АЛТАЙСКАЯ СЕМЬЯ)
kitab-ı getir-eceğ-i-ni san-dığ-ım çocuk
книга-ACC приносить-FUT-3SG.PR-ACC верить-NMZ-1SG.PR ребенок
‘ребенок, такой что я верил, что он принесет книгу’ [Там же, p. 24]

¹ В работе Chr. Barker, J. Hankamer, J. Moore утверждается, что часть носителей допускают и использование объектных причастий – наряду с субъектными – при релятивизации из субъектного сентенциального актанта [6, p. 28]. В исследовании Z. Güngördü приводятся аргументы в пользу того, что правила выбора оформления релятива все же учитывают роль мишени во вложенной предикации, но основанием для этого служат элицированные примеры на релятивизацию из вложенного относительного предложения [18]. Поскольку для других рассматриваемых здесь языков релятивизация из относительного предложения не обсуждается, мы считаем возможным проигнорировать это усложнение.

Итак, собственно структура полипредикативной конструкции при дистантной релятивизации в турецком языке не меняется, но на верхнюю предикацию накладываются некоторые ограничения, связанные с выбором причастия.

Тагальский язык (австронезийская семья) [16; 38].

Как было отмечено еще в классической статье E.L. Keenan, V. Comrie [28, p. 69–70] (см. также работу H.-C. Liao [34]), многие австронезийские языки разрешают релятивизацию крайне небольшого числа синтаксических позиций, зачастую (согласно описаниям) исключительно подлежащего. Правда, последнее ограничение не так обязательно, как это нередко представляется: иногда рассматриваемые языки допускают релятивизацию посессора подлежащего [32], а для тагальского языка сообщается о возможности релятивизации некоторых периферийных позиций – посессора, комитативного актанта и объекта сравнения [7]. Мишень в относительном предложении, как правило, отсутствует¹:

- (15) ТАГАЛЬСКИЙ (АВСТРОНЕЗИЙСКАЯ СЕМЬЯ)
 isda=ng i-b<in>igay nang=lalake sa=bata
 рыба=LNK BV-<PFV>давать GEN=мужчина DAT=ребенок
 ‘рыба, которую мужчина дал ребенку’ [30, p. 23]

Сильные ограничения на релятивизуемые позиции не ведут к уменьшению семантических возможностей релятивизации, поскольку благодаря богатой залоговой системе подлежащим могут быть группы, описывающие самых разных участников ситуации, – их роль выводится из богатой глагольной залоговой аффиксации. Итак, если релятивизируется подлежащее, залоговые показатели указывают на релятивизуемую роль. Ср. пример 16, где мишень – реципиент, который, однако, имеет статус подлежащего благодаря форме дативного залога:

- (16) ТАГАЛЬСКИЙ (АВСТРОНЕЗИЙСКАЯ СЕМЬЯ)
 ang=babae=ng b<in>igy-an nang=sundalo
 NOM=женщина=LNK <PFV>давать-DV GEN=солдат
 nang=pera
 GEN=деньги
 ‘женщина, которой солдат отдал деньги’ [16, p. 190]

При дистантной релятивизации мишень обязана быть подлежащим вложенной клаузы. Помимо этого сама эта клауза должна быть подлежащим верхней предикации (при серии вложений предикаций каждая вложенная клауза, содержащая мишень, должна быть подлежащим верхней

¹ См., однако, статью E. Aldridge, в которой описаны периферийные тагальские конструкции с вложенной вершиной [5].

предикации). Ср. пример, в котором во вложенной предикации использован дативный залог, который определяет как подлежащее реципиента – мишень, а в верхней предикации – бенефактивный залог, делающий подлежащим вложенную предикацию:

- (17) ТАГАЛЬСКИЙ (АВСТРОНЕЗИЙСКАЯ СЕМЬЯ)
 ang=kalabaw na i-p<in>angako nang=guro na
 NOM=буйвол LNK BV-<PFV>обещать GEN=учитель LNK
 bi~bigy-an nang=lalaki nang=bulaklak
 IPFV~давать-DV GEN=мужчина GEN=цветок
 ‘буйвол, которому учитель обещал, что мужчина даст цветок’
 (букв.: ‘буйвол, такой что было обещано учителем, что он будет
 одарен мужчиной цветком’) [16, p. 191]

Аналогичные факты еще раньше сообщались Э. Кинэнном [26] для малагасийского языка.

Как и в турецком, отношения между клаузами в относительном предложении здесь остаются неизменными, но морфосинтаксические ограничения накладываются уже не только на верхнюю предикацию, но и на вложенную.

Чаморро (австронезийская семья) [8–10].

В языке чаморро исходные австронезийские залоговые аффиксы в немаркированных контекстах исчезли, но остались в небольшом числе конструкций, в том числе при образовании специальных вопросов с выносом вопросительного слова и в релятивах [14], причем даже здесь они не всегда обязательны. В силу ограниченности в употреблении эти показатели неудобно описывать как залоговые. Там, где они появляются, они указывают на некую релевантную роль – в частности, ту, к которой относится вопросительное слово, или ту, которая релятивизована. Поскольку группа мишени в релятивах не выражается, в работах С. Чанг [8–10] в духе генеративной грамматики это трактуется как *wh-согласование* (*wh-agreement*), согласование со следом, оставшимся при передвижении мишени или вопросительного слова.

Например, в примере 18 в сказуемом релятива имеется инфикс *-um-*, который сообщает, что мишень релятивизации – агенс, а в примере 19 – инфикс *-in-*, который вместе с номинализацией указывает на релятивизацию дополнения. В терминах С. Чанг в первом из этих примеров наблюдается согласование со следом агенса, а во втором – со следом дополнения. При релятивизации дополнения (прямого или косвенного) «согласовательные показатели» иногда отсутствуют, но о релятивизации может свидетельствовать номинализация сказуемого.

- (18) ЧАМОРРО (АВСТРОНЕЗИЙСКАЯ СЕМЬЯ)
 um-asudda' hām yan [i palao'an ni
 REAL:SG/DU-встречаться мы с DEF женщина COMP
 f<um>a'gasi i kareta]
 МЫТЬ<WH.A> DEF машина
 'Мы встретились с женщиной, которая вымыла машину' [8, p. 64]

- (19) ЧАМОРРО (АВСТРОНЕЗИЙСКАЯ СЕМЬЯ)
 in-kannu' [i nengkanu' ni f<in>ahan-fia
 1PL.A-есть DEF еда COMP покупать:NMZ<WH.O>-3SG.PR
 si Maria gi tenda]
 ART Мария OBL магазин
 'Мы съели еду, которую Мария купила в магазине' [Там же]

При дистантной релятивизации наблюдается картина, похожая на тагальскую. «Согласовательные показатели» могут появляться во всех сказуемых полипредикации. Сказуемое клаузы, содержащей мишень, маркируется в соответствии с релятивизуемой ролью, а вышестоящие предикации – когда они содержат рассматриваемые маркеры – получают оформление, определяемое ролью вложенных клауз или предложений, содержащих мишень. Как показано в исследовании С. Чанг, появление «согласовательных» элементов в вышестоящих предикациях для релятивов коррелирует с тем, есть ли (или подразумевается ли) в конструкции семантическая вершина, референцию которой ограничивает относительное предложение [9; 10]. Если такая вершина имеется (пример 21) или подразумевается (С. Чанг полагает, что последнее имеет место в свободных релятивах, которые образуют определенные матричные именные группы; ср. пример 22), наличие специального маркирования даже менее предпочтительно, чем его отсутствие. Обязательно же оно, только если матричная группа является неопределенной и в ней отсутствует семантическая вершина (пример 20).

- (20) ЧАМОРРО (АВСТРОНЕЗИЙСКАЯ СЕМЬЯ)
 guäha [malago'-ña si Juan pära
 быть [хотеть:NMZ-3SG.PR ART Хуан FUT
 asuddä'-ta]
 встречаться:NMZ-1PL:INCL.PR
 'Есть кто-то, с кем Хуан хочет, чтобы мы встретились' [9, p. 24]

- (21) ЧАМОРРО (АВСТРОНЕЗИЙСКАЯ СЕМЬЯ)
 guäha [kariñosu ni malägu' si Juan pära
 быть приятный COMP хотеть ART Хуан FUT
 asuddä'-ta]
 встречаться:NMZ-1PL:INCL.PR

‘Есть некто приятный, с кем Хуан хочет, чтобы мы встретились’
[9, p. 23]

(22) Чаморро (австронезийская семья)

māma'atungu' si Rosa ni [malāgu gui' pāra
приветливый ART Роза OBL хотеть он(а) FUT
atungo'-ña]

быть.знакомым.NMZ-3SG.PR

‘Роза приветлива с тем (конкретным человеком), с которым она
хочет дружить’ [Там же, p. 22]

Итак, устройство дистантной релятивизации в чаморро аналогично тому, что мы наблюдали в тагальском языке, за исключением того, что морфосинтаксические ограничения в верхней предикации факультативны или, вернее, зависят от факторов, непосредственно с релятивизацией не связанных.

Палау (австронезийская семья).

Язык палау (белау) ареально близок чаморро, но генетически, по-видимому, принадлежит другой подгруппе малайско-полинезийской группы австронезийских языков. В отличие от чаморро, здесь при релятивизации используются как опущение мишени (на сказуемом релятива при релятивизации подлежащего исчезает субъектное согласование, в то время как при релятивизации дополнения объектное согласование сохраняется), так и резумптивные местоимения (при релятивизации косвенных групп, вводимых предлогом). Помимо прочего, релятивизация подлежащего противопоставлена релятивизации прочих партиципантов выражением категории реальности ситуации: сказуемые релятивов при мишени-подлежащем имеют морфологию реалиса (пример 23), при релятивизации прочих партиципантов – морфологию ирреалиса (пример 24).

(23) ПАЛАУ (АВСТРОНЕЗИЙСКАЯ СЕМЬЯ)

ak-medengel-ii [a 'ad el
1SG.S:REAL-REAL.знать-3SG.O ART человек COMP
mil'er-ar tia el buk]
REAL.покупать-3SG.O DEM LNK книга

‘Я знаю человека, который купил эту книгу’ [15, с. 88]

(24) ПАЛАУ (АВСТРОНЕЗИЙСКАЯ СЕМЬЯ)

ak-milsa [a mlai el
1SG.S:REAL-REAL.видеть ART каноэ COMP
l-dilse'ii tirk-ei el re-'ad]
3.S:IRR-выпилить-3SG.O DEM LNK PL-человек

‘Я увидел каноэ, которое сделали те люди’ [Там же]

Противопоставление реалисной и ирреалисной морфологии важно и при дистантной релятивизации. Во вложенной предикации, содержащей мишень, форма сказуемого выбирается исходя из релятивизуемой роли. В верхней клаузе маркирование сказуемого зависит от роли вложенной предикации, к которой относится мишень: если это подлежащее, выбирается реалисное оформление, а в других случаях – ирреалисное. В следующем примере сказуемое вложенной предикации имеет форму реалиса, поскольку релятивизовано его подлежащее, а сказуемое верхней предикации имеет форму ирреалиса, т.к. вложенная предикация, в которой находится мишень, не является ее подлежащим:

(25) ПАЛАУ (АВСТРОНЕЗИЙСКАЯ СЕМЬЯ)

ng-te'a [a l-ilsa a Miriam el milnguiu er
3SG-кто ART 3.S:IRR-видеть ART Мириам COMP REAL.читать P
a buk er ngii]
ART книга P он(а)

‘Кто есть такой что Мириам видела, что он читал книгу?’ [15, p. 91]

Палау интересен тем, что при наличии резумптивов он, как и тагальский и (отчасти) чаморро, демонстрирует ограничения как в верхней, так и во вложенной предикациях.

Томпсон (салишская семья) [29].

В томпсон различаются четыре относительных конструкции:

1) при релятивизации абсолютного актанта и агенса переходного глагола с пациенсом 1-го или 2-го лица используется обычная индикативная форма глагола (пример 26);

2) при релятивизации агенса переходного глагола с пациенсом 3-го лица суффикс агенса заменяется особым суффиксом *-(e)mus* (27);

3) при релятивизации прочих нелокативных партиципантов глагол номинализуется (пример 28);

4) при релятивизации места происходит особое выдвигание вперед локативных предлогов; используется особая субъюнктивная конструкция (пример 29).

(26) ТОМПСОН (САЛИШСКАЯ СЕМЬЯ)

qʷəz-t-es e szelt t ə kʷis
использовать-TR-3.ERG ART блюдо ATT ART падать

‘Он(а) использовал(а) блюдо, которое упало’ [29, p. 390]

(27) ТОМПСОН (САЛИШСКАЯ СЕМЬЯ)

swet k maʕ'-st-mus
кто ART ломать-TR-REL.ERG

‘Кто тот, кто сломал это?’ [Там же, p. 391]

турецкого, оформление это в норме зависит от роли мишени, а не от роли вложенной предикации, которая включает мишень.

Адыгейский (абхазо-адыгская семья) [2].

Абхазо-адыгские языки, к которым, в частности, относится адыгейский, известны богатой системой морфологической индексации партиципантов в сказуемом, в послелогох и в именных вершинах. Ср. следующее предложение, в котором в имени проиндексирован посессор, а в глаголе – абсолютный актант (здесь каузируемый), не прямое дополнение и эргативный актант (здесь каузатор):

- (32) АДЫГЕЙСКИЙ (АБХАЗО-АДЫГСКАЯ СЕМЬЯ)
 a-neg^wə-me s-a-č'e-ž^w-ke-ple-ž'
 3PL.PR-лицо-OBL:PL 1SG.ABS-3PL.IO-LOC-2PL.ERG-CAUS-смотреть-RE
 'Позвольте мне еще раз посмотреть на их лица'.

Эта система индексации задействуется и в относительных конструкциях. Будучи эргативными, абхазо-адыгские языки противопоставляют релятивизацию абсолютного актанта релятивизации неабсолютивных партиципантов. В адыгейском, если в качестве мишени выступает абсолютив, индексация этого актанта в сказуемом отсутствует (как отсутствует она и в обычных предикациях с абсолютивным актантом 3-го лица); ср. пример 33. Если мишенью оказывается другой индексированный партиципант, на месте индексирующего его личного префикса появляется релятивный префикс *zə-*; ср. пример 34, в котором релятивизован посессор.

- (33) АДЫГЕЙСКИЙ (АБХАЗО-АДЫГСКАЯ СЕМЬЯ)
 qə-tje-p-š'a-ke bzəlfəve-g
 DIR-LOC-2SG.ERG-вести-PST женщина-ABS
 'женщина, которую ты вывел (на танец)'

- (34) АДЫГЕЙСКИЙ (АБХАЗО-АДЫГСКАЯ СЕМЬЯ)
 jəsłamjəj-ew z-jə-g^wəx^w qe-s-šə-ke-g
 Ислами-ADV REL.PR-POSS-упоминание DIR-1SG.ERG-делать-PST-ABS
 '(танец) «Ислами», о котором я рассказывала (букв.: упоминание которого сделала)'

Эти же примеры показывают, что семантическая вершина может располагаться как после относительного предложения (пример 33), так и внутри него (с некоторыми оговорками [2; 3]). В последнем случае она оформлена так называемым адвербиальным суффиксом (пример 34).

Дистантная релятивизация в адыгейском языке обычно предполагает преобразование верхней предикации. Для многих (по-видимому, для большинства) носителей действует правило, согласно которому релятивизация партиципанта во вложенной клаузе должна сопровождать-

ся релятивизацией партиципанта в верхней предикации. В результате в относительной конструкции присутствуют по меньшей мере две мишени.

В простейшем случае в верхней предикации имеется роль, кореферентная релятивизируемому участнику в нижней предикации.

(35) АДЫГЕЙСКИЙ (АБХАЗО-АДЫГСКАЯ СЕМЬЯ)

zə-zə-wəw ^w ejə-ž'ə-n	zə-лeč'ə-re	лeрqə-г
RFL.ABS-REL.ERG-собрать-RE-MSD	REL.ERG-мочь-DYN	нация-ABS

‘нация, которая может собраться’

Иногда в верхней предикации происходит переосмысление индексирующих сентенциальный актанта показателей (если таковые имеются) как кореферентных мишени. Соответственно, если вложенная предикация соответствует абсолютному актанту в верхней предикации, следов релятивизации в последней не обнаруживается – поскольку сказуемое с релятивизацией абсолютива выглядит так же, как сказуемое с абсолютным актантом 3-го лица, а сентенциальные актанты по определению 3-го лица (пример 36). Если вложенная предикация соответствует неабсолютному актанту, на месте относящегося к ней личного префикса возникает релятивный показатель (пример 37).

(36) АДЫГЕЙСКИЙ (АБХАЗО-АДЫГСКАЯ СЕМЬЯ)

səf-ew	č'el-jə-t ^w ə	z-jə-ʔ-ew	we
человек-ADV	парень-LNK-два	REL.PR-POSS-быть-ADV	ты

qe-p-ʔ^wa-ke-г

DIR-2SG.ERG-говорить-PST-ABS

‘человек, о котором ты сказал (букв.: которого ты сказал), что у него два сына’

(37) АДЫГЕЙСКИЙ (АБХАЗО-АДЫГСКАЯ СЕМЬЯ)

nəwəžə-m	sə-zə-š'-je-ž'e-n-ew
после-OBL	1SG.ABS-REL.IO-LOC-DAT-учиться-MOD-ADV

sə-zə-fe.je=mjedjəcəne=fak^wəl'tjetə-г

1SG.ABS-REL.IO-хотеть=медицина=факультет-ABS

‘медицинский факультет, на котором (букв.: которого) я потом хотел учиться’

Наконец, если мишень уже выражена в верхней предикации, во вложенной предикации следы релятивизации могут отсутствовать, что естественно трактовать как связывание местоимения во вложенной клаузе мишенью сверху. В примере 38 мишень выражена в верхней предикации как бенефактивный непрямой объект, причем релятивный префикс на месте индекса в кореферентной роли во вложенной клаузе факультативен. В примере 39 в верхней клаузе релятивный префикс «замещает»

индекс, исходно соответствующий объекту желания – вложенной предикации.

(38) АДЫГЕЙСКИЙ (АБХАЗО-АДЫГСКАЯ СЕМЬЯ)

ǰәре-х-ew s-ja-рлә-п-ew /

место-PL-ADV 1SG.ABS-3PL.IO+DAT-смотреть-MOD-ADV

sә-z-е-рлә-п-ew

1SG.ABS-REL.IO-DAT-смотреть-MOD-ADV

zә-z-fә-z-кә-hazәгә-кә-г

RFL.ABS-REL.IO-BEN-1SG.ERG-CAUS-готовый-PST-ABS

‘места, на которые (букв.: для которых) я собирался посмотреть’

(39) АДЫГЕЙСКИЙ (АБХАЗО-АДЫГСКАЯ СЕМЬЯ)

сәf-ew njewәš' s-šә qә-Ø-fә-tje-we-n-ew /

человек-ADV завтра 1SG.PR-брат DIR-3SG.IO-BEN-LOC-бить-MOD-ADV

qә-z-fә-tje-we-n-ew sә-zә-fa.je-г

DIR-REL.IO-BEN-LOC-бить-MOD-ADV 1SG.ABS-REL.IO-хотеть-ABS

‘человек, которому (букв.: которого) я хочу, чтобы позвонил мой брат’

Итак, в адыгейском языке дистантная релятивизация выражается и в верхней, и, факультативно, во вложенной предикациях¹. В сравнении с языками, рассмотренными выше, обнаруживается, однако, что такая конструкция одновременно может переосмысливать отношения между вложенной и верхней предикациями. Действительно, когда ранее относившийся к сентенциальному актанту индекс относится к мишени релятивизации, вложенная предикация не выступает более как сентенциальный актант. Это возможно благодаря тому, что средства, используемые в адыгейском языке для маркирования сентенциальных актантов (например, «адвербиальный суффикс»), могут маркировать и сентенциальные сирконстанты.

Справедливости ради заметим, что некоторые носители адыгейского языка допускают и дистантную релятивизацию без мишени в верхней клаузе. Тогда наряду с предложением 39 признается возможным и предложение 40. Можно допустить, однако, что это позднее развитие.

(40) АДЫГЕЙСКИЙ (АБХАЗО-АДЫГСКАЯ СЕМЬЯ)

сәf-ew njewәš' s-šә qә-z-fә-tje-we-n-ew

человек-ADV завтра 1SG.PR-брат DIR-REL.IO-BEN-LOC-бить-MOD-ADV

sә-Ø-fa.je-г

1SG.ABS-3SG.IO-хотеть-ABS

‘человек, которому (букв.: которого) я хочу, чтобы позвонил мой брат’

¹ Та же система, по-видимому, представлена и в других абхазо-адыгских языках [22–24].

Марикопа (хоканская семья) [17].

Как относительные могут рассматриваться несколько конструкций языка марикопы. Нас будет интересовать лишь их подкласс, в котором сказуемое относительного предложения проявляет признаки номинализованного. Семантическая вершина в этих конструкциях вложена в относительное предложение или находится на его левой периферии, падежные показатели присоединяются к сказуемому релятива, которое замыкает конструкцию.

Противопоставлены две стратегии релятивизации. Первая использует особый релятивный префикс и маркирует релятивизацию подлежащего (субъектная релятивизация); ср. пример 41. Во второй относительный префикс отсутствует и релятивизируются неподлежащие участники¹ (несубъектная релятивизация) (пример 42).

(41) МАРИКОПА (ХОКАНСКАЯ СЕМЬЯ)
 'iipaa ii k-uu'ish-ny-sh pu-y-k
 человек да REL-говорить:NMZ-DEM-S умереть-REAL
 'Человек, который сказал «да», умер'. [17, р. 256]

(42) МАРИКОПА (ХОКАНСКАЯ СЕМЬЯ)
 kwnho mvaag m-uuchash-sh nyikor-k
 корзина мука 2-классть:NMZ-S старый-REAL
 'Корзина, в которой ты держишь муку, старая'. [Там же, р. 262]

Для дистантной релятивизации и близких к ней конструкций формулируется правило, состоящее из двух частей:

1) сказуемое верхней предикации маркируется как субъектная релятивизация, если мишень (одновременно) является его подлежащим (пример 43), и как несубъектная релятивизация во всех других случаях;

2) появление релятивного маркера во вложенной клаузе, подлежащее которой выступает как мишень, факультативно; при этом она, по-видимому, не номинализуется.

В результате допустимы как релятивизация нескольких мишеней (пример 43) наподобие того, что наблюдается в адыгейском языке, так и маркирование релятивизации исключительно в верхней предикации, даже если релятивизованный партиципant – актaнт только вложенной предикации, как в примере 44. Отношения между вложенной и верхней клаузами, судя по всему, не меняются.

(43) МАРИКОПА (ХОКАНСКАЯ СЕМЬЯ)
 'iipaa ny-k-wik-uum k-uu'ish-sh
 мужчина 1-REL-помогать-ICMP REL-говорить:NMZ-S
 'мужчина, который сказал, что собирался помочь мне' [Там же, р. 257]

¹ Точный список релятивизируемых партиципantов в работе Л. Гордона не дается [17].

- (44) МАРИКОПА (ХОКАНСКАЯ СЕМЬЯ)
 'iiraa vaa-ha i-m 'uu'ish-sh
 мужчина приходить-IRR говорить-*m*¹ 1-говорить:NMZ-S
 'Мужчина, такой что я хотел, чтоб он пришел' [17, p. 264]
Кельтские языки (индоевропейская семья) [4].

Для выражения подчинения кельтские языки используют союзы, причем при релятивизации могут различаться союзы для относительных конструкций с резумптивными местоимениями и без таковых. Появление резумптивов в целом следует известным закономерностям: чем менее релятивизуема мишень, тем вероятнее появление резумптива. Но дистантность важна не всегда: наличие резумптива может определяться позицией в предикации и не зависеть от того, является ли эта предикация вложенной.

В шотландском языке резумптивные местоимения отсутствуют. При дистантной релятивизации не только верхняя предикация, но и вложенная предикация вводятся релятивным союзом:

- (45) ШОТЛАНДСКИЙ (КЕЛЬТСКИЙ, ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СЕМЬЯ)
 an duine a thuir e a /
 DEF:SG мужчина REL говорить:PST он REL
 *gun bhuaileas e
 *что ударять:RFUT он
 'человек, которого он сказал, что ударит' [Там же, p. 9]

В ирландском языке выбор союза при дистантной релятивизации зависит от мишени. Здесь два относительных союза, которые условно обозначаются как *aL* (для конструкции без резумптива) и *aN* (для конструкции с резумптивом). Если мишень во вложенной предикации не выражается резумптивным местоимением, эта предикация вводится *aL* и так же вводится и предикация, стоящая выше (пример 46). Если мишень обозначена резумптивом, верхняя предикация вводится *aN*, но вложенная предикация оформляется как обычное сентенциальное зависимое (пример 47).

- (46) ИРЛАНДСКИЙ ЯЗЫК (КЕЛЬТСКИЙ, ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СЕМЬЯ)
 an t-ainm a hinnseadh dúinn a bhí
 DEF.SG имя *aL* рассказывать:PRET.IMPERS к:1PL *aL* быть
 ar an áit
 на DEF.SG место
 'имя, такое что нам было сказано, что оно было на месте'
 [Там же, p. 9]

¹ Показатель *-m* в языке марикопа, на первый взгляд, маркирует переключение референции подлежащего, но в действительности имеет более сложное распределение, поэтому здесь не глоссируется [17, p. 115–131].

- (47) ирландский язык (кельтский, индоевропейская семья)
 fir ar shíl Atur nae an Stáit
 человек:PL aN думать:PRET.3SG прокурор DEF.SG государство
 go raibh siad díleas
 что быть:PRET.3SG они лояльный
 ‘люди, такие что генеральный прокурор думал, что они лояльны’
 [4, p. 10]

В литературном валлийском тоже противопоставлены два относительных союза: *a*, вводящий предложение без резюмтивов, с релятивизацией подлежащего или прямого дополнения, и *u*, вводящий предложение с резюмтивными местоимениями. Во вложенной клаузе резюмтивные местоимения появляются независимо от позиции. При дистантной релятивизации используется только союз *u* – как при верхней предикации, так и при вложенной:

- (48) валлийский язык (кельтский, индоевропейская семья)
 у llyfr у dywedodd John у
 DEF.SG книга REL говорить:PRET.3SG Джон REL
 gwerthodd Mary ef
 продавать:PRET.3SG Мэри он
 ‘книга, такая что Джон сказал, что Мэри ее продала’ [Там же, p. 10]

Германские языки (индоевропейская семья).

В германских языках мишень определяется с помощью пробела на месте релятивизуемой группы и/или относительных местоимений, которые, как правило, располагаются (иногда в составе более сложной группы) перед относительным предложением¹ (пример 49). В сложных конструкциях наблюдается и использование резюмтивных местоимений (пример 50).

- (49) английский (германский; индоевропейская семья)
the man (whom) I told you (that) I had met ___ at the conference
 ‘человек, о котором (букв.: которого) я сказал тебе, что я встретил (его) на конференции’
- (50) английский (германский; индоевропейская семья)
There are always guests who I am curious about what they are going to say. (D. Cavett)
 ‘Всегда есть гости, о которых мне интересно, что они собираются сказать’.
 [37, p. 482]

Таким образом, в норме в германских языках при дистантной релятивизации ограничения наблюдаются лишь во вложенной клаузе (а при некоторых трактовках резюмтивов и пробелов не наблюдаются вовсе), а

¹ Здесь мы не рассматриваем причастные конструкции, поскольку они не используются при дистантной релятивизации.

отношение между предикациями остается неизменным. Интересно, однако, что иногда в этих языках встречаются конструкции, напоминающие «экзотические» случаи, представленные выше. Речь идет о так называемом резумптивном пролеписе, когда относительное местоимение формально относится к верхней клаузе, а во вложенной предикации обнаруживается кореферентное ему местоимение:

- (51) НИДЕРЛАНДСКИЙ (ГЕРМАНСКИЙ; ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СЕМЬЯ)
 de man van wie ik denk dat hij de
 ART человек P который я думать:PRS:1SG что он ART
 fiets gestolen heeft
 велосипед красть:PTCP AUX:PRS:3SG
 ‘человек, о котором я думаю, что он украл велосипед’ [39]

Резумптивный пролепис обычно не трактуется как дистантная релятивизация. В то же время функционально он, безусловно, сопоставим с представленными выше примерами из адыгейского языка и языка марикопы, в которых при дистантной релятивизации требуется выражение мишени в верхней клаузе. Основное отличие состоит в том, что резумптивный пролепис не стоит трактовать как особую конструкцию с ограничением в верхней предикации. Если в адыгейском языке и в языке марикопы ограничения на морфосинтаксис верхней клаузы носят структурный характер, появляясь и там, где мишень в верхней предикации трудно обосновать семантически, в германских языках резумптивный пролепис носит вспомогательный характер и задействует семантические, а не морфосинтаксические механизмы.

К типологии дистантной релятивизации

Таблица 1 отражает возможное исчисление типов конструкций с дистантной релятивизацией на основе выделенных нами трех параметров. Некоторые языки упомянуты в таблице несколько раз, поскольку в ней классифицируются не языки, а конструкции, в то время как в одном языке могут быть представлены несколько конструкций (например, в языке марикопы маркирование вложенной предикации как релятива факультативно, а значит, отношения между верхней и вложенной предикациями могут как меняться, так и не меняться). Названия языков, для которых соответствующая конструкция признается синхронно не основной, даны в скобках.

Обращает на себя внимание отсутствие в выборке языков типа D, который подразумевает изменение отношений между верхней и вложенной клаузами при появлении морфосинтаксических ограничений исключительно во вложенной предикации. В силу скромности выборки неясно, действительно ли такие конструкции не встречаются.

Таблица 1

Исчисление конструкций дистантной релятивизации

Тип	Изменение отношений между предикациями	Ограничения в верхней предикации	Ограничения во вложенной предикации	Языки
A	+	+	+	адыгейский
B	+	–	–	шотландский, ирландский, валлийский
C	+	+	–	(адыгейский)
D	+	–	+	
E	–	+	–	томпсон, марикопа, турецкий, адыгейский
F	–	–	+	германские, чаморро, (адыгейский)
G	–	+	+	тагальский, палау, (чаморро), адыгейский, марикопа
H	–	–	–	ирландский

Типология, представленная в таблице, носит исчислительный характер и может показаться более формальной, нежели содержательной. В то же время думается, что на основании ее можно предложить вполне содержательные гипотезы.

Так, мы предполагаем, что структурно связанные конструкции, т.е. конструкции, которые задействуют одни и те же средства определения мишени, в одном языке в норме образуют цепочки, в которых для каждого элемента есть элемент, отличающийся от него на значение только одного из обсуждавшихся параметров. Правда, в отношении некоторых языков это не так очевидно. Например, в адыгейском исчезновение требования релятивизации актанта в верхней клаузе (как в примере 40) может приводить и к отказу от изменения отношения между предикациями, т.е. затрагиваются одновременно два признака (у нас нет уверенности, что появление конструкций без релятивизации в верхней клаузе как-либо связано с исходным наличием конструкций с сохранением межклаузальных отношений).

Еще одна гипотеза состоит в том, что типы дистантной релятивизации иногда обусловлены другими типологическими характеристиками языка.

Так, ограничения в верхней предикации частотны у языков со слабым противопоставлением имени и глагола (салишские, адыгские, тагальский, палау) или родственных им языков (чаморро). В связи с этим можно предположить, что эти ограничения мотивированы особой синтаксической структурой, диахронически или синхронно свойственной таким языкам.

Проверка подобных гипотез требует привлечения большего материала, чем тот, что представлен здесь. С учетом этого предложенная типология представляется в большей степени как возможная точка отсчета для будущих исследований.

Библиографический список

1. Даниэль М.А., Ландер Ю.А. Неравноправие ролей в относительных конструкциях: материалы по частотности релятивизации в арчинском и удинском языках // Семантика языковых единиц разных уровней. Вып. 15. Махачкала, 2013. С. 59–78.
2. Ландер Ю.А. Множественная релятивизация: подлинная и мнимая // Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка / Под ред. Я.Г. Тестельца. М., 2009. С. 612–653.
3. Ландер Ю.А. Релятивизация в полисинтетическом языке: адыгейские относительные конструкции в типологической перспективе: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
4. Adger D., Ramchand G. Phases and interpretability // Proceedings of the 20th West Coast Conference on Formal Linguistics / Ed. by K. Megerdooian, L.A. Bar-el. Somerville, 2001. P. 101–114.
5. Aldridge E. Internally headed relative clauses in Austronesian languages // Language and Linguistics. V. 5. 2004. № 1. P. 99–129.
6. Barker Chr., Hankamer J., Moore J. *Wa* and *Ga* in Turkish // Grammatical Relations: A Cross-Theoretical Perspective / Ed. by K. Dziwirek, P. Farrell, E. Mejias-Bikandi. Stanford (Cal.), 1990. P. 21–43.
7. Ceña R.M. Tagalog counterexamples to the Accessibility Hierarchy // Studies in Philippine Linguistics. V. 3. 1979. P. 119–124.
8. Chung S. Unbounded dependencies in Chamorro grammar // Linguistic Inquiry. V. 13. 1982. № 1. P. 39–77.
9. Chung S. Wh-agreement and “referentiality” in Chamorro // Linguistic Inquiry. V. 25. 1994. № 1. P. 1–44.
10. Chung S. The Design of Agreement: Evidence from Chamorro. Chicago, 1998.
11. Cole P., Hermon G. Subject and non-subject relativization in Indonesian // Journal of East Asian Linguistics. V. 14. 2005. P. 59–88.
12. Davis H. On the syntax and semantics of negation in Salish // International Journal of American Linguistics. V. 71. 2005. № 1. P. 1–55.
13. de Vries M. The Syntax of Relativization. Utrecht, 2002.
14. Donohue M., Maclachlan A. What agreement in Chamorro? // Toronto Working Papers in Linguistics. V. 16. 1999. № 2: Proceedings of AFLA VI. P. 121–132.
15. Georgopoulos C. Syntactic Variables: Resumptive Pronouns and A^{*}Binding in Palauan. Dordrecht, 1991.

16. Gerassimova V., Sells P. Long-distance dependencies in Tagalog: The case for raising // *Proceedings of the 26th West Coast Conference on Formal Linguistics / Ed. by C.B. Chang, H.J. Haynie. Somerville, MA, 2008. P. 190–198.*
17. Gordon L. *Maricopa Morphology and Syntax. Berkeley, Los Angeles, 1986.*
18. Güngördü Z. Incremental constraint-based parsing: An efficient approach for head-final languages. Ph.D. dis. University of Edinburgh, 1997.
19. Haig G. *Relative Constructions in Turkish. Wiesbaden, 1998.*
20. Hawkins J.A. Processing complexity and filler-gap dependencies across grammars // *Language. V. 75. 1999. № 2. P. 244–285.*
21. Hawkins J.A. *Efficiency and Complexity in Grammars. Oxford, 2004.*
22. Hewitt B.G. The relative clause in Abkhaz (Abžui dialect) // *Lingua. V. 47. 1979. P. 151–188.*
23. Hewitt B.G. *Abkhaz. Amsterdam, 1979.*
24. Hewitt B.G. *The Typology of Subordination in Georgian and Abkhaz. Berlin; NY, 1987.*
25. Hiraiwa K. Relativization in Buli // *Working Papers in Endangered and Less Familiar Languages. Vol. 4: Studies in Buli Grammar. 2003. P. 45–84.*
26. Keenan E.L. Relative clause formation in Malagasy (and some related and some not so related languages) // *The Chicago which Hunt / Ed. by P.M. Peranteau, J.N. Levi, G.C. Phares. Chicago, 1972. P. 169–189.*
27. Keenan E.L. On semantically based grammar // *Linguistic Inquiry. V. 3. 1972. № 4. P. 413–461.*
28. Keenan E.L., Comrie B. Noun Phrase Accessibility and Universal Grammar // *Linguistic Inquiry. V. 8. 1977. № 1. P. 63–99.*
29. Kroeber P.D. Relativization in Thompson River Salish // *Anthropological Linguistics. V. 39. 1997. № 3. P. 376–422.*
30. Kroeger P. *Phrase Structure and Grammatical Relations in Tagalog. Stanford, CA, 1993.*
31. Kuno S. *The Structure of the Japanese Language. Cambridge, MA, 1973.*
32. Lander Yu. Remarks on relativization in western Austronesian. Paper presented at *Conférence sur les langues d'Asie du Sud-Est, Université Paris Diderot / INALCO, Paris, 17 December 2009.*
33. Lehmann Chr. *Der Relativsatz. Typologie seiner Strukturen. Theorie seiner Funktionen, Compendium seiner Grammatik. Tübingen, 1984.*
34. Liao H.-C. The Noun Phrase Accessibility Hierarchy revisited: A view from ergative languages // *University of Hawai'i Working Papers in Linguistics. V. 31. 2000. P. 121–142.*
35. Lichtenberk F. *A Grammar of Toqabaqita. 2 v. Berlin; N.Y., 2008.*
36. Matsumoto Y. *Noun-Modifying Constructions in Japanese: A Frame Semantic Approach. Amsterdam; Philadelphia, 1997.*
37. Prince E. Syntax and discourse: A look at resumptive pronouns // *Proceedings of the 16th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley, 1990. P. 482–497.*
38. Rackowski A., Richards N. Phase edge and extraction: a Tagalog case study // *Linguistic Inquiry. V. 36. 2005. № 4. P. 565–599.*
39. Schippers A. On the (un)availability of long-distance movement // *Movement and Clitics: Adult and Child Grammar / Ed. by V. Torrens, L. Escobar, A. Gavarró, J.G. Mangado. Newcastle upon Tyne, 2010. P. 39–62.*

А.Н. Себрюк

Особенности неофициальных имен собственных в афроамериканском этносе

На примере неофициальных имен собственных, употребляемых в среде афроамериканцев, рассматривается проблема соотношения языка и культуры. Автор доказывает, что афроамериканские прозвища служат отражением истории, образа жизни и мировоззрения, характерных для этого этноса, и их анализ способствует более глубокому пониманию культуры США.

Ключевые слова: антропонимические категории, культура афроамериканцев, имянаречение, неофициальные имена собственные, прозвища.

Прозвища – это важный и глубоко встроенный культурный элемент в американском обществе.

Г.Л. Менкен

Среди антропонимических категорий, выделяющих человека в социуме, существуют официальные и неофициальные имена собственные. К последним относятся прозвища, служащие дополнительным именованием человека. Прозвища являются одним из наиболее информативных и ярких видов антропонимов. Они выделяют самые характерные качества и свойства своего носителя. Из всех категорий антропонимов прозвища обладают наибольшим спектром возможностей: они свободно образуются на базе лексического состава языка и сохраняют свое многообразие в отрыве от модных тенденций и различных социокультурных веяний.

Прозвища отражают как специфические качества называемого лица, так и дают ему оценочную характеристику [4, с. 117–118]. По мнению Н.Н. Ушакова, прозвища, по большей мере, обладают негативной семантикой, нежели положительной [6, с. 148–149].

В зарубежной лингвистике под понятием «прозвище» (*nickname*) понимают неофициальное именование человека, животного или предмета, как правило, фамильярное или юмористическое. Прозвище выступает в качестве дополнительного или заместительного имени [8, с. 67].

В отличие от фамилий прозвища не передаются по наследству и не принадлежат всем членам семьи, а являются индивидуальными.

Мы придерживаемся определения, данного Н.В. Подольской, согласно которой прозвище – это дополнительное имя, которое человеку присвоили окружающие, указывая на его особые качества и черты [3, с. 116].

Д.И. Ермолович делит прозвища на ситуативные (появляются, когда неизвестно имя референта, а человека идентифицируют от остальных; так

называемые заместители имен) и внеситуативные (постоянно закрепленные за человеком) [2, с. 74].

Приведем следующие способы образования антропонимических прозвищ у афроамериканцев:

а) усечение имени или фамилии, чаще всего при этом добавляются суффиксы *-y*, *-ie*, *-ey*, *-s*, например: *Hassie* (от *Haseltine*), *Izzy* (от *Isidore*), *Jamie* (от *James*);

б) аббревиация именованья, состоящая из первых букв имени и фамилии (*JLo* – *Jennifer Lopez*).

На наш взгляд, антропонимические прозвища не обладают особой образностью, но, тем не менее, придают некоторую эмоциональную оценку. При рассмотрении прозвищ афроамериканцев можно утверждать, что в основном они выражают или пренебрежительное, или дружески-фамильярное отношение к называемому референту (*Little Momma*, *Pretty Tony*, *Dirty*, *Doc*).

Среди представителей афроамериканского сообщества популярны прозвища, сочетающие два лексических элемента: антропонимический (указывает на характерную черту человека) и нарицательный (указывает на тот или иной вторичный признак), например: *Mattie Lou*, *Annie Doll Baby*, *Alec Freebird*.

Мы классифицировали распространенные в афроамериканском сообществе прозвища на следующие 8 групп.

1. Прозвища, характеризующие физические качества человека (*Shit-legs*, *Candy Lady*).

2. Прозвища, указывающие на особенности характера (*Buttholy*, *Stinky*).

3. Прозвища, характеризующие стиль жизни человека (*Bookie*, *Bookwormie*).

4. Прозвища, основанные на изменении формы имени или фамилии (*Ade*, *Edie* от *Adam*, *Bea* от *Beatrice*, *Lottie* от *Carlotta*).

5. Прозвища, появившиеся от имен героев легенд, сказок, романов, фильмов и т.д. (*Archilles*, *Minerva*).

6. Прозвища, обусловленные профессией и родом деятельности, а также социальным положением человека (*G Money*, *Bucks*).

7. Прозвища, касающиеся национальности и расы (*White Dogshit*, *White bread*).

8. Прозвища, называющие близких знакомых, друзей, родственников (*Duder*, *Honeyqua*).

Стоит отметить, что прозвища непрерывно пополняются и не подвластны модным течениям. И.Р. Гальперин указывал на яркую выразительность прозвищ. Они подмечают те или иные качества, прикрепля-

ясь к человеку, иногда даже превалируя над собственным именем [1, с. 36].

Согласно экстралингвистическим факторам, прозвища подразделяются на два вида: внешне и внутренне мотивированные. Первые обусловлены особенностями внешности, поведения и личности человека. Вторые формируются на основе собственного имени носителя (антропонимическое прозвище) [7, с. 42].

В среде афроамериканцев прозвища обладают дополнительной смысловой нагрузкой. По традиции, сохранившейся еще со времен рабства, почти все представители афроамериканского сообщества имеют два имени: официальное и употребляемое только членами семьи и родственниками. В неволе возможность обладать «домашним» прозвищем, хранившим в себе отзвуки почти утерянных африканских традиций, являлась своего рода единственным проявлением свободы раба, символом его независимости от белых хозяев. Также прозвище служило способом сохранить свой родной африканский язык.

Но, на наш взгляд, в первую очередь традиция рабов давать ребенку прозвище служила вопросу выживания и сохранения семьи. Рабовладельцы постоянно перепродавали своих невольников. Наличие у проданного раба прозвища давало оставшимся на плантации родственникам шанс проследить его дальнейшую судьбу. Ведь новые хозяева почти всегда меняли своим новым рабам официальное имя, а по прозвищу о нем можно было узнать через своих знакомых, которым по тем или иным причинам было разрешено бывать на других плантациях.

С течением времени двойственность системы имяназвания африканских невольников стала известна рабовладельцам. И, как видно из газетных объявлений того времени о поиске сбежавших рабов, указывали не только основное имя, полученное на плантации от хозяина, но и то самое «домашнее» прозвище.

Ниже приводится фрагмент объявления о беглецах, опубликованное в газете «Richmond Times Dispatch» 16 февраля 1864 г.: «200 DOLLARS Reward – Ranaway from the subscriber about the 17th of January last, two slaves named Doctor and Raleigh, commonly called Flem. Both are black, quick, active men <...>»¹ [8]. Следующее объявление было размещено 10 марта 1775 г. в газете «Virginia Gazette»: «RUN away from the subscriber, some time in November last, a negro fellow named HENRY PERFUME, alias SHARPER, about four feet eight inches high, pitted with the

¹ «Вознаграждение 200 долларов – Сбежавшие от подписчика (приблизительно 17 января) два раба по имени Доктор и Ралей, обычно называемый Флем. Оба чернокожие, быстрые, активные мужчины. <...>».

smallpox, one of his fore teeth much decayed, and one of his little fingers is crooked. <...>¹ [9].

Можно привести примеры «домашних» прозвищ рабов, имеющие африканское происхождение: *Ndomba* – «кающийся», *Sungila* – «спасать, помогать», *Anyika* – «она красивая», *Mesu* – «глаза», *Kudiya* – «есть», *Adunbi* – «приятный».

Практика давать «домашнее» прозвище, сопровождающее человека на протяжении всей его жизни, существует среди афроамериканцев и по сей день. Со времен отмены рабства и до наших дней такие прозвища нередко становятся официальными именами некоторых афроамериканцев.

Ономастическая лексика, к которой принадлежат и прозвища, обладает национально-культурной насыщенностью, отражая вопрос соотношения языка и культуры.

На наш взгляд, распространенные в афроамериканском сообществе неофициальные имена собственные отражают и передают образ жизни и менталитет, характерный для данного этноса, помогая понять культуру США в целом.

Библиографический список

1. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка: Учебник. М., 1981.
2. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. М., 2001.
3. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.
4. Никулина З.П. Из наблюдений над группой прозвищ по внешнему признаку // Имя нарицательное и собственное. М., 1978. С. 173–179.
5. Себрюк А.Н. Отражение этнической самоидентификации в антропометрии: особенности имянаращения афроамериканцев // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2013. № 2. С. 87–93.
6. Ушаков Н.Н. Прозвища и личные неофициальные имена (к вопросу о границах прозвища) // Имя нарицательное и собственное. М., 1978. С. 146–173.
7. Цепкова А. В. Национально-культурная специфика прозвищ: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2011.
8. Ads for runaway slaves / Richmond dispatch. URL: <http://www2.vcdh.virginia.edu/fellows/runaway.html> (дата обращения: 18.04.2014).
9. Runaway slave advertisements 1745–1775: Selection. URL: <http://nationalhumanitiescenter.org/pds/maai/enslavement/text8/virginiarunawayads.pdf> (дата обращения: 18.04.2014).

¹ «Сбежавший от подписчика в ноябре негр Генри Перфьюм, по прозвищу Шарпер, ростом около 4 футов 8 дюймов, покрытый рубцами от оспы, один из его передних зубов сильно разрушен и один из его мизинцев искривлен. <...>».

К.Я. Сигал

Об одной инновации XX в. в сфере русских сочинительных союзов

В статье представлено обоснование употребления русской омолексемы «плюс» в функции сочинительного союза. Кроме того, здесь обнаружены факторы и условия, не позволяющие считать это слово прототипическим сочинительным союзом.

Ключевые слова: сочинительный союз, прототипические свойства слова, семантика служебных слов.

В современной общей теории грамматики считается, что «фактически все грамматические явления могут быть охарактеризованы с помощью указания на их “лучший образец” и описания возможных отклонений от него. Они явно имеют прототипический характер» [3, с. 105].

На наш взгляд, убедительной иллюстрацией этого общетеоретического положения может служить процесс пополнения так называемых «закрытых» лексических классов и подклассов, отражающий в динамике языка постепенную, как бы «пошаговую» реализацию внутрисистемной ориентации того или иного лексического элемента на эталон данного класса или подкласса единиц и на совокупность его прототипических свойств.

По наблюдениям специалистов по русской грамматике, подкласс сочинительных союзов «малочислен... и почти не пополняется» [2, с. 360]. Действительно, система средств выражения сочинительных отношений в русском языке развивается не столько за счет появления новых сочинительных союзов, сколько благодаря расширению синтагматического взаимодействия имеющихся сочинительных союзов с синтаксически дифференцирующими единицами (частицами, вводно-модальными словами, наречиями), с металексемами и друг с другом, а также благодаря упорядочиванию и относительной стабилизации парадигматических связей сочинительных союзов.

Весьма стабильную и при этом четко структурированную микросистему образуют соединительные союзы, выражающие *базовый* тип сочинительных отношений (ср. в связи с этим высказанную Е.Н. Ширяевым [8, с. 51] идею об *И*-функции, общей для всех сочинительных союзов).

Примечательно, что в XX в. именно микросистема соединительных союзов пополнилась новым лексическим элементом – словом *плюс*, союзная функция которого сосуществует с другими функциями этого

омокомплекса (слово *плюс* может быть также именем существительным (ср.: *плюсы подобного подхода*), предикативом (ср.: *Мы в плюсе*; *Ему не в плюс*) и т.д.).

Чтобы продемонстрировать использование слова *плюс* в функции сочинительного союза, приведем несколько предложений-высказываний, взятых из текстов разных типов: из художественной прозы, из научных сочинений, из разговорно-литературной диалогической речи. Например: *Надежда точно вычислила характер нового врача Ивана Королькова. Характер состоял из двух компонентов: совестливость плюс инерционность* (В. Токарева); *Дуня умела делать все, что полагается собаке, плюс петь и говорить* (В. Токарева); *Предложение же плюс цель сообщения является тем, что принято называть высказыванием* (В. Звегинцев); *Несколько позже к критерию интуиции добавляются и возможности теории объяснить усвоение языка... плюс простота теории и семантическая описательная адекватность* (В. Демьянков); *...нередко я зарабатывал больше, чем стал получать, придя в Театр Маяковского, потому что на четвертом курсе я работал в трех местах плюс получал повышенную стипендию* (Из интервью с актером А. Лобозким; ТВ-парк, 2001, № 17).

Как отмечал в своей книге «Язык революционной эпохи» А.М. Селищев, союзная функция слова *плюс* является изначально приобретением речевого узуса революционеров – выходцев из интеллигентской среды [6, с. 87]. «Сочетание двух имен посредством слова *плюс* – сочетание, которое любил употреблять В.И. Ленин» [Там же, с. 89]. Ср. в речи В.И. Ленина: *А что такое это давление пролетариата плюс крестьянства на верхи общества?*; *Мелкая буржуазия плюс частнохозяйственный капитализм борются вместе, за одно*; *Коммунизм – это советская власть плюс электрификация* (примеры А.М. Селищева).

Характерно, что в газетной речи 1920-х гг., как явствует из материалов А.М. Селищева, слово *плюс* использовалось и как повторяющийся сочинительный союз, хотя соединялись с его помощью только имена существительные: *Присутствуют члены ЦК, плюс представители ленинградского комитета, плюс представители военной организации* (Известия, 1924, № 270).

Наблюдения над речью наших современников показывают, что слово *плюс* в союзном употреблении не проявляет активной тенденции к повторяемости. Однако, допуская редупликацию, союз *плюс* так же, как и почти сто лет назад, функционирует почти всегда на линии сочинительной связи субстантивных словоформ. Приведем типичный пример из современной речи: *Модный беллетрист отнюдь не стремился к жизненной*

правде, он ставил совсем иные цели, вычислив с помощью телевизора и компьютера запросы широкой публики, измученной прогрессом: уютный издалека позапрошлый век, плюс детективный сюжет, плюс загадочные персонажи... (Монахиня Н. Плач третьей птицы. СПб., 2008).

Интересен также пример из разговорной речи, приведенный А.М. Селищевым с учетом конситуации: *Изябшая женщина хочет войти в вагон трамвая с передней площадки. «Нельзя, – говорит некто в кожаной куртке. – Сюда вход разрешается бесплатным, больным плюс с детьми».*

А.М. Селищев комментирует приведенные им примеры следующим образом: «...*плюс* имеет значение союза *и*; никакого эмоционально-экспрессивного оттенка он теперь уже не подчеркивает. А это подчеркивание было свойственно ему раньше, в речи Ленина и других деятелей» [6, с. 89–90].

Многоаспектный анализ процесса грамматической адаптации математического (арифметического) термина *плюс* в русском общенародном языке предложил В.В. Виноградов [1, с. 472–474].

Отмечая бесспорный факт субстантивации этой единицы, ученый обращает внимание на то, что *«плюс* не делается союзом, хотя и в смутном виде, сохраняет оттенки и своеобразия своего математического значения. В силу этого *плюс* не может сделаться синонимом союза *и*» [Там же, с. 472].

В.В. Виноградов приводит в защиту своей точки зрения следующие аргументы: во-первых, в отличие от сочинительного союза *и* слово *плюс* не способно соединять противоположные сущности; во-вторых, в соединении через *плюс* (в отличие от соединения через сочинительный союз *и*) «нарушается самостоятельность одной и другой единицы» [Там же, с. 473].

Приведенные наблюдения весьма проницательны и, главное, эмпирически достоверны. Согласимся, однако, и с тем, что использование приема субституции по отношению к любому «классическому» соединительному союзу (*и... и, да (=и)* и пр.) дает, как правило, похожие результаты, т.е. обнаруживает невозможность или – чаще – нежелательность их замены на союз *и* в тождественных условиях контекста и тем самым позволяет констатировать их квазисинонимичность союзу *и*, хотя этот факт вовсе не побуждает лингвистов отказываться от рассмотрения приведенных лексических элементов в качестве сочинительных союзов.

Существенно и то, что в синонимические отношения отвлеченно-абстрактного сочинительного союза *и*, обладающего наибольшей семантической емкостью, вступают, скорее всего, лишь определенные его семантические вариации. Вследствие этого ни один из других соединительных союзов не способен стать полноценным функциональным экви-

валентом союза *и*, чему препятствуют их дополнительные смысловые оттенки ('полная исчерпанность незначительного множества элементов' – *да* (= *и*), 'много' – *и... и* и т.д.) и/или их стилистическая маркированность.

Попутно заметим, что все сказанное опровергает мнение о том, что будто бы сочинительные союзы не имеют значения. В своей книге «*Semantik der koordinativen Verknüpfung*» немецкий лингвист Эвальд Ланг с очевидной иронией заметил: «*Ob die Konjunktionen eine Bedeutung haben oder nicht, scheint dem Problem zu gleichen: Ob Homer gelebt hat, ist nicht sicher, aber sicher ist, daß er blind war*» [9, с. 62].

По-видимому, обоснование союзной функции лексического элемента, в том числе и слова *плюс*, должно осуществляться посредством применения иных формально-грамматических процедур.

По традиции, будем исходить из того, что основным грамматическим признаком одиночных (нерасчлененных) сочинительных союзов, конституирующим набор их прототипических свойств, является *интерпозитивность* [5, с. 35]: положение сочинительного союза между сочиненными компонентами не меняется при трансформации обратимости, в формально-структурном плане (!) применимой к данным компонентам. Ср.: *совестливость плюс инерционность, инерционность плюс совестливость*, т.е. слово *плюс* обладает здесь основным грамматическим признаком сочинительного союза.

Кроме того, при сочинении со словом *плюс* последнее, подобно любому прототипическому сочинительному союзу, по словам английского лингвиста Питера Меттьюза, «*represents the amalgamation of a marking and a determining function*» [10, р. 67], т.е. одновременно выполняет как функцию маркера, так и функцию детерминатора. Действительно, союзная функция слова *плюс* заключается в том, что, с одной стороны, оно показывает одинаковую синтаксическую отнесенность двух компонентов к третьему (функция маркера), а с другой – определяет конкретный семантический тип сочинительных отношений между ними – соединительный, точнее же – присоединительный, подчеркнуто-добавочный (функция детерминатора).

Полагаем, что единственным грамматическим фактом, свидетельствующим о неполной (и/или незавершенной) конъюнкционализации слова *плюс*, оказывается его влияние на рассогласование падежной формы постсоюзного субстантива, нехарактерное для прототипических сочинительных союзов (в частности, для союза *и*).

Ср. взятое из научного – лингвистического – текста весьма показательное предложение-высказывание с псевдосинтагматической вставочной

конструкцией, где постсоюзный субстантив стоит не в ожидаемой форме дательного падежа, а в форме именительного падежа: *Итак, в 1960-е гг. лингвистическая теория зачастую приравнивалась к теории грамматики (плюс – на правах ссылочного, чисто служебного материала – структура словаря)* (В. Демьянков); однако: **...приравнивалась к теории грамматики (И... структура словаря)*.

Постановка включаемого в сочинительную конструкцию союзом *плюс* субстантивного компонента в форме именительного падежа наблюдается и вне его вставочной изоляции за счет пунктуационных средств. Ср. характерный пример, взятый из научного – литературоведческого – текста: *К ее (современной литературе Запада. – К.С.) творческим влияниям Солженицын весьма иммунен; может быть, в связи с искусственными «занавесами» плюс тюрьма и ссылка, а вернее – в силу органической почвенности своей музыки* (Л. Ржевский).

Вполне вероятно, что в этом предложении-высказывании и в подобных случаях вообще на фразово-просодическом уровне была бы представлена интонация парентезы.

Производный предлог *в связи с* участвует в управлении творительным падежом, поэтому сочетание **в связи с... тюрьма и ссылка* отражает деграмматикализацию предложно-падежных форм в контексте их присоединения словом *плюс* в союзной функции.

Ср. также предложение-высказывание, встретившееся в опубликованных дневниковых записях А.А. Реформатского: *Сейчас болею морфологией, но, конечно, на базе фонологии плюс свои регалии: парадигма, регулярность, всякие «тантум» и прочее*. Именительный падеж постсоюзного субстантива, к тому же «укрепляемый» поясняющей конструкцией однородных членов предложения в форме именительного падежа, невозможен здесь без союза *плюс*. Ср.: **...на базе фонологии и свои регалии*.

Получается, что для союза *плюс* падежная аналогия сочиненных компонентов оказывается отнюдь не обязательной и что именно союз *плюс* «провоцирует» разнопадежность соединяемых с его помощью компонентов. Показателен, однако, тот факт, что разнопадежность носит здесь вполне моделируемый характер: сдвиг падежной аналогии осуществляется только у субстантивного компонента, вводимого союзом, и только в сторону именительного падежа.

Тем не менее, подобные примеры, отражающие экспансию аналитических тенденций языка науки в общенародный язык и встречающиеся, как правило, в научных текстах и шире – в текстах, написанных учеными, единичны, и они никак не опровергают того, что слово *плюс* способно выполнять функцию сочинительного союза. Просто данный лексический

элемент, имеющий отчетливо явленную в речевом материале внутрисистемную ориентацию на эталон сочинительных союзов, не обрел еще полного набора их прототипических свойств.

Безусловно, слову *плюс* по многим внутрисистемным причинам – и прежде всего из-за многообразия путей его грамматической адаптации в русском общенародном языке – суждено оставаться межчастеречным элементом (т.е. функциональным омонимом), не выявляющим в полной мере прототипических свойств отдельных его транспозитивных эталонов (однако это не касается, например, грамматического эталона класса субстантивов).

Так, в функции сочинительного союза данное слово способно соединять далеко не всякие компоненты, хотя ограничения здесь носят прежде всего лексико-грамматический, а также семантико-синтагматический и фразеомодельный характер. Ср., например: **спокойно плюс просто; *никто плюс никогда; *плакал плюс рыдал; *без кола плюс двора; *дешево плюс сердито; *приятно плюс неприятно*; но: *спокойно и просто; никто и никогда; плакал и рыдал; без кола и двора; дешево и сердито; (и) приятно_(с) и неприятно*.

Вместе с тем интересно отметить тот факт, что в целом ряде языков на выбор конкретного сочинительного союза одного и того же семантического типа оказывает влияние не что иное, как лексико-грамматическая характеристика сочиненных компонентов.

В частности, по наблюдениям В.М. Солнцева, если русский соединительный союз *и* «безразличен к связываемым частям речи», то его китайские семантические аналоги объединяют в сочинительные сочетания слова только определенных частей речи: *хэ²* – существительные, *бин⁴* – глаголы, парный союз *ю⁴... ю⁴* — прилагательные [7, с. 315].

Выступая в функции сочинительного союза, слово *плюс* соотносится с другими элементами микросистемы соединительных союзов и приобретает следующие функционально-парадигматические особенности:

а) структурные: так, например, невозможно его употребление перед первым сочиненным компонентом при редукации, подобно сочинительному союзу *да* (= *и*) и в отличие от сочинительного союза *и* (ср.: **добавить плюс сахар, плюс соль; *добавить да сахар, да соль*; но: *добавить и сахар, и соль*);

б) семантические: слово *плюс* в функции сочинительного союза семантически сближается с соединительным союзом *да* (= *и*), маркирующим исчерпанность закрытого множества (перечисления), и с соединительным союзом *а также*, вводящим последний сочиненный компонент и маркирующим его добавочный характер;

в) стилистические: межстилевой (а не исключительно разговорный; см. стилевую помету в «Словаре русского языка» МС.И. Ожегова [4, с. 524] и других толковых словарях русского языка) характер слова *плюс* в функции сочинительного союза (хотя, например, в текстах официально-делового стиля использование союза *плюс* пока не было отмечено).

По своему происхождению слово *плюс* в союзной функции восходит к наименованию знака арифметического действия «сложение», вследствие чего союзная функция слова *плюс* сначала возникла в таких контекстах, где закрытая сочинительная конструкция по своей семантике была явным образом связана с операцией счета. Ср., например, такой контекст из письма М. Шолохова от 30 сентября 1964 года: *Кстати, состав экспедиции: Мася, а при ней я в качестве мужа, Пиня, Нюра, Федька Пономарев, Васька Козин, Ленька Жаров, Аким Сидоров, плюс Петр Петрович. Итого 9 ртов и 9 пар добычливых рук.*

Здесь весьма показательна, кроме того, постановка запятой перед одиноким непротивительным союзом *плюс*, включающим в сочинительный ряд его последний компонент. Подобное пунктуационное решение М. Шолохова, скорее всего, было вызвано тем, что писатель обратил внимание на присоединительный оттенок в семантике союза *плюс*.

Дальнейшее закрепление союзной функции за словом *плюс*, вероятнее всего, будет сопровождаться потерей им строгой приуроченности к подобному рода счетным контекстам и, наоборот, преобразованием идеи сложения в сему дополнительности, добавочности. Насколько этот семантический прогноз окажется верным, покажет лишь время.

Представляется, однако, что счетный «ореол» нового соединительно-го союза может стать препятствием для абстрагирования его значения, а тенденция к употреблению союза *плюс* (в том числе и в составе союзных комплексов типа *да плюс* или *плюс к тому*) на границе самостоятельных предложений преимущественно в устно-разговорной речи, объясняемая сигнификацией в этом союзном знаке добавочности пропозиции, будет способствовать его узуализации как средства выражения присоединительных отношений.

Вместе с тем нельзя забывать о том, что присоединительность нередко становится вторичным семантическим оттенком почти у любого сочинительного союза, и это, по-видимому, делает необходимой постановку вопроса об иерархическом устройстве семантики сочинительных союзов, в том числе обусловленной контекстом связи (структурным статусом связываемых компонентов, акцентным выделением и паузацией, степенью семантической «конфликтности» вводимой сочинительным союзом части с предсоюзной частью и т.д.). Но даже до всякого обсуждения этого

вопроса очевидно, что союзная функция слова *плюс* во многом спровоцирована поиском говорящими (вспомним указание А.М. Селищева о том, что первоначально ими были революционеры – выходцы из интеллигентской среды) новых, нетривиальных средств выражения экспрессивного, подчеркнутого присоединения и что сема присоединительности сохраняет здесь свое сигнификативное «лидерство» до сих пор.

Уже в наше время можно наблюдать неспособность союза *плюс* к маркированию отношений обусловленности в форме соединительных сочинительных конструкций. Ср.: *Он заболел и умер* и **Он заболел плюс умер*. Интересно, что в этой своей особенности союз *плюс* противостоит типичным соединительным союзам *и* или *да* (= *и*) и, наоборот, сближается с присоединительным по своей семантической доминанте союзом *а также*: *Он заболел да умер* и **Он заболел, а также умер*.

Обращение к вопросу о новом сочинительном союзе объясняется прежде всего лексикографическими потребностями: несмотря на то, что употребление слова *плюс* в союзной функции не является какой-либо экзотикой, оно практически не отражается словарями, в том числе аспектными. Показательно, например, отсутствие такой статьи в «Словаре структурных слов русского языка» под ред. В.В. Морковкина (1997), являющемся наиболее полным специальным словарем служебных слов (к сожалению, это упущение не исправляется при переиздании названного лексикографического источника).

В «идеальном» лексикографическом описании союза *плюс* необходимо обстоятельно раскрыть не только его семантическое и стилистическое, но и структурное своеобразие. Однако совершенно очевидно, что именно этот аспект оказывается наименее разработанным.

Так, в частности, пока не выяснено, насколько активна редупликация союза *плюс* и формирует ли она автономную союзную единицу (т.е. *плюс... плюс* – вариант союза *плюс* или особый союз?), в какой мере для сочинительного союза *плюс* характерно оформление связи между разными по своему синтаксическому «формату» компонентами (словоформами, предикативными конструкциями и т.д.), какие производные союзные конфигурации способен создавать союз *плюс* с другими союзами и с несоюзными элементами, насколько активна тенденция к падежному «расподоблению» последнего субстантивного компонента, присоединяемого союзом *плюс*, и связана ли она напрямую с парентезным сдвигом этого компонента, пусть даже не отображенным за счет специального пунктуационного маркера.

В «идеальной» словарной статье также было бы уместно четко дифференцировать несобственно структурные ограничения на употребление

слова *плюс* в союзной функции, но эта проблема, к сожалению, не решена пока в теоретическом плане.

По-видимому, только восполнив все эти пробелы в научной оценке своеобразия сочинительного союза *плюс*, лингвисты смогут максимально приблизить лексикографический образ данного союза к тому представлению о нем, которое имплицитно содержится в языковой способности рядового носителя языка, иногда по недоразумению называемого «наивным».

Кроме того, воссоздание полной картины структурного «вызревания» союза *плюс* может дать новый импульс обсуждению таких общеграмматических понятий, как «союзная функция», «шкала союзности», «лексические ресурсы конъюнкционализации», применительно к союзам, обслуживающим сочинительную связь.

Как это нередко случается в науке вообще и в лингвистике в частности, периферийное для той или иной категории явление (а статус периферийного явления неизбежен в течение какого-то времени для любой инновации!) оказывается эмпирическим условием, позволяющим раскрыть функциональную и структурную специфику этой категории, с одной стороны, и понять ее генезис и синхроническую динамику – с другой.

Библиографический список

1. Виноградов В.В. История слов. М., 1999.
2. Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. П.А. Леканта. М., 1991.
3. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 23-е изд. М., 1990.
5. Прияткина А.Ф. Осложненное простое предложение. Владивосток, 1983.
6. Селищев А.М. Труды по русскому языку. Т. I. Язык и общество. М., 2003.
7. Солнцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков (в связи с общими особенностями человеческого языка). М., 1995.
8. Ширяев Е.Н. Дифференциация сочинительных и подчинительных союзов на синтаксической основе // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. № 2. 1980. С. 49–54.
9. Lang E. Semantik der koordinativen Verknüpfung. Berlin, 1977.
10. Matthews P.H. Syntax. Cambridge, 1981.

J.E. Lavine

Anti-Burzio Predicates: From Russian and Ukrainian to Icelandic¹

This paper extends previous work on Transitive Impersonals in Russian and Ukrainian to two constructions with similar properties in Icelandic: the Fate Accusative and New Passive. It is argued that the appearance of accusative in the absence of a nominative-marked NP or Agent occurs on a particular configuration of v-type heads, namely when the transitivity feature (Cause) appears structurally distinct from the head responsible for projecting the external argument (Voice). The Cause head, an accusative “probe”, is thereby potentially active in the absence of an Agent, so long as the predicate is causative.

Key words: Event Structure, Fate Accusative, New Passive, Transitive Impersonal, v-type heads, voice, cause, Natural Force, split-vP, Accusative survival.

1. Introduction

This paper explores the appearance of structural accusative case in predicates lacking a higher nominative-marked argument. In previous work, I have referred to such structures as instantiating “Accusative First” syntax [19; 22], in order to draw an explicit contrast with the widely assumed rule of “Nominative First” syntax, which states that accusative is assigned only after nominative is already discharged; i.e., the appearance of accusative is *dependent* on the prior assignment of nominative [6, p. 80–81; 27; 31, p. 102–105; 33; 40]. Nominative-First syntax formalizes the correlation known as “Burzio’s Generalization,” given in (1):

- (1) BURZIO’S GENERALIZATION [9, p. 178; 10, p. 139]
A verb (with an object) Case-marks its object if and only if it theta-marks its subject.

Burzio’s Generalization states a correlation between a predicate’s external thematic property (Agent) and its internal case-assigning property (Accusative) – two properties, as has been widely observed, that have no principled connection. So while Burzio’s Generalization accounts for a wide range of facts, such as NP-Movement in the case of passives and monadic

¹ I thank the organizers of the Typology of Morphosyntactic Parameters 2012 for inviting me to present my work at their Moscow conference. This paper is much improved as a result of the many productive discussions I had with the conference organizers and participants. I gratefully acknowledge Jóhannes Gísli Jónsson, Halldór Sigurðsson, and Jim Wood for assistance with the Icelandic data. Some of the ideas presented here were developed in collaborative work with Leonard Babby and Robert Freidin.

unaccusatives, we might also imagine a structure in which the projection (or non-projection) of an Agent argument would have no bearing on the accusative case-assigning potential of a predicate. Consider, for example, the “Fate Accusative” in Icelandic, given in (2), which violates Burzio’s Generalization:

(2) ICELANDIC FATE ACCUSATIVE

a. *Bátinn rak á land.*
 boat.the-ACC drove to land
 ‘The boat drifted ashore.’ [34]

b. *Strompinn blés af húsinu.*
 chimney.the-ACC blew off house.the
 ‘The chimney blew off the house.’ [41, p. 145]

I will argue that the Fate Accusative is a type of Transitive Impersonal: a predicate in which accusative is assigned to the object in the absence of an Agent subject. I will show that accusative in the Icelandic Fate construction is not quirky – it is not a special property of the verbs in (2a–b) (contra [35; 41]; nor is accusative in (2a–b) the product of a special “Fate-*v*” occurring only in Icelandic (contra [28; 34; 35]). Rather, we will see that accusative appears in this construction as a predictable consequence of the arrangement of more general *v*-type heads in the language.

In Section 2 I provide an introduction to the “constructionist” approach to verbal meaning, which lays out the framework I adopt for event structure and argument structure. Subsequent sections focus on my analysis of the following “anti-Burzio” predicates: (i) the Icelandic Fate Accusative (3); (ii) the Russian Transitive Impersonal (4); (iii) the Ukrainian Transitive Impersonal (5); and (iv) the Icelandic “New Passive” (6):

(3) ICELANDIC: FATE ACCUSATIVE (repeated from (2a))

Bátinn rak á land.
 boat.the-ACC drove to land
 ‘The boat drifted ashore.’ [34]

(4) RUSSIAN: TRANSITIVE IMPERSONAL

Плот унесло волной. [5]

(5) UKRAINIAN: TRANSITIVE IMPERSONAL¹

Хату було спалено блискавкою.
 house-ACC was burned.down-PASS lightning-INS
 ‘The house was burned down by a strike of lightning.’

¹ The Ukrainian Transitive Impersonal is passive *in form only*. There is no external argument (Agent) at any stage of the derivation, so passivization, as an operation that acts on an Agent argument, “dethematizing it,” cannot be said to have taken place. The Ukrainian construction, on my account, is a dyadic unaccusative (a two-place predicate, both arguments of which are internal to the VP). The verb-form is glossed as passive (pass) for etymological reasons only. Ukrainian also has a genuine impersonal passive, discussed below in Section 5.

(6) ICELANDIC: NEW PASSIVE

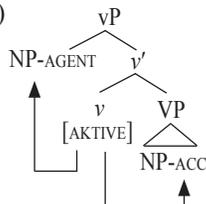
Það var skoðað bilinn af bifvélavirkjanum.

EXPL was inspected-PASS car.the-ACC by car.mechanic.the

‘The car was inspected by the mechanic.’ [16, p. 294]

The examples in (3–6) share the property of Accusative First syntax. Accusative occurs in each in the absence of a higher nominative argument. The goal in what follows is to provide a unified account for precisely how “independent accusative” occurs under a particular theory concerning the arrangement of *v*-type heads. An elaborated (“split-”) *v*P will be proposed in contrast to the earlier minimalist model of Chomsky 1995 (ch. 4), given in (7):

(7)

The representation of *v* in (7) was designed to provide a phrase-structural account of Burzio’s Generalization: *v* is endowed with the dual properties of projecting an external argument and assigning accusative case, precisely the two properties that Burzio’s Generalization sought to

unify as a single phenomenon. The elaborated *v*P to be advanced shortly is designed to unbundle these properties, such that the appearance of accusative case and the projection of an external argument are formally dissociated in the syntax. I show that a split-*v*P admits the anti-Burzio predicates in (3–6), while preserving the effects of Burzio’s Generalization elsewhere, where *Nominative* First syntax occurs.

2. V-Roots and *v*-Heads

The “constructionist” approach to verbal meaning states that different event structures are built via the interaction of lexical roots and functional heads. Let us take the argument-projecting property (the projection of an Agent) to be a function of the “*v*-VOICE” variety of *v* [18, c. 11] and the transitivity property (accusative) to correlate with causation, expressed as “*v*-CAUSE”, another variety of *v* [14; 19; 20; 21; 30; 36]. Consider, for example, the different event structures that can be constructed above the single lexical entry for the root verb $\sqrt{\text{BREAK}}$ in (8a–b).

(8) ENGLISH: \pm VOICE/CAUSE

a. *The vase broke.*

–VOICE, –CAUSE (non-agentive; anticausative)

b. *The child broke the vase.*

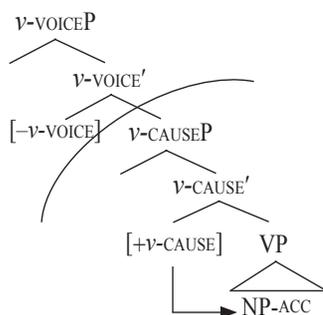
+VOICE, +CAUSE (agentive; causative)

On a constructionist analysis, the syntactic mapping of a verb’s arguments is determined by the functional structure in which verbal roots are inserted,

rather than by a verb's lexical semantics alone. For example, the lexical entry for root $\sqrt{\text{BREAK}}$ is neither inchoative nor causative; it asserts only a breaking event, which is true of some affected object. It follows that verbal predicates may differ with respect to their accusative case-assigning potential depending on differences in v , rather than as idiosyncratic properties of root V .

The crucial point in terms of variation between languages is that the properties of VOICE and CAUSE can appear either bundled on a single v -type head (as in (7)) or be distributed across two heads. Note that in this latter case the transitivity property can be operational regardless of the setting for VOICE [2; 7; 8; 15; 30]. That is, in the event that VOICE is not argument-projecting ($-$ VOICE), accusative appears, so long as the event is caused ($+$ CAUSE), as schematized in the split- v P in (9):

(9) SPLIT- v P

In contrast to English (8a–b), Russian allows the combination of v -heads illustrated above: [$-$ VOICE, $+$ CAUSE]. This gives *non-volitional* causation, as in (10), in which a rolling ball, rather than an Agent, sets the event in motion:¹

(10) RUSSIAN: TRANSITIVE IMPERSONAL
[$-$ VOICE, $+$ CAUSE]

Вазу разбило мячом.

The possible combinations of v -heads are given in (11).

(11) [\pm VOICE/CAUSE]:

- a. $+$ VOICE, $+$ CAUSE (agentive, transitive predicate)
- b. $-$ VOICE, $-$ CAUSE (non-agentive anticausative)
- c. $-$ VOICE, $+$ CAUSE (Transitive Impersonal; non-volitional causation)
- d. $*+$ VOICE, $-$ CAUSE

Our focus is the case of (11c), in which accusative appears in the absence of an Agent. This is the configuration, which, by hypothesis, gives the Russian and Ukrainian Transitive Impersonals (and which is crucially absent in English and other languages without a split- v P). The Icelandic Fate construction and New Passive will be treated as structurally parallel, with respect to v -heads, with Russian and Ukrainian. Note finally that (11d) does not occur: if v -voice projects a sentient, volitional Agent, then, by implication, the event set in motion by the Agent is caused.

¹ Compare the ungrammatical English sentence in (i) (on the expletive interpretation for it) with grammatical (10) in Russian:

(i) **It smashed the vase by the wind.*

To review, the case of separate settings for VOICE and CAUSE, as in Russian (10), indicates the need to tease apart the VOICE and CAUSE properties of *v* in (7) (similar to the distinct Predication and Transitivity heads in Bowers [7]). In (10), *v*-CAUSE is identified as active by the presence of instrumental *мячом*. Indeed, the impersonal construction, in the absence of active VOICE, forces the reading of *ball* as setting the event in motion *out of human control*.

3. The Icelandic Fate Accusative

An immediate empirical problem posed by the Icelandic Fate Accusative is that accusative appears to occur in apparent *one*-place predicates [34–36], superficially resembling basic unaccusatives (and anticausatives), with no causer argument. It is not clear, then, what sets the event in motion (i.e., how *v*-CAUSE, the source of accusative, enters the structure). That one-place predicates do not form Transitive Impersonals is illustrated by the Russian data in (12): accusative does not occur with the monadic unaccusative *сгореть* ‘burn down’ in (12a), in contrast to its two-place counterpart *сжечь* in (12b), in which the causer argument *lightning* sets the event in motion, thereby activating *v*-CAUSE and its accusative reflex (*дачу*).

(12) RUSSIAN: TRANSITIVE IMPERSONAL

a. **Дачу сгорело*. b. *Дачу сожгло молнией*.

Returning to the Icelandic construction, the licit Fate Accusative in (13) superficially resembles ungrammatical (12a) in occurring without an overtly expressed causer:

(13) ICELANDIC: FATE ACCUSATIVE

Bátinn *fylli*.

boat.the-ACC filled

‘The boat swamped.’

However, note crucially that the reading in (13) is not anticausative, as shown in (14), in which accusative on the sole argument is ungrammatical with dedicated anticausative morphology (*-st*):

(14) ICELANDIC: FATE ACCUSATIVE

Báturinn (**bátinn*) *fylli-st*.

boat.the-NOM *ACC filled-ANTICAUS

‘The boat filled up.’

[35, p. 203]

The Fate Accusative in (13) also fails ‘by itself’ modification, otherwise acceptable in anticausatives:

(15) ICELANDIC: FATE ACCUSATIVE

Bátinn *rak að landi* (**af sjálfu sér*).

boat.the-ACC drove at land by itself

[Intended: ‘The boat drifted to land (on its own)’]

[39, p. 121]

As in Icelandic (15), the Transitive Impersonal in Russian is likewise incompatible with ‘by itself/on its own’ modification, as indicated in (16), thereby demonstrating that the predicate is two-place and necessarily caused, even if the non-Theme causer argument is left unexpressed, which is most typically the case for the Icelandic expression:

(16) RUSSIAN: TRANSITIVE IMPERSONAL

*Дачу сожгло (*саму по себе).*

Indeed the Russian Transitive Impersonal occurs as well without the overt expression of its causer, which, regardless, is interpreted as present in the argument structure, but sometimes left unexpressed for the simple reason that it is unknown to the speaker, as in the examples in (17):¹

(17) RUSSIAN: TRANSITIVE IMPERSONAL

a. *Летчик ... сбросил тысячу галлонов топлива, и [самолет сразу потянуло вверх].* [3, p. 29]

b. *Давило грудь, сжимало виски.* [4, p. 24]

c. *Почему Европу замело, а Россию заморозило?*

Ottósson notes [28, p. 148] for the Fate construction that “these verbs are marked for accusative subject only when the agent side argument is natural force”. We can then conclude, preliminarily, that the Fate construction is a kind of Transitive Impersonal, in which the non-Theme argument is necessarily interpreted as a Natural Force causer, thereby activating the accusative probe *v*-CAUSE.² It follows that anti-Burzio predicates are necessarily dyadic and causative.

¹ Indeed, in some Transitive Impersonals, such as in Polish, exemplified in (i), no expression of the causer whatsoever is licit, though, on the present account, there is no valency reduction – (i) is crucially interpreted as caused, rather than as anticausative:

(i) POLISH: TRANSITIVE IMPERSONAL

*Wyrzuciło łódkę na brzeg (*przez fale / *od fali).*
threw-N.SG boat-ACC onto shore by/through waves-ACC from waves-GEN

‘The boat got thrown onto the shore.’ [17]

[I thank B. Cetnarowska, B. Citko, K. Dziwirek, p.c., for additional judgments]

On the theory that (i) involves no valency reduction (the non-Theme causer is precisely what activates *v*-CAUSE), it remains unclear what prevents its syntactic realization, a problem I leave for future research. The problem is compounded by the fact that “verbs of pain and physical discomfort” in Polish also participate in the Transitive Impersonal, but with the normal expression of the oblique causer, as in (ii):

(ii) POLISH: TRANSITIVE IMPERSONAL

Zemdliło mnie z nerwów.
nauseated-N.SG me-ACC from nerves-GEN

‘I felt sick from nervousness’

[B. Cetnarowska, p.c.]

² Each functional head in the syntax is a predicate of sorts, identified with a particular argument (cf. [8]. Think of *v*-cause as an unsaturated predicated until an argument enters the structure that is capable of independently setting the event in motion. Secondary Instrumentals, discussed in [2], that require human manipulation, like ‘fork’, would thus fail to “saturate” [= license] the

I will argue in the next section that Transitive Impersonals are not formed via a valency reduction operation, but rather via a systematic alternation in the predicate's argument structure. Transitive Impersonals instantiate the very underspecification in argument structure that is countenanced and predicted by constructionist syntax. That is, while the "affected" argument is fixed as the Theme, the predicate's second argument, on a split-*v*P, is freely merged high, as an Agent (in Spec, *v*-VOICE and realized as nominative), or low, as a non-volitional causer (and realized by an oblique case, if the causer is known and relevant to the discourse, while activating *v*-CAUSE).

4. Toward an Analysis

As suggested above, the Russian Transitive Impersonal and Icelandic Fate Accusative are both formed from verbs that otherwise appear as transitive two-place predicates:

(18) ICELANDIC

a. AGENTIVE TRANSITIVE

Bóndinn rak hestana í burtu.
farmer.the-NOM drove horses.the-ACC away
'The farmer drove the horses away.'

b. FATE ACCUSATIVE

Bátinn rak á land.
boat.the-ACC drove to land
'The boat drifted ashore.'

(19) RUSSIAN

AGENTIVE TRANSITIVE

a. *Безработный австриец отрезал себе ногу.*

[Аргументы и факты; 2012, March 27]

TRANSITIVE IMPERSONAL

b. *Ему отрезало ногу.* (not by a human agent)

The examples in (18–19) show variable behavior with respect to the source of causation. The idea is that the structure in (9) accommodates both volitional and non-volitional causation in the form of two distinct *v*-heads. The causer argument can either merge "high," as the Agent argument of *v*-VOICE, or low, as a VP-internal non-volitional causer. *v*-CAUSE enters the structure and licenses accusative, so long as the event is caused.

Babby & Lavine [5] observe that this systematic, variable realization of the causer argument must target verbs that are potentially, *but not obligatorily*,

cause head. Only causative obliques, expressed overtly or merely understood, saturate the *v*-cause predicate, licensing its presence in the structure and giving rise to its morphosyntactic reflex of licensing (probing) accusative (cf. also the licensing of Borer's 2005 Aspect head).

agentive. In ungrammatical (20) the verb *ампутировать* ‘amputate’ is necessarily agentive – it has no non-volitional usage, in contrast to *otrezat* ‘sever’ in (19):

(20) **Ему ампутировали ногу.*

[Intended: ‘He got his leg amputated off.’]

It appears plausible, then, to treat the Fate Accusative in Icelandic as a *two-place* predicate, of the appropriate, potentially-agentive type, whose non-Theme argument is variably merged low as a causer, and thereby interpreted as a Natural Force, rather than Agent. The unspoken Natural Force argument sets the event in motion (and activates the accusative probe in *v-CAUSE*), now explaining the otherwise mysterious appearance of accusative without further stipulation.

In point of fact, it appears that the Natural Force argument can be stated explicitly, so long as it is not introduced by agentive *af* ‘by’ (H. Sigurðsson, p.c.):

(21) ICELANDIC: FATE ACCUSATIVE

Bátinn rak á land vegna mikils vinds / í vindinum.
boat.the-ACC drove at land because.of heavy winds in
wind

‘The boat drifted to land due to the heavy winds.’

That the accusative is not quirky (lexically stipulated) in the Fate construction, as suggested initially by Zaenen & Maling [41], is demonstrated by the fact that it does not survive passivization, as quirky case does elsewhere in Icelandic:

(22) ICELANDIC

a. FATE ACCUSATIVE

Strompinn blés af húsinu.
chimney.the-ACC blew off house.the
‘The chimney blew off the house.’

b. PASSIVE

Strompurinn var blásinn af húsinu.
chimney.the-NOM was blown off house.the
‘The chimney was blown off the house.’

[41, p. 145]

Additional evidence that the Fate Accusative is necessarily sensitive to non-volitional causation comes from Experiencer predicates. Experiencer predicates are causative only when they occur with a *subject* Causer argument [29, p. 55–60]. Otherwise, the non-Experiencer argument is interpreted as a Stimulus or Target of Emotion [29], rather than a Causer. As a result, we predict that accusative should not be possible in the Icelandic Fate construction or the

Russian and Ukrainian Transitive Impersonal, when formed from Experience verbs, since, as impersonals, they lack a Causer subject (Spec, v -VOICEP is not filled; and v -CAUSE is not identified). Compare the licit appearance of accusative in (23a), which is causative, with the ungrammatical occurrence of accusative in the Experiencer predicate in (23b):

(23) ICELANDIC

a. FATE ACCUSATIVE

Fiskimennina rak á land vegna mikils vinds.
fishermen.the-ACC drove to land because.of heavy winds
'The fisherman drifted ashore due to heavy winds.'

b. EXPERIENCER PREDICATE

**Fiskimennina hræddi vegna mikils vinds.*
fishermen.the-ACC frightened because.of heavy winds
[Intended: 'The fishermen were frightened because of the heavy winds.'] [J. Jónsson, p.c.]

The same facts are given for the Russian Transitive Impersonal in (24) and the Ukrainian Transitive Impersonal in (25):

(24) RUSSIAN

a. TRANSITIVE IMPERSONAL

Мальчика ударило током.

b. EXPERIENCER PREDICATE¹

**Мальчика напугало игрушкой.* [37, p. 426]

(25) UKRAINIAN

a. TRANSITIVE IMPERSONAL

Через загрозу вибуху було затримано поїзд.
due.to threat of.bomb was delayed-PASS train-ACC
'A train was delayed due to a bomb threat.'

b. EXPERIENCER PREDICATE

**Пасажирів було роздратовано новиною.*
passengers-ACC was annoyed-PASS news-INS
[Intended: 'Passengers were annoyed at the news.']

Recall that both the ungrammatical impersonal psych predicates and the grammatical Transitive Impersonals in (23–25) are dyadic unaccusatives, but only in the case of the (a) examples is a causative sub-event asserted.

¹ Zimmerling [42] correctly points out that the ungrammaticality of (24b) is due to the fact that *игрушкой* cannot receive the necessary uncontrolled causer interpretation. As mentioned above, it is interpreted as the "target" or "stimulus" of the emotion denoted by the verb [29]. Zimmerling suggests the improved Experiencer predicate in (i):

(i) ?*Мальчика напугало всплесками молнии.*

Though still degraded, *всплесками молнии* 'flashes of lightning' cannot be manipulated by humans and, it follows, is a better candidate for the necessary uncontrolled causer reading.

To review, the analysis thus far treats the Icelandic Fate Accusative as a two-place predicate, the non-Theme argument of which is necessarily interpreted as a Natural Force, which sets the event in motion and introduces into the structure *v*-CAUSE, which in turn licenses structural accusative case. The Fate construction, it follows, is not an Icelandic-specific quirky phenomenon, but rather a Transitive Impersonal, in the sense described for Russian and Ukrainian. It now follows why accusative is impossible in anticausatives (perhaps universally): these are one-place predicates that assert only the root verbal meaning in relation to its complement; as in the case of Experiencer predicates, no causative sub-event is asserted.

The connection between causation and accusative is further revealed in the Ukrainian examples in (26). Note the difference in object case and interpretation in the Impersonal Passive in (26a) versus its agreeing passive participial counterpart in (26b):

(26) UKRAINIAN

a. IMPERSONAL PASSIVE

Дерево зрубано.

tree-ACC cut.down-PASS.[-AGR]

‘The tree was felled.’

b. AGREEING PARTICIPIAL PREDICATE

Дерево зрубане.

tree-NOM.N.SG cut.down-PASS.N.SG

‘The tree is cut down.’

The agreeing passive predicate in (26b) asserts only the state of the tree, not the event that brought about this state. The Impersonal Passive in (26a) asserts the presence of an unidentified argument with CAUSE-TO-V semantics, thus accounting for the presence of *v*-CAUSE and the accusative marking on the Theme. Only (26a) is appropriate when followed by *це сталося в понеділок* ‘this happened on Monday’, where the pronoun *це* ‘this’ refers to the event. In (26b) there is no such event for *це* to identify.¹ Likewise, accusative in (27) is degraded because there is no person (VOICE) or Natural Force (CAUSE) that can concentrate the meaning of a word in its root:

(27) UKRAINIAN: TRANSITIVE IMPERSONAL

???*Основне значення слова зосереджено*

basic meaning-ACC of.word concentrated-PASS.[-AGR]

в корені.

in root

¹ Alla Nedashkivska Adams [1] notes that the agreeing passive in contemporary usage is stative in meaning (an adjectival passive), while the Transitive Impersonal form is now standard for the dynamic, verbal passive.

[Intended: ‘The basic meaning of the word is concentrated in its root.’]
[32, p. 142]

Compare (27) with its nominative (agreeing) counterpart in (28). Since subjectless statives lack a sufficiently complex event structure (i.e., they lack the crucial causative sub-event that gives rise to accusative), nominative appears instead. (28) is a monadic unaccusative, like (26b), which pattern like anticausatives and Experiencer predicates with respect to the non-appearance of accusative.

(28) *Основне значення слова зосереджене в корені.*
basic meaning-NOM.N.SG of-word concentrated-N.SG in root

The independent operation of *v*-CAUSE makes a further prediction: that accusative may potentially co-occur with passive VOICE. We now turn to the passive *сит* accusative construction in Icelandic and Ukrainian.

5. Accusative Survival under Passivization

Accusative survival in agentless predicates has been described in this paper in terms of the arrangement of *v*-heads in the language; namely, as a function of *v*-CAUSE operating independently of *v*-VOICE (see, also, [21]). Passives are causative (since they contain an implicit Agent), so *v*-CAUSE functions as an accusative probe (in split-*v*P languages), giving the impersonal passive in Ukrainian (29):

(29) UKRAINIAN: IMPERSONAL PASSIVE

a. *Батька буде вбито дитьми.*
father-ACC will.be killed-PASS children-INS
‘Father will be killed by his children.’

b. *Табір було зайнято американським військом.*
camp-ACC was occupied-PASS American troops-INS
‘The camp was occupied by American troops.’ [38, p. 117]

Icelandic has a new impersonal construction, passive in form, which has been variously described as passive [13; 16; 35] or as an innovative active [25; 26]. Regardless of the status of the “New Impersonal,” we might conjecture that it arose as a reflex of the syntax described for the Fate construction and Transitive Impersonal (viz, the split-*v*P). Examples are given in (30) ((30b) is repeated from (6)):

(30) ICELANDIC NEW PASSIVE¹

¹ The New Passive in Icelandic is an innovative construction, not used by all speakers, and considered “sub-standard” by some. Observe that the New Passive in Icelandic, in addition to appearing with accusative on the Theme argument, does not undergo NP-Movement to subject position, forcing the appearance of an expletive subject to maintain the language’s V-2 syntax. Note further the non-application of the definiteness effect, familiar from the Icelandic canonical

- a. *Það var barið litla strákin.*
EXPL was beaten-PASS little boy.the-ACC
'The little boy was beaten.' [13, p. 174]
- b. *Það var skoðað bílinn af bifvélavirkjanum.*
EXPL was inspected-PASS car.the-ACC by car.mechanic.the
'The car was inspected by the mechanic.' [16, p. 294]

Let us further consider the role that causation plays in the unexpected appearance of accusative. Recall that in the case of Experiencer predicates (and other statives), the Transitive Impersonal construction was shown to fail in Ukrainian (25b; 27). This was explained in terms of the event structure of these predicates, namely, the lack of a causative sub-event. The same facts hold for Icelandic, as shown in degraded (31–32):

- (31) ICELANDIC: NEW PASSIVE (EXPERIENCER PREDICATE)
* *Það var hrætt mennina af eldfjallinu.*
EXPL was frightened-PASS men.the-ACC by volcano.the
[Intended: 'The men were frightened by the volcano.']
[H. Sigurðsson, p.c.]
- (32) ICELANDIC: NEW PASSIVE (STATIVE)
?? *Það var samt alltaf átt marga hesta*
EXPL was still always-PASS owned many horses-ACC
[Intended: 'Many horses were still owned.'] [16, p. 302]

While I assume that there is no subject of any sort in these passives, i.e., that they are truly impersonal as spelled out, the question of their subject position remains a point of considerable discussion. Maling [25] assumes a null thematic pro subject, such that expletive *Það* must then occur on the left periphery. Zimmerling [42] and Legate [24] both posit zero, non-referential nominal subjects. For Legate (and Maling), this has the effect of maintaining Burzio's Generalization for these constructions. In the terms developed here this would amount to saying that *v*-VOICE performs its argument-projecting function (i.e., by assigning an external argument), so that, in accordance with Burzio's Generalization, the appearance of accusative follows naturally on the object argument.¹ The immediate cost to such an analysis is that we lose the correlation between causation (most importantly, non-volitional causation) and accusative. Recall the distinction in (12), repeated in (33):

- (33) RUSSIAN: TRANSITIVE IMPERSONAL
a. **Дачу сгорело.* b. *Дачу сожгло молнией.*

passive. In the New Passive, definite DPs can appear licitly post-verbally [16, p. 302]. We continue to focus only on the survival of accusative under passivization.

¹ Zimmerling's [42] zero subject account is posited to explain agreement facts; he explicitly rejects Burzio's Generalization.

The verbs in (33) differ only with respect to whether or not they contain a causative sub-event, as is the case with *сжечь* in (33b), accounting for its licit formation of the Transitive Impersonal.¹

Note further that if the zero subject bears phi-features (agreement features), as proposed by Zimmerling [42], then the zero element can be maintained for Ukrainian only on the assumption that we introduce a *fourth* gender in the language, specifically for this purpose. As is well known within Slavic, the N.SG. ending for Ukrainian adjectives and participles in the modern language is /-e/, and not /-o/. It is unclear, then, how a zero subject in the Ukrainian construction agrees with a participial ending, whose dedicated function is non-agreement. One might also wonder whether the zero subject is structurally compatible with the neutral OV word order in the Ukrainian Impersonal Passive; i.e., the preverbal “EPP”-position is already occupied as a result of NP-Movement [23]; likewise is the zero subject compatible with the overt expletive in the New Passive construction in Icelandic, which also occurs in preverbal position?

On a final note, Legate [24] explicitly treats the New Passive in Icelandic as structurally and functionally parallel to the Ukrainian construction. What they share, she posits, in addition to their unexpected transitivity, is a nominal element in Spec, *v*-VOICE, “restricting the Agent position.” This nominal element, according to Legate, is smaller than a full DP, preventing its phonetic realization, while at the same time capable of licensing a passive *by*-phrase. However, the New Passive in Icelandic fails to function like the Ukrainian construction is one important way: the Ukrainian Transitive Impersonal is not necessarily passive; that is, it can occur in the absence of an Agent argument (see fn. 1, p. 50), as in (5), repeated below in (34):

(34) UKRAINIAN: TRANSITIVE IMPERSONAL

Хату було спалено блискавкою.

house-ACC was burned.down-PASS lightning-INS

‘The house was burned down by a strike of lightning.’

¹ I dispute Zimmerling’s [42] assertion that monadic unaccusatives like *замерзнуть* and *сгореть* are stative predicates, and, as such, fail to participate in the Transitive Impersonal construction for this reason. While we have seen that statives do not form Transitive Impersonals, *замерзнуть*, to take Zimmerling’s example, is not stative in the relevant sense. Consider the case of *in x time* modification in (i), which holds of accomplishments, but not states [12]:

(i) RUSSIAN: ANTICAUSATIVE

Прошлой зимой река замерзла за три недели.

It is only when we build a causative sub-event above *замерзнуть*, giving dyadic *заморозить*, that we can get a Transitive Impersonal, as predicted:

(ii) RUSSIAN: TRANSITIVE IMPERSONAL

Едва лодки спустились до поселка Одиночного, как реку заморозило...

[<http://mustagclub.ru>; 2011, June 15]

An additional, non-passive, example is given in (35):

(35) UKRAINIAN: TRANSITIVE IMPERSONAL

Машина злетіла в повітря, [тіла злочинців було розірвано].
 car-NOM flew-up into air bodies-ACC of-criminals was
 torn-PASS

(after a terrorist attack...) ‘the car flew upwards into the air and the bodies of the terrorists were torn to pieces.’

[<http://ua.euronews.com>; 2013, July 10]

The New Passive in Icelandic, on the other hand, is necessarily agentive (i.e., it only appears as a passive – never as an agentless Transitive Impersonal). Note ungrammatical (36), which is the hypothetical New Passive formed from the Fate Accusative in (2):

(36) ICELANDIC: NEW PASSIVE

**Það var rekið bátinn á land.*
 EXPL was driven-PASS boat.the-ACC to land

[Intended: ‘The boat was driven to shore’ (by a natural force)]

[H. Sigurðsson, p.c.]

It follows that an analysis directed at suppressing the Agent argument, such as that advanced in Legate [24], while initially plausible for Icelandic, does not extend to agentless, passive-like impersonals in Ukrainian. Assuming that *v*-CAUSE potentially occurs independently in both languages, giving accusative in Agent-suppressed (or agentless) constructions, the difference between the Icelandic and Ukrainian constructions appears to reduce rather to the features of *v*-VOICE. While in Icelandic, *v*-VOICE obligatorily projects an Agent (whose realization is suppressed in some way by passive VOICE), *v*-VOICE in Ukrainian may or may not project an Agent argument, even in the presence of overt passive morphology. In the Ukrainian Transitive Impersonals in (34–35), the passive morphology is merely pleonastic. *v*-CAUSE is activated by a Natural Force argument – *lightning* – in (34), and by an unstated force having to do with an explosion in (35). The implied Natural Force in Icelandic (36) is not sufficient to set the event in motion; the New Passive is necessarily agentive.

6. Conclusion

“Anti-Burzio” predicates are unaccusatives that exhibit the transitivity property (accusative). The appearance of accusative in the absence of an Agent argument occurs in languages with an elaborated “split-*v*P” dominating lexical VP, such that a CAUSE head can operate in the absence of VOICE (or regardless of the setting of VOICE as active or passive). The causative theory of accusative for Russian and Ukrainian extends naturally to the Icelandic Fate Accusative,

now accounting for the obligatory Natural Force reading in terms of features and arrangements of independently motivated *v*-type heads. Varieties of *v* distinguish between an Agent – an intentional actor, merged in Spec, *v*-VOICE – and an inanimate (natural) force capable of initiating a change of state, thereby identifying *v*-CAUSE. Accusative survival under passivization follows without stipulation in languages in which *v*-CAUSE operates independently of the setting of *v*-VOICE as active or passive. To be sure, the theory of anti-Burzio predicates proposed here, described in terms of an elaborated *v*P, is by no means a sufficient condition for passive *cum* accusative constructions, but it is advanced as a necessary condition, regardless of whether and how the construction is realized on the continuum of passive and passive-like constructions.

References

1. Adams A.N. Transitivity, pragmatics, and discourse in the morphosyntax of contemporary Ukrainian: Ph.D. dis. University of Pittsburgh, 1998.
2. Alexiadou A. et al. The properties of anticausatives crosslinguistically // Phases of interpretation / Ed. M. Frascarelli. P. 187–211. Berlin, 2006.
3. Babby L. A theta-theoretic analysis of adversity impersonal sentences in Russian // Formal Approaches to Slavic Linguistics. 1994. № 2. P. 25–67.
4. Babby L. Prolegomenon to any future typology of impersonal sentences // Hypothesis A / Hypothesis B: Linguistic explorations in honor of David M. Perlmutter / Eds. D. Gerdts, J. Moore, M. Polinsky. Cambridge, MA, 2010. P. 19–40.
5. Babby L., Lavine J. Impersonalization as an alternation. Paper presented at the 35th Annual Conference of the German Linguistic Society. 2013.
6. Borer H. Structuring Sense: The Normal Course of Events. NY, 2005.
7. Bowers J. Transitivity // Linguistic Inquiry. 2002. № 33. P. 183–224.
8. Bowers J.. Arguments as relations. Cambridge, MA, 2010.
9. Burzio L. Italian syntax. Dordrecht, 1986.
10. Chomsky N. Knowledge of language: Its nature, origin, and use. NY, 1986.
11. Chomsky N. The Minimalist Program. Cambridge, MA, 1995.
12. Dowty D. Thematic Proto-Roles and argument selection // Language. 1979. № 67. P. 547–619.
13. Eythórsson T. The New Passive in Icelandic really is a passive // Grammatical change and linguistic theory: The Rosendal papers / Ed. Th. Eythórsson. Amsterdam, 2008. P. 173–219.
14. Folli R., Harley H. Flavors of *v* // Aspectual inquiries / Eds. P. Kempchinsky, R. Slabakova. Dordrecht, 2005. P. 95–120.
15. Harley H. External arguments and the Mirror Principle: On the distinctness of Voice and *v* // Lingua. 2013. № 125. P. 34–57.
16. Jónsson J.G. The new impersonal as a true passive // Advances in Comparative Germanic Syntax / Eds. A. Alexiadou et al. Amsterdam, 2009. P. 281–306.
17. Kibort A. On three different types of subjectlessness and how to model them in LFG // Proceedings of the LFG06 / Eds. M. Butt, T.H. King. Stanford, 2006.
18. Kratzer A. Severing the external argument from its verb // Phrase structure and the lexicon / Eds. J. Rooryck and L. Zaring. Dordrecht, 1996. P. 109–137.

19. Lavine J. Case and events in Transitive Impersonals // *Journal of Slavic Linguistics*. 2010. № 18. P. 101–130.
20. Lavine J. What does structural accusative mean? An argument against the Aspectual Theory // *Formal Approaches to Slavic Linguistics*. 2011. № 19. P. 66–84.
21. Lavine J. Passives and Near-Passives in Balto-Slavic: On the Survival of Accusative // *Non-canonical passives* / Eds. A. Alexiadou and F. Schäfer. Amsterdam, 2013. P. 185–211.
22. Lavine J., Franks S. On Accusative First // *Formal Approaches to Slavic Linguistics*. 2008. № 16. P. 231–247.
23. Lavine J., Freidin R. The subject of defective Tense in Slavic // *Journal of Slavic Linguistics*. 2002. № 10. P. 253–289.
24. Legate J. A cline of Passives (ch. 4). Ms., University of Pennsylvania. 2013.
25. Maling J. From passive to active: Syntactic change in progress in Icelandic // *Demoting the Agent: Passive, Middle and Other Voice Phenomena* / Eds. B. Lyngfelt, T. Solstad. Amsterdam, 2006. P. 197–223.
26. Maling J., Sigurjónsdóttir S. The ‘New Impersonal’ construction in Icelandic // *Journal of Comparative Germanic Linguistics*. 2002. № 5. P. 97–142.
27. Marantz A. Case and licensing // *ESCOL’91* / Eds. G. Westphal, B. Ao, H-R. Chae. NY, 1991. P. 234–253.
28. Ottósson K. A feature-based approach to thematic roles // *Papers from the Tenth Scandinavian Conference of Linguistics* / Ed. V. Rosén. Bergen, 1988. P. 136–150.
29. Pesetsky D. *Zero syntax*. Cambridge, MA, 1995.
30. Pyllkkänen L. *Introducing arguments*. Cambridge, MA, 2008.
31. Richardson K. *Case and aspect in Slavic*. Oxford, 2007.
32. Shevelov G. *The syntax of modern literary Ukrainian*. The Hague, 1963.
33. Sigurðsson H. Case: abstract vs. morphological // *New perspectives on case theory* / Eds. E. Brandner, H. Zinsmeister. Stanford, 2003. P. 223–267.
34. Sigurðsson H. The Nom/Acc alternation in Germanic // *Comparative Studies in Germanic Syntax* / Eds. J.M. Hartmann, L. Molnárfi. Amsterdam, 2006. P. 13–50.
35. Sigurðsson H. On the New Passive // *Syntax*. 2011. № 14. P. 148–178.
36. Svenonius P. The nanosyntax of the Icelandic passive. Paper presented at the Lund Grammar Colloquium. 2005.
37. Tsedryk E. Case and agreement in Russian adversity impersonal constructions // *Formal Approaches to Slavic Linguistics*. 2004. № 12. P. 419–439.
38. Wiczorek D. Konstrukcii tipa mnoju oderżano lysta v sovremennom ukrainskom jazyke // *Z problemów ewolucji współczesnych języków słowiańskich w aspekcie socjolingwistycznym* / Ed. A. Bartoszewicz. Warszawa, 1989. S. 113–118.
39. Wood J. *Icelandic Morphosyntax and Argument Structure*: Ph.D. dis. New York University, 2012.
40. Woolford E. Burzio’s Generalization and markedness // *New perspectives on case theory* / Eds. E. Brandner, H. Zinsmeister. Stanford, 2003. P. 301–329.
41. Zaenen A., Maling J. Unaccusative, passive and quirky case // *Proceedings of West Coast Conference on Formal Linguistics*. 1984. № 3. P. 317–329.
42. Zimmerling A.V. Transitive impersonals in Slavic and Germanic: Zero subjects and Thematic Relations // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. 2013. № 12. P. 723–737.

А.С. Калякин

Модель иноязычной подготовки студентов, обучающихся по направлению «Туризм»

В статье рассматриваются концептуальные положения иноязычной подготовки студентов МГГУ им. М.А. Шолохова, обучающихся по направлению «Туризм», дается описание лингвистической модели обучения в контексте основной профессиональной подготовки.

Ключевые слова: модель иноязычной подготовки, коммуникативная компетенция, переводческая компетенция, профессионально ориентированный перевод, туристическая деятельность, компетентностная модель выпускника.

Системные изменения в структуре и содержании университетского образования обусловили появление в российских вузах новых программ, предполагающих качественно иной уровень языковой подготовки студентов неязыковых специальностей и направлений. В МГГУ им. М.А. Шолохова это коснулось, прежде всего, студентов, обучающихся по бакалаврским и магистерским программам в области туризма. Разработанная в университете компетентностная модель выпускника по направлению «Туризм» предполагает формирование, наряду с основными профессиональными компетенциями, обучение двум иностранным языкам, что органически вписывается в общий контекст распространенного в Европе билингвизма.

Сегодня в университете сложилась довольно стройная и выверенная модель языковой подготовки студентов по направлению «Туризм», в основе которой лежит обучение профессиональному дискурсу, включающему в себя общий и специальный компоненты.

Модель иноязычной подготовки студентов – будущих специалистов в области туризма, базируется на следующих концептуальных положениях:

- компетентно-контекстный подход к проектированию и реализации программ обучения иностранному языку;
- уровневый характер иноязычного обучения, предполагающий формирование у студентов разных коммуникативных компетенций в соответствии с общеевропейской системой требований;
- коммуникативная направленность обучения иностранным языкам, позволяющая сформировать у студентов компетенции, от которых зависит успешность и эффективность межкультурной коммуникации;
- выстраивание иноязычного языкового обучения с опорой на предметную область – туристическую деятельность;
- использование в учебном процессе современных технологий, в том числе модульной технологии, позволяющей реализовывать принцип индивидуального подхода в изучении иностранного языка.

Проектирование и реализация иноязычной подготовки студентов, обучающихся по направлению «Туризм», включает в себя три цикла.

Первый цикл обучения – базовый, рассчитан на 2 года (1–4 семестры). Основная цель обучения на этом этапе заключается в формировании у студентов базовых компонентов коммуникативной компетенции, содержащей лингвистический, прагматический и социокультурный аспекты. Обучение иностранному языку начинается, в зависимости от стартовых знаний, умений и навыков студентов, с вводно-коррективного курса или с краткой коррекции произносительных и грамматических навыков. Учебный материал включает в себя фонетический, грамматический и лексический компоненты, позволяющие студентам правильно и корректно выражать свои мысли на иностранном языке в устной и письменной форме, а также читать несложные оригинальные тексты. Обучение всем видам речевой деятельности, а также формирование фонетических, грамматических и лексических умений и навыков осуществляется комплексно на основе принципа ассиметрии, что позволяет обеспечивать гибкость в преподавании того или иного аспекта иностранного языка. Аспектное преподавание иностранного языка весьма затруднительно из-за дефицита учебных часов, отводимых на его изучение. Что касается такой важной проблемы, как соотношение общелитературного языка и специального языка на первом этапе обучения, то, как показывает практика, основной упор следует делать на формирование общезыковой компетенции.

Второй цикл обучения – специальный, рассчитан также на 2 года и охватывает 5–8 семестры, т.е. цикл совпадает с завершением учебы студентов в бакалавриате. На этом этапе продолжается комплексное обучение и совершенствование всех аспектов коммуникативной компетенции студентов. Однако в учебном материале начинают доминировать

профессионально ориентированные тексты, тематически относящиеся к сфере туристической деятельности. С этой целью выделяется новый аспект в изучении иностранного языка – практикум по профессиональной коммуникации в сфере туризма, основная цель которого заключается в формировании у студентов компетенций эффективной межкультурной коммуникации в профессиональной туристической деятельности. Соотношение общелитературного и специального языка меняется в пользу специального, при этом общелитературный язык остается базой, обеспечивающей высокий уровень профессионализма будущего специалиста в области туризма.

Второй цикл обучения придает другое качество иноязычной подготовке студентов. Речь идет о формировании у выпускников переводческой компетенции. Это достигается изучением таких дисциплин, как основы теории перевода, введение в теорию межкультурной коммуникации, истории и культуры стран изучаемого иностранного языка, а также практическим курсам профессионально ориентированного перевода в сфере туризма.

На этом этапе иноязычной подготовки выпускники должны:

- знать базовые категории основ перевода;
- знать особенности переводческой деятельности в сфере туризма;
- уметь проводить предпереводческий анализ исходного текста;
- уметь осуществлять письменный и устный перевод с учетом грамматических, лексических, стилистических и прагматических трудностей передачи информации;
- владеть основами реферирования и аннотирования текстов туристской тематики;
- уметь пользоваться словарями и справочной литературой, источниками общей и специальной информации в сфере туризма;
- владеть основами информационной культуры.

При проектировании и реализации профессионально ориентированного перевода необходимо соблюдать следующие условия:

- студенты должны знать и владеть минимумом профессиональных знаний в области теории и практики перевода;
- основными видами перевода в ходе обучения должны быть письменный перевод и устный последовательный перевод;
- особое внимание в ходе обучения переводу уделяется овладению студентами терминологической лексикой в сфере туризма;
- корпус текстов при обучении переводу должен по своему содержанию четко отражать профессиональную картину туристической деятельности.

Третий цикл обучения – специализированный, рассчитан на 1,5 года и совпадает с учебной студента в магистратуре. На этом этапе происходит совершенствование всех коммуникативных и переводческих компетенций магистранта, сформированных в период учебы в бакалавриате, однако доминирующее значение приобретает обучение профессиональному использованию иностранного языка как средства устно-письменной коммуникации в научной сфере. Поэтому основное внимание уделяется переводу и письму. Учебный материал специализированного цикла представлен текстами оригинальной литературы по профилю магистерской программы. На сегодняшний день в МГГУ им. М.А. Шолохова это технология и организация международного туризма. Корпус текстов туристической тематики включает в себя материалы международного сотрудничества в области туризма, рынка международного туризма, индустрии международного туризма, организации путешествий и т.д., в содержательном отношении они отражают будущую профессиональную деятельность выпускников и выступают носителями предметных знаний в сфере международного туризма.

Третий цикл обучения завершает языковую подготовку студентов, обучающихся по направлению «Туризм». Уровень владения иностранным языком по общеевропейской шкале требований должен соответствовать В2 – продвинутый пороговый, который предполагает чтение и понимание выпускниками содержания сложных текстов, в том числе и специализированных, владение спонтанной речью, позволяющей без особых затруднений общаться с носителями языка, и умение делать четкие и подробные сообщения на различные профессиональные темы. Разумеется, что предложенная модель иноязычной подготовки не является эталонной, а представляет собой лишь один из вариантов интеграции иностранного языка в систему основного профессионального обучения студентов.

Библиографический список

1. Калякин А.С. Профессиональная подготовка лингвиста, переводчика в современных условиях // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2013. № 2. С. 103–109.

А.В. Рудковская

Формирование психокогнитивной компетенции при обучении устному последовательному переводу

В статье рассматриваются трудности обучения устному последовательному переводу, обусловленные такими психокогнитивными феноменами, как оперативная память, активизация внимания, механизм межъязыковых кодовых переключений. Автор предлагает серию аудиторных и внеаудиторных заданий, эффективность которых была экспериментально доказана на отделении перевода и переводоведения факультета иностранных языков МГГУ им. М.А. Шолохова.

Ключевые слова: обучение устному последовательному переводу, устный последовательный перевод, психокогнитивный механизм устного перевода, компетенция переводчика, оперативная память.

Анализ работы со студентами переводческого отделения МГГУ им. М.А. Шолохова показал, что при обучении устному последовательному переводу (УПП) как сложному виду интеллектуальной деятельности особое внимание следует уделять формированию лингво-когнитивных механизмов кодовых переключений.

Переключение с одной языковой системы на другую протекает в эмоционально напряженных условиях необходимости восприятия, удержания и сохранения в оперативной памяти длинных фрагментов однократно предъявленного текста отправителя, отсутствия времени на раздумья, заданного оратором быстрого темпа, и требует предельной концентрации и правильного распределения внимания, а также точного, адекватного порождения текста перевода. Одновременность протекания всех речемыслительных операций и действий – слуховой рецепции исходного сообщения, его внешнего кодирования, внутреннего декодирования и дальнейшего порождения по записи – подразумевает наличие определенных психологических и психофизических характеристик личности переводчика. К ним относятся гибкость и пластичность мышления, умение быстро переключения, мобилизации памяти, направленности и избирательности внимания и других психических механизмов, функционирующих в сложных, стрессовых ситуациях, возникающих при наличии сопутствующих помех в виде шума во время ведения переговоров и четкого регламента, и требующих мгновенного принятия решения для выполнения

коммуникативной задачи. Эти особенности психической организации оказывают влияние на формирование профессиональной компетенции устного переводчика, под которой мы понимаем не только совокупность знаний, навыков, умений и способностей индивида, но и «потенциальную активность, готовность и стремление к определенному виду деятельности» [3, с. 29]. Поэтому стратегия содержания обучения УПП определяется не только необходимостью расширять собственно языковые знания учащихся, но и развитием их навыков и умений сознательно контролировать и управлять лингво-когнитивными механизмами. Таким образом, в процессе обучения УПП следует учитывать различные возникающие психофизиологические трудности, создающие препятствия для его успешного выполнения.

В устной переводческой деятельности однократного предъявлении текста оригинала доминирующую роль играет оперативная память. Речь отправителя, содержащая длинные высказывания, может превышать объем оперативной памяти переводчика и тормозить процесс порождения вторичного текста. Поэтому для обучения УПП необходима комплексная, целенаправленная работа по активизации всех психических механизмов (восприятия, памяти, внимания, мышления, вероятностного прогнозирования). Количество аудиторных часов, отводимых на мнемотехнику и формирование психокогнитивных механизмов, не позволяет в полной мере создать у студентов профессиональную компетенцию устного переводчика. Трудности, обусловленные повышенной умственной и психологической нагрузкой на память в процессе выполнения устного последовательного перевода, определили цель проведенной нами в период с 2012 по 2014 год эмпирической верификации, которая заключалась в выявлении факторов, способствующих эффективному увеличению объема оперативной памяти и активизации механизмов межъязыковых кодовых переключений.

В экспериментальном исследовании участвовало 67 испытуемых: три экспериментальные группы по 15 человек и одна контрольная группа, в которую вошли 22 студента четвертого курса переводческого отделения факультета иностранных языков МГГУ им. М.А. Шолохова. Все они на предыдущих курсах прошли начальный этап обучения устному переводу, у них была сформирована профессиональная компетенция, необходимая для работы гидами-переводчиками, а также базовые речемоторные умения и навыки универсальной переводческой скорописи, необходимые для устного последовательного перевода. Материал, предложенный испытуемым во время проведения констатирующего среза, был однородным по степени сложности и количеству языковых единиц в ряду.

Констатирующий срез ставил перед собой решение следующих задач.

1. Выявление исходного объема оперативной памяти (ОП) испытуемых по результатам выполнения каждого задания, определение точности ОП, мерой которой являлась частота правильно выполненных операций и средней длительности сохранения материала в ОП (время от начала предъявления материала до осуществления цели действия)

2. Выявление особенностей функционирования оперативной памяти, внимания, механизмов переключения у испытуемых

3. Выявление трудностей, тормозящих выполнение устного последовательного перевода.

4. Проведение анализа когнитивной составляющей переводческой компетенции испытуемых на основе полученных результатов

Для определения точности и объема оперативной памяти все учащиеся должны были прослушать материал, который предъявлялся в виде аудио-файла, проигрываемого с сервера. Им были предложены следующие задания:

– воспроизвести 10 лексических единиц после однократного прослушивания;

– дословно повторить одно предложение после однократного прослушивания (без фиксации с помощью переводческой записи);

– после однократного прослушивания двух предложений перевести их;

– прослушать текст с электронного носителя, не делая пометок, а затем на русском языке передать преподавателю всю информацию, зафиксированную памятью;

– после однократного прослушивания перевести текст общественно-политического содержания с английского языка на русский, используя переводческую скоропись, а затем, используя универсальную переводческую скоропись, перевести их обратно на английский.

Обработка и анализ результатов констатирующего среза показали, что 75% учащихся экспериментальных и контрольной групп владеют навыками и умениями устного оформления последовательного перевода, с легкостью находят межязыковые эквиваленты, производят лексико-грамматические трансформации, соблюдают стиль при оформлении перевода. Однако многие из них испытывают трудности запоминания, сохранения и воспроизведения слуховой информации, концентрации внимания, которые мешают им эффективно осуществлять речевые переводческие операции переключения с одной языковой системы на другую.

Также нами были установлены различия перцептивных умений испытуемых и функциональных особенностей их анализаторов. У одних преобладал слуховой тип памяти, у других – зрительный или моторный. В

качестве объективных критериев определения уровня умений мы рассматривали внешние, которые включали качественность и адекватность перевода, скорость выполнения операций и их последовательность, а также внутренние критерии – «отсутствие направленности сознания на форму выполнения действия и отсутствие напряжения» [1, с. 210]. Проанализировав полученные данные, мы пришли к выводу, что традиционные упражнения по мнемотехнике (повтор слов, безассоциативное запоминание рядов чисел, топонимов, «снежный ком», запоминание перечислительного ряда сочетаний цифр и слов на определенную тему), недостаточны для развития оперативной памяти [4, с. 21]. В связи с ограниченным количеством времени, отведенного на развитие мнемонических приемов, необходимо обеспечить дополнительный тренинг, который должен проводиться не только на занятиях, но и во внеаудиторной обстановке.

Целью опытного обучения, в котором участвовали экспериментальные группы, было установление прямой зависимости качества устного перевода от одновременности протекания таких психокогнитивных переводческих процессов, как восприятие, понимание, удержание, сохранение устойчивости внимания, самоконтроля, скорости межъязыковых кодовых переключений, принятия решения. В связи с этим была предложена серия заданий, которая способствует формированию психокогнитивной составляющей профессиональной переводческой компетенции.

Учащимся предлагались следующие задания на тренировку слуховой памяти, внимания, механизма переключения с одного языкового кода на другой.

1. Прослушайте поочередно ряд из десяти не связанных по смыслу лексических единиц родного и иностранного языка. К каждой из них подберите в течение одной секунды смысловые синонимы в зависимости от того, на каком языке она произносится. По смысловым синонимам проговорите изначально заданные слова.

2. Прослушайте сообщение, концентрируя внимание только на ключевых словах. Мысленно выстраивайте из них цепочку, визуализируя главную мысль во время речи диктора. (Одно предложение звучит на родном языке, второе – на иностранном.) Прослушав сообщение, повторите ключевые слова вслух.

3. Прослушайте сообщение, выделите ключевые элементы и вспомните связанные с ними второстепенные слова. На основе второстепенных слов придумайте новые ключевые слова и перескажите общее содержание текста на двух языках.

4. Прослушайте и удержите фрагмент разговора на иностранном языке в шумной обстановке (Все студенты слушают разную информацию).

Через 15 минут воспроизведите его. (Остальные студенты фиксируют речь своего сокурсника с помощью универсальной переводческой скорописи, а затем по записи переводят на русский);

5. В течение 10 минут прослушайте речь диктора английского радио. Восстановите вслух текст по предложению, соблюдая порядок их следования. Затем в быстром темпе переведите речь по предложению в обратном порядке. Не фиксируйте информацию с помощью переводческой записи.

6. Прослушайте и различите голоса ваших сокурсников, мысленно сопоставьте их с лицами и постарайтесь подробно их описать (продолжительность 10 минут).

Испытуемые также получали домашнее задание на концентрацию и тренировку внимания:

– в течение 5–10 с. фиксировать внутреннее состояние молчания, свободы от каких-либо мыслей;

– мысленно сконцентрируйтесь на определенной ситуации в течение 5 с.;

– выучите речь хорошо известного оратора на двух языках;

– запомните на слух одну строчку из стихотворения на иностранном языке и ее перевод на родном, повторите эту строчку и перевод несколько раз, затем проговорите их в обратном порядке; постарайтесь мысленно представлять то, что слышите; на следующий день снова повторите первую строчку и перевод, затем прослушайте вторую, и повторите обе сразу (метод постепенного прибавления).

Испытуемым должны были выполнять домашние задания ежедневно, т.к. они способствуют развитию устойчивости внимания как обязательного условия развития оперативной слуховой памяти, а также формируют механизм его переключения. Задания выполнялись в парах. Каждую неделю проводился контроль домашних заданий, и отмечалась взаимообусловленность положительной динамики развития оперативной памяти и умения испытуемых контролировать и управлять лингво-когнитивными механизмами кодовых переключений при моделировании сложных ситуаций устного последовательного перевода. При опросе все учащиеся отмечали, что у них улучшились такие характеристики ОП, как точность, скорость запоминания и длительность сохранения информации, ее помехоустойчивость.

Цель контрольного эксперимента заключалась в сравнении объема оперативной памяти, внимания, механизма переключения у испытуемых до начала опытного обучения и после его проведения, а также сопоставление показателей экспериментальных и контрольной групп. Всем

группам предлагались задания, содержащие однородный по трудности материал. Первое задание определяло уровень формирования навыка безассоциативного запоминания, удержания информации в оперативной памяти, концентрации внимания, а второе, третье и четвертое – проверяли навык переключения с одного языка на другой.

1. Повторите 10 несвязанных слов и переведите их.

2. Дословно повторите одно предложение после однократного прослушивания (без фиксации с помощью универсальной переводческой скорописи).

3. Запишите текст в символах универсальной переводческой скорописи с голоса преподавателя и по записи осуществите его последовательный перевод.

4. Переведите в быстром темпе за преподавателем ряд слов, звучащих поочередно на русском и иностранном языках.

Для обработки результатов эксперимента использовался процентный и корреляционный анализ. В ходе проведения контрольного эксперимента было установлено, что после опытного обучения количество правильных ответов в экспериментальных группах по первому заданию увеличилось на 41%. По второму и третьему заданию сократилось число искажений, в том числе – неправильный порядок следования единиц речеслуховой информации. Таким образом, количество правильных ответов увеличилось на 35%. На 20% увеличилась средняя скорость и качество воспроизведения исходного сообщения в четвертом задании.

По итогам контрольного среза студенты экспериментальных групп справились с теми же четырьмя заданиями намного лучше, чем контрольной группы, с которой не проводился тренинг памяти, тренировка механизма переключения с языка на язык с помощью заданий, включенных в опытное обучение. Их навыки и умения формировались выполнением традиционных упражнений, предложенных в учебниках по переводу.

У студентов контрольной группы запоминание и воспроизведение слов было на 25% хуже, число искажений на 31% выше, а показатель средней скорости воспроизведения текстового материала на 15% ниже, чем у студентов экспериментальных групп.

Коэффициент корреляции подсчитывался по формуле К. Пирсона. Результаты контрольного среза позволяют сделать вывод о том, что коэффициент корреляции измеряемых параметров в экспериментальных группах выше (0,70) чем в контрольной группе (0,52). Таким образом, на основе метода корреляционного анализа была установлена прямая зависимость между уровнем сформированности таких когнитивных феноменов, как оперативная память, направленность и селективность

внимания, механизм межъязыковых кодовых переключений, и качеством перевода.

Библиографический список

1. Зимняя И.А. Условия формирования навыка говорения на иностранном языке и критерии его отработанности // *Общая методика обучения иностранным языкам: Хрестоматия* / Сост. Леонтьев А.А. М., 1991. С. 210–211.
2. Ильязова М.Д. Инварианты профессиональной компетентности: сущность и структура // *Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Педагогика и психология»*. 2011. № 1. С. 46–53.
3. Ильязова М.Д. «Компетентность», «компетенция», «квалификация» – основные направления современных исследований // *Профессиональное образование*. 2008. № 1. С. 28–31.
4. Рудковская А.В., Ванеева Л.Г. *Практикум по переводу (магистратура)*. М., 2012.

Барышева Светлана Фридриховна – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры стилистики русского языка, МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: barysheva1105@rambler.ru.

Веремьева Кристина Михайловна – аспирант кафедры перевода и переводоведения МГГУ им. М.А. Шолохова; учитель английского языка, средняя образовательная школа № 89 им. А.П. Маресьева. E-mail: kris_veremieva@mail.ru.

Ерофеева Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой русского языка, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: elanter0701@yandex.ru.

Калякин Анатолий Серафимович – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой теории и практики межкультурной коммуникации, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: mggu2008@mail.ru.

Касперова Лариса Тазретовна – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры стилистики русского языка, МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: latael@mail.ru.

Кузнецова Анна Николаевна – аспирант кафедры теории и методики преподавания иностранных языков МГГУ им. М.А. Шолохова; старший преподаватель кафедры педагогического образования, Национальный институт им. Екатерины Великой (г. Москва). E-mail: ann36727000@yandex.ru.

Кузьмина Марина Андреевна – аспирант кафедры теории и методики преподавания иностранных языков МГГУ им. М.А. Шолохова; старший преподаватель кафедры иностранных языков, Московский государственный университет геодезии и картографии. E-mail: mkuzmina@mail.ru.

Ландер Юрий Александрович – кандидат филологических наук; старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки, Институт востоковедения РАН; доцент факультета филологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: yulander@yandex.ru.

Рудковская Александра Витальевна – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры перевода и переводоведения, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: luxuryu@yandex.ru.

Себрюк Анна Набиевна – аспирант кафедры теории и методики преподавания иностранных языков МГГУ им. М.А. Шолохова; старший преподаватель кафедры теории и методики преподавания иностранных языков, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: anna1804@mail.ru.

Сигал Кирилл Яковлевич – доктор филологических наук; ведущий научный сотрудник, заведующий отделом экспериментальных исследований речи, Институт языкознания РАН. E-mail: kjseagal@yandex.ru.

Смирнова Надежда Владимировна – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры стилистики русского языка, МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: smirnovanv@yandex.ru.

Сорокина Галина Алексеевна – кандидат философских наук; доцент кафедры иностранных языков, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина. E-mail: inyazmgua@mail.ru.

Lavine James E. – Ph.D. Princeton University; Professor of Linguistics, Ruth Everett Sierzega Chair in Linguistics, Director, Linguistics Program; Bucknell University, Pennsylvania. E-mail: jlavine@bucknell.edu.

S. Barysheva

Phonostylistical potential of the segmental sound unit

The paper describes the phonostylistical segmental resources and their functions in two different speech areas: common speech (unprepared) and artistic speech (prepared). The classification of sound variants and modifications with phonostylistical potential is presented. The functions of these units in common speech and in two types of artistic speech (theatrical speech and recitation) are described.

Key words: phonostylistics, sound variants and modifications, common and artistic speech.

E. Erofeeva

Paradigmatic and syntagmatic potential
of non-process attributive phraseological units

The article discusses the morphological and syntactic potential of non-process attributive phraseological units while focusing on their semantic parameters. The main types of morphological phraseological paradigms are presented in their decreasing order on a unified scale. The cases of obligatory and optional distribution of such phraseological units are analyzed.

Key words: non-process attributive phraseological unit, morphologic phraseological paradigm, syntagmatics.

A. Kalyakin

Model of foreign language training of students majoring
in Tourism

The article discusses conceptual positions of foreign language training of the students of Sholokhov Moscow State University for the Humanities studying “Tourism” and gives the description of the linguistic educational model in the context of the basic professional training.

Key words: the foreign language training model, communicative competence, interpreter's competence, professionally oriented translation, tourism activities, competence model of graduates.

L. Kasperova

Lexical Semantic Analysis of keywords «blind» and «musician» in the novel by Vladimir G. Korolenko «The Blind Musician»

The article is focused on the peculiarities of the key words «blind» and «musician» in the novel by Vladimir G. Korolenko «Blind Musician» (Slepoi Muzykant). It comprises the analysis of the semantic structure of the keywords (Lexical Grammatical Semantic Field (LGSF) – in the terminology of Elena I. Dibrova) «Blind» and «Musician» and the specificity of the informative elements of the studied keywords in the text.

Key words: semantic dominant, keyword, the lexical semantic structure of the keyword, lexical grammatical and semantic field, the novel by Vladimir G. Korolenko «Blind Musician» (Slepoi Muzykant).

A. Kuznetsova

The etymological aspect of linguistic-cultural analysis of phraseological units

The article gives the description of the etymological aspect of linguistic-cultural analysis of phraseological units as a means of identifying features of national mentality. The article deals with the phraseological units which are components of the phraseo-semantic field “Work”. The article presents an attempt to analyze some features of phraseology appearance in the English language.

Key words: phraseological unit, etymology, linguistic-cultural analysis.

M. Kuzmina

Role of address in the realization of the functional semantic dependence

In the article address is considered as a speech element which takes part in the realization of the functional semantic dependence in different types of speech situations, especially microthematic and textological. The article presents the description of the transformation of address forms within the examples chosen by the author. The article also examines the quantitative share of the emotionality which is introduced in the space of the dialogue by

address forms and the influence of this process on the semantic aspect of the communicative act.

Key words: address, functional semantic dependence, vocative sentence, speech situation, communicative space.

Yu. Lander

An essay in typology of long-distance relativization

The paper summarizes data on long-distance relative constructions which involve relativization out of a complement clause in various languages and proposes their typology of this kind of patterns. As it is shown the constructions under discussion may (but need not) presume some constraints on morphosyntax of a complement clause or its matrix clause as well as the change in syntactic relations between more embedded clauses and less embedded clauses.

Key words: complex sentences, relative constructions, long-distance relativization.

J. Lavine

Anti-Burzio Predicates: From Russian and Ukrainian to Icelandic

This paper extends previous work on Transitive Impersonals in Russian and Ukrainian to two constructions with similar properties in Icelandic: the Fate Accusative and New Passive. It is argued that the appearance of accusative in the absence of a nominative-marked NP or Agent occurs on a particular configuration of v-type heads, namely when the transitivity feature (Cause) appears structurally distinct from the head responsible for projecting the external argument (Voice). The Cause head, an accusative “probe,” is thereby potentially active in the absence of an Agent, so long as the predicate is causative.

Key words: Event Structure, Fate Accusative, New Passive, Transitive Impersonal, v-type heads, voice, cause, Natural Force, split-vP, Accusative survival.

A. Rudkovskaya

Psychocognitive skills development in consecutive interpreter training

The paper addresses difficulties confronting students in the process of consecutive interpreting. They are determined by cognitive phenomena which

involve operative memory, refocusing, mechanism of switching from one language to another. The author proposes some exercises which upgrade professional interpreting competences, abilities and skills. The experiment which was conducted at Sholokhov Moscow State University for the Humanities corroborated their effectiveness.

Key words: development, cognitive mechanisms, switching from one language to another, interpreting competences, operative memory.

K. Seagal

On the innovation of the XXth century
in the set of Russian coordinating conjunctions

In the article the function of Russian homolexeme *плюс* 'plus' as a coordinating conjunction is testified. Moreover, the factors, which hinder it to become a coordinator of full value (like *и* 'and'), are stated here.

Key words: coordinating conjunction, prototypical properties of word, semantics of syntactic words.

A. Sebryuk

The peculiarities of unofficial proper names
in African-American ethnic community

On the example of unofficial proper names the author considers the problem of correlation between language and culture. African-American nicknames reflect the history, lifestyle and mentality of this ethnic group. The analysis of them helps to understand the culture of the USA more profoundly.

Key words: anthroponomical categories, Afro-American culture, naming, unofficial proper names, nicknames.

N. Smirnova

Split reference mechanisms
(on the example of V. Nabokov's stories)

Split reference is regarded as a distinguishing feature of the neoclassic narration. In the context of Vladimir Nabokov's stories the following split reference methods are analyzed: text content alogism, deictic opposition semantization, spreading of epistemic modality features, introduction of the creative author to the text.

Key words: split reference, fictional text universum, deictic oppositions, epistemic modality.

G. Sorokina

Buddhistic connotations in the novel "Laura and her original" by V. Nabokov

The article is devoted to the analysis of all the examples of Buddhistic connotations in unfinished novel by V. Nabokov "Laura and Her Original".

Key words: Nabokov, novel "Laura and Her Original", Buddhistic connotations in Nabokov's works.

K. Veremyeva

Toponyms as one of the spatial indicators in the English language

The article deals with the meaning of spatial indicators in English. Being one of the forms of matter existence space cannot find its isolated and multilevel-fixed place in the language. Special attention is given to hydrotoponyms.

Key words: spatial indicator, toponymy, toponym, hydrotoponym, vocabulary unit, proper noun, common noun, language inventory.

Памятка автору статьи, представленной для публикации
в ВЕСТНИКЕ МГУ им. М.А. Шолохова

Статья принимается одним файлом, названным фамилией автора (соавторов) в формате Word.

На первой странице указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень, звание (если имеются); место учебы или соискательства (полное название в именительном падеже); должность; место работы; контактный телефон (мобильный, в журнале не публикуется, необходим для связи редакции с автором); E-mail.

Затем следует заглавие, аннотация статьи (8–10 строк) и ключевые слова (не более 10).

Резюме на английском языке должно включать: название статьи; фамилию, инициалы автора(ов); аннотацию, ключевые слова.

Объем статей не должен превышать 30 000 знаков, включая пробелы (т.е. 16 типовых машинописных страниц), а объем рецензии или отзыва на книгу – 3 страниц. Помимо бумажного, необходимо представить электронный вариант:

- редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman;
- формат А4, кегль 14 обычный – без уплотнения;
- чертежи, графики, диаграммы, схемы должны быть выполнены с учетом возможностей черно-белой печати (четко, без мелких деталей, недопустимо использование фона, полутонов, цветных элементов);
- текст без переносов;
- межстрочный интервал – полуторный (компьютерный);
- выравнивание – по ширине;
- поля – верхнее, нижнее, правое, левое – не менее 2,5 см;
- номера страниц – внизу посередине, на первой странице номер не указывать;
- абзацный отступ – 1,25 см;

- ссылки на литературу приводятся непосредственно после фрагмента, требующего ссылки на источник, в квадратных скобках, при цитировании необходимо указывать номер страницы;
- библиографический список располагается в конце текста (входит в общий объем статьи и формируется по алфавиту, сначала идет литература на русском языке, затем – на иностранном).

К предлагаемым для публикации статьям прилагается отзыв научного руководителя и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Редакционная коллегия проводит независимое рецензирование.

Автор гарантирует соответствие содержания файла на электронном носителе бумажному варианту.

Контактная информация

Материалы направлять по адресу:

109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16–18, комн. 225.

Тел.: (495) 647-4477, доб. 1-1102 – Журавлева Татьяна Юрьевна, заместитель главного редактора журнала.

E-mail: arhat_5@mail.ru.

Редакция журнала не несет ответственности за точность цитирования и отсутствие ссылок на первоисточники. Мнение редакции может не совпадать с научной точкой зрения автора.

Издание
подготовили
к печати
сотрудники
редакционно-
издательского
центра
Редактор –
А. А. Козаренко
Корректор –
Ю. Н. Толутанова
Обложка, макет
М. В. Кантакузен
Компьютерная
верстка
М. А. Трушкина

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. ШОЛОХОВА

Серия «Филологические науки»
2014.2

Электронная версия журнала: www.mgou.ru

Сдано в набор 10.06.2014 г.
Подписано в печать 17.06.2014 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 7,9 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № _____
Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ФГНУ «Росинформагротех»,
141261, Московская обл., пос. Правдинский, ул. Лесная, д. 60.